

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XV

АЛЬМАНАХ

Рига

2006

ISSN – 1407 – 0898

Издание осуществлено с помощью ACER – RUSSIE
Обложка работы архимандрита Зинова

Редакционный совет

Наталья Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Георгий Чистяков, Россия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международный Благотворительный Фонд
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2006

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь*

СВЕТ МИРА

Мы знаем, какое большое значение в Священном Писании имеет **свет**. Согласно библейской традиции, он был создан раньше всего, он – первенец творения, без него немислима жизнь. Свет был также символом мудрости, знания, спасения. Бог часто называется в Библии светом. В Новом Завете, по пророчеству Исайи, «светом миру» становится Иисус, Который Сам свидетельствует о Себе: «Я – свет миру» (Ин 8:12). «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме.» (Ин 12:46).

А у Матфея мы читаем, что Он в Нагорной проповеди говорит Своим ученикам: «Вы свет мира» (Мф 5:14). Называя учеников «светом», Христос говорит об их назначении, их призвании, их задаче – нести в мир, передавать другим людям божественный свет спасения, который они получили. И дальше Иисус продолжает: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф 5:16).

Христос призывает учеников на великое служение, на миссию: через них, через их веру и жизнь люди смогут познать Бога и прославить Его. Через учеников Христовых в мире должен сиять свет, исходящий от Отца и Его Сына, и добрые дела их будут совершаться во имя Отца Небесного, во славу Его, а не ради собственного превозношения.

Сегодня, в 2006 году от Рождества Христова, эта проповедь обращена к тем, кто читает Евангелие, кто крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа, кто составляет Церковь – Тело Христово. Это нам, христианам, Господь говорит: «Вы свет мира». И мы должны сиять «как светила в мире...» (Флп 2:15)

Мы не можем уйти от Его призыва, от нашего призвания, по той причине, что мы не были современниками Христа во время

Его земной жизни, не слушали Его проповеди, не ходили за Ним по дорогам Палестины, не были непосредственно вблизи «Света миру», не видели лица Его.

Но нам известно, что Христа видели и слышали многие, в том числе, и враги Его, и саддукейский трибунал, и Пилат, и это не спасло их... А тот, кто является для нас «первоверховным апостолом», – Павел, тоже, как и мы, никогда не видел Христа, но так любил Его, пережив внутреннюю встречу с Ним, что жил Им, носил на себе раны Христовы и был истинным свидетелем Воскресшего и бесстрашным и неутомимым проповедником Благой Вести среди многих языческих народов.

Но главное для нас то, что говорит нам Христос в Евангелии: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:20). Тайна христианства в том, что Воскресший Христос всегда и везде с нами: когда мы предстоим Ему в молитве, причащаемся Святых Тайн, стараемся жить по воле Его – мы прикасаемся к Нему, соединяемся с Ним, и Свет Христов просвещает нас, и Дух Святой наполняет нас. Тогда мы можем свидетельствовать о Христе из опыта нашего сердца, нашей веры, ведь Он посылает нас к людям: «...идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28:19-20). Для этого мы должны стать святыми, мы все призваны к святости, иначе не сможем осуществить наше служение. Святость – это в высшей степени универсальное и личное призвание каждого человека.

Но кто же из нас сегодня может стать святым?! – напрашивается возражение. Но святость в Библии не равнозначна безгрешности. Все, что посвящено Богу – люди, предметы, здания, – именуется «святым», «священным», оно считается отделенным от мира, не принадлежащим ему, иноприродным. По слову о. Александра Меня, «святость – осуществленная в жизни посвященность Богу». Человек, возлюбивший Бога, посвятивший себя Ему, не застрахован от падения. Преподобный Серафим говорил, что святой от грешника отличается только решимостью стать святым, посвятить себя Богу.

«Бог ожидает, что мы станем отблеском Его присутствия, теми, кто несет Евангельскую надежду. Отвечая на Его призыв, человек не забывает о своей слабости, поэтому хранит в сердце слова Христа: «Не бойся, только веруй» (Мк 5:36)... Когда в нас есть простое желание впустить в свою жизнь присутствие Бога, то в глубине души загорается огонь. Бог невидим. Мы не видим Его, и все же через Духа Святого Бог пребывает в глубине нашей души. И со временем Его присутствие понемногу меняет нас...» (Брат Роже из Тэзе)

«Как только я поверил в Бога, я понял, что не могу жить иначе, нежели только для Него... Каждый христианин должен видеть в любом человеке своего возлюбленного брата... Испытывать по отношению к любому человеку те же чувства, какие живут в Сердце Иисуса». (Брат Шарль Иисуса)

Стремление к святости – приближение к смерти. К большим испытаниям, страданиям. Но только такой ценой в мире еще мерцает свет. «... тьма не объяла его» только ценой святости и смерти, страданий и жертв добровольных. Святость не уничтожима ни точно рассчитанным ударом топора, ни ударами ножа, пресекающими земную жизнь святого. Святость, как дар Божий, посылаемый человеку, открывшемуся для святости, вспыхивает, становится ярче, во всяком случае, «приметнее» для большего количества людей, когда «носителя» святости убивают. Его самого как будто нет, а святость горит и сияет.

«Свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму» (Ин 3:19). Свет слепит человека (тьмы). Встреча со Светом может стать спасением для человека, а может обернуться гибелью, как для Иуды, как для убийц брата Шарля де Фуко, как для убийц отца Александра Меня, как для убийцы брата Роже Шютца. Что-то темное в человеке может не вынести этого ослепительного света любви. Любви жертвенной, истинной, Христовой любви. Чем человек более исполнен этой любви, тем более он становится мишенью, тем более он притягивает сатанинские силы тьмы, и жизнь его становится жертвоприношением. И он, идущий за Христом, становится Ему подобен, становится подобен Агнцу Божьему, берущему на

себя и искупляющему собой грехи мира. И его нельзя уберечь ни в пустыне, ни на безлюдной тропинке ранним утром, ни в монастыре среди братьев и двух с половиной тысяч молящихся...

«По какой бы причине нас ни убили, если в душе мы принимаем жестокую и несправедливую смерть как дар, благословленный Твоею рукой, если мы благодарим за нее, как за дивную милость, как за блаженное подражание Твоей кончине, если мы приносим ее Тебе, как совершенно добровольную жертву, если мы не сопротивляемся, повинуюсь Твоим словам: «Не противься злему» и следуя Твоему примеру: «Как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53:7)... если все это так, то по какой бы причине нас ни убили, мы умрем в чистой любви, и наша смерть будет благоугодной Тебе жертвой. И если это не будет мученичеством в узком смысле слова и в глазах людей, то в Твоих глазах это станет совершенным образом Твоей смерти». (Брат Шарль Иисуса).

«...Чтобы в этом темном мире
просветился наш свет,
от Тебя идущий,
и люди познали любовь Твою
в любви Отца, в спасении Сына
и в причастии Святого Духа.
Аминь».

(Прот. Александр Мень)

Редакционный совет альманаха «ХРИСТИАНОС»

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

Ирина ЯЗЫКОВА

СВЯТОЙ КАК ИКОНА БОГА

*«Дети мои, для которых я снова
в муках рождения, доколе
не изобразится в вас Христос!»
(Гал 4:19)*

Согласно Св. Писанию, Бог создал человека по Своему образу и подобию (Быт 1:26-27). И этим определяется высокий онтологический статус человека. Когда Спаситель говорит ученикам: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48), Он лишь напоминает о подлинном достоинстве человека и изначальном его призвании быть святым – «будьте святы, ибо Я, Господь Бог ваш, свят» (Лев 11:44).

Но что есть святость? И кто может быть святым, кроме Бога? «Един свят, Един Господь!» – возглашаем мы на литургии. Да, святость – это главное и неотъемлемое свойство Бога, и она абсолютна. Святость человека – как отраженный свет Света Абсолютного, она осуществляется только через причастность Богу, она есть зеркало Его славы, Его образ, отображение. Святость человеческая не существует сама по себе, она является результатом действия Божьей благодати, которая через преображение и обожение приобщает человека к божественной жизни, делает богоподобным. В преображенном человеке восстанавливается его поврежденная грехом природа, он соединяется с Богом как чадо Божье, как новая тварь. И это апостол Павел называет «рождением свыше».

Однако в обыденной жизни бывает непросто найти этому подтверждение. Отпав от источника Бытия, человек в своем «естественном» состоянии не отражает Бога, не является совершенным образом Творца, зеркалом Божьей славы, он более похож на замутненное стекло, через которое не проходит божественный свет. В мире существует множество образов, которые претендуют на то,

чтобы занять место Бога, и человек представляет Бога по своему образу и подобию. Но Бог, творящий мир Словом, не имеющий образа, но образуя все (давая всему образ), задумал человека как образ, в котором должен отразиться Его лик, как в капле воды отражается солнце. Каков же образ Того, Кто не имеет образа? Как можно отобразить Того, Кого не вмещает вселенная, перед Кем трепещут ангелы, Кто превыше всякого образа?

«Бога не видел никто никогда, – пишет св. Иоанн Богослов и продолжает: – Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1:18). Всемогущий и непостижимый Бог в таинственном акте Боговоплощения соединяется с человеческой природой, Невидимый и Непрístupный становится Видимым и Доступным для человека. «Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца», – свидетельствует св. Иоанн Богослов (Ин 1:14). Бог, Творец Неба и земли, Бог Авраама, Исаака и Иакова, говоривший с Моисеем на Синае, призывавший пророков, Божественный Логос – явился на землю как Богочеловек Иисус Христос. Тем самым Иисус Христос явил нам Бога, и потому апостол Павел пишет: «Он есть образ (εἰκόν) Бога невидимого» (Кол 1:15). Употребляя греческое слово εἰκόν (образ), Павел показывает, что Иисус Христос – единственный и истинный образ Отца, то есть первая и абсолютная икона Бога.

Став человеком, Божественный Логос прожил на земле во всей полноте человеческую жизнь – от рождения до смерти. И потому Иисус Христос, – по выражению св. отцов – «совершенный Бог и совершенный Человек», – являет нам не только истинный образ Бога, но и подлинный образ человека. «Все благовестие Ветхого Завета состоит в том, что человек есть икона Божия: все Благовестие Нового Завета в том, что Богочеловек – икона человека», – пишет современный сербский православный богослов Иустин Попович.¹

¹ Цитата приведена по изданию: В. Лепахин «Икона и иконичность», с. 143. Перевод цитат из неопубликованных по-русски произведений Иустина (Поповича) сделан В. Лепахиным.

Как известно, в Десяти заповедях был дан строжайший запрет на изображение Бога. Человек не в силах вообразить Бога – невидимого, неизреченного, непостижимого – и передать Его облик; в рукотворном искусстве любой образ Бога, сделанный человеком, был бы неполон, а потому неистинен, ложен. Но преп. Иоанн Дамаскин, один из защитников иконопочитания, видел в этом запрете пророчество о будущем Боговоплощении. Он пишет: «Ясно, что тогда (в Ветхом Завете) тебе нельзя было изображать невидимого Бога, но когда увидишь Бестелесного вочеловечившимся ради тебя, тогда будешь делать изображения Его человеческого вида. Когда Невидимый, облекшись в плоть, становится видимым, тогда изображай подобие Явившегося... Все рисуй – и словом, и красками, и в книгах, и на досках»².

В православной традиции икона Христа понимается не просто как снятие ветхозаветного запрета на изображение Бога, но как раскрытие смысла Божественного плана спасения. Икона есть образ Богочеловечества Христа, свидетельство тайны Боговоплощения. Согласно VII Вселенскому собору, иконопочитание и иконописание не нарушают второй заповеди, ибо Иисус Христос изображается по человечеству, а Его божество остается неизобразимым, но таинственно присутствует в Его иконах, так как две природы – божественная и человеческая – соединены во Христе неслиянно и нераздельно. Созерцая на иконе человечество Христа, мы предстоим и Его божеству. Спаситель говорит: «видевший Меня, видел Отца» (Ин 14:9), потому что Сын – единственный Образ Отца, Его икона, где «εἰκόν» понимается как образ-зеркало, неискаженное отражение Прообраза.

Слово «εἰκόν» мы встречаем в Св. Писании еще раз. Так в греческом тексте Св. Писания (Септуагинте) в рассказе о творении человек также назван иконой Бога (εἰκόν) (Быт 1:26-27). Человек задуман Богом как Его отражение, как чистый образ, зеркало Первообраза. Но в результате грехопадения человек утратил чистоту

² *Преподобный Иоанн Дамаскин*. Третье защитительное слово против порицающих святыне иконы, 8

и незамутненность образа. Но утрата Божьего образа приводит зачастую к тому, что человек теряет и образ человеческий. Потому и был послан в мир Сын Божий, чтобы показать не только недоступный для нашего созерцания и понимания образ Отца, но явить нам образ человека, восстановить утраченный человечеством εἰκόv. Вот почему преп. Иоанн Дамаскин восклицает: «Я увидел человеческое лицо Бога, и душа моя была спасена». Иисус Христос – икона (εἰκόv) Бога-Отца, но Он же и икона (εἰκόv) человека, образ того, что Бог задумал о человеке, и образец для нас. Потому можно сказать: «видевший Христа, видел человека».

Уже цитированный нами Иустин (Попович) пишет: «Богообразие человеческого существа есть протоевангелие, протоевангелие бессмертное, неуничтожимое евангелие, природное евангелие для всякого человека, рождающегося в мир (Ин 1:9). В этом богообразии и человеческое ощущение Бога, и человеческое осознание Бога, и человеческая тоска по Богу, и огромная человеческая свобода, и вечная жизнь человека, и его освобождение от смерти, и неустанное человеческое стремление ко всему, чтоечно. В богообразии – сущность человека, сущность неуничтожимая и бессмертная. Оно составляет ядро человеческой личности, ипостаси человека».³

Теория образа, легшая в основу православного иконопочитания, несет в себе прежде всего сотериологический смысл, она открывает суть спасения человека. Отцы Церкви довольно рано обратили внимание на то, что в библейском повествовании о сотворении человека есть некоторое противоречие: в 26 стихе 1 главы книги Бытия написано: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему», а в следующем, 27 стихе, сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему». Это можно рассматривать и как проявление поэтического параллелизма, характерного для Библии, но и как некоторый парадокс, разрешающийся через кажущееся противоречие. Многие отцы толковали это место

³ Цитата приведена по изданию: В. Лепяхин «Икона и иконичность», С. 143.

так: Бог задумал человека по образу и подобию (Быт 1:26), а создал только по образу (Быт 1:27), определив этим своего рода антропологическую перспективу, ибо образ нам дан, а подобие задано. Каждый человек получает образ при рождении, а подобия достигает в течение жизни. В греческом богословии для обозначения конечной цели человеческого преображения был выработан термин «теозис» – обожение (особенно активно его использовали исихасты), то есть, это значит, что конечная цель спасения – это стать подобным Богу. Св. Афанасий Великий говорил: «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом». В русской традиции есть слово «преподобный» – так называют святых, достигших этой цели, подобия Божия, уподобившихся Христу. Этого звания удостоиваются величайшие святые подвижники, такие как Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Силуан Афонский и др. Но эта перспектива открыта каждому человеку, более того, для христианина она заповедана (Мф 5:48). Св. Василий Великий говорил, что «христианство – это уподобление Богу в той мере, в которой это возможно для природы человеческой». Ему вторит св. Иоанн Дамаскин: «Бог из видимой и невидимой природы Своими руками творит человека по Своему образу и подобию. Из земли Он образовал тело человека, душу же разумную и мыслящую дал ему Своим вдохновением. Это мы и называем образом Божиим, ибо выражение «по образу» указывает на умственную способность и свободную волю, тогда как выражение «по подобию» означает уподобление Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека»⁴.

Грехопадением образ Божий в человеке был осквернен и искажен, однако он не был полностью утрачен. И это также важно помнить, память об этом уберегает нас от греха человеконенавистничества. Любой человек – падший, грешный, преступный – остается образом Бога, хотя искаженным и оскверненным, он словно потемневшая от времени и копоти икона, испоганенная и

⁴ Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, 2, 12.

поруганная, с многочисленными утратами, но все-таки икона (!). Процесс духовного становления человека, как его описывают св. отцы, напоминает реставрацию иконы: вначале почерневшую, закопченную доску промывают, расчищают, затем снимают слой за слоем старую олифу, позднейшие наслоения и записи, пока в конце концов не проступит Лик, не воссияет Свет, не проявится Образ. Этот образ человек не может создать внутри себя сам, он пишется в нем Святым Духом. Этой «духовной реставрации» и посвящали себя величайшие подвижники. Св. отцы называли аскетическую практику истинным иконописанием, «художеством художеств», полагая, что рукотворное искусство – только помощь в духовном восстановлении образа. Не восстановив внутри себя нерукотворный образ, не напишешь и рукотворную икону, вот почему к иконописцам предъявляли такие требования, как к священникам. Понятие об истинном (внутреннем) иконописании сформировалось в Церкви задолго до того, как появилось иконописание как искусство. Еще апостол Павел писал своим ученикам: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4:19). Этим он показывает, что целью христианской жизни является не просто нравственность или праведность, но уподобление Христу, богоподобие. С развитием искусства задача духовного творчества не только не отменяется, напротив, человек получает благодатную помощь: рукотворный иконный образ напоминает нам о том, что человек есть образ Бога и должен стать Его подобием, икона святого показывает его как пример осуществления замысла Божия о человеке. Каждая икона есть некое пророчество и о нас самих, о том, какими мы должны стать.

Созерцанию икон (молитве перед иконами) в святоотеческой традиции придавалось большое значение. Икона – не украшение интерьера и даже не просто обязательный предмет благочестия. Глядя на икону, человек должен сам становиться иконой, в противном случае его душа впитает в себя иные образы. Иустин (Попович) пишет: «Каждый человек – иконописец, ибо он живописует свою душу, пишет в ней Бога или беса. Да, человек есть или богоси́ец, или бесопи́сец: в боголюбии – богоси́ец, в грехолюбии

– бесопи́сец. Ибо всякий грех несет в себе бесовскую печать и неизбежно отпечатлевает в душе человеческой свое изображение, и так душа превращается в дьявольский иконостас».⁵

Человека, в котором изобразился Христос, который стал иконой Бога, Его образом и Его подобием, мы и называем святым. Еврейское слово «кадош» – святой, означает отделенный от мира. Этим и определялась в Библии инаковость Бога – Он иной, чем мир, иной, чем Его творение. Как же человек, будучи частью творения, может войти в эту инаковость? Библия говорит нам, что все, к чему Бог прикасается, также становится святым, то есть причастным святости, принадлежащим Богу: святым названы ковчег Завета, священные сосуды, храм, земля, вода. Конечно, во всех этих предметах только «частица» святости, только отражение святости Бога, как отблеск Его света. Абсолютна и полна лишь святость Бога. На иконах это изображается пробелами и ассистом – белыми или золотыми бликами, которые лежат на всем: на ликах, на одежде персонажей, на горках, на архитектуре и проч.

Когда мы что-то называем святым, мы должны помнить, что это лишь условное обозначение, а не абсолютная ценность. Например, Бог на горе Синай сказал Моисею: «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3:5). Это означает, что синайская земля не свята сама по себе, не изначально свята, но наполняется святостью лишь потому, что ее коснулся Бог, потому что здесь просиял свет Неопалимой купины, здесь звучал голос Бога. Здесь Бог и человек встретились.

Святость Бога может передаваться и человеку, когда Бог запечатлевает в нем Свой образ, освящающий человека и раскрывающий иное, новое бытие в нем. Переживая это новое бытие в себе, апостол Павел говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20).

Как известно, Павел был призван после смерти и воскресения Спасителя, он не знал Христа во плоти, но встретился с Ним по

⁵ Цитата приведена по изданию: В. Лепяхин «Икона и иконичность». СПб., 2002. С. 684

дороге в Дамаск, и эта встреча преобразила его. Павел полностью вверился воле Христа, став Его верным апостолом. Большинство современников Павла также никогда не видели Христа, но слово апостола, его проповедь, его вера, его образ жизни были для них свидетельством о Христе. В его свете они видели свет Христов. Павел приходил в Рим, Коринф, Фессалоники, и словно бы сам Христос посетил жителей этих городов. Через свидетельство Павла, через его личность, через его проповедь многие открывали и обретали Христа. Так же приводили ко Христу и другие апостолы, являя собой Того, Кого они проповедовали. Мученики, страдавшие за Христа, не только проявляли силу веры – прежде всего, они свидетельствовали о Христе (мученик по-греч. «мартис» – и значит свидетель). Но это свидетельство было не на словах, оно явлено было делом, жизнью, они «вплоть до смерти, и смерти крестной» уподобились Христу «предав себя в жертву святую» (Рим 12:1). О мучениках более чем о ком бы то ни было можно сказать, что в них «изобразился Христос». Все святые Церкви – святители, литургисты, гимнографы, богословы, проповедники, аскеты, столпники, пустынники – каждый по своему являли лик и свет Христов миру. Они жили в разное время, в разных условиях, некоторые из них не были согласны по отдельным вопросам с другими, но их объединяет то, что они жили Христом и во имя Христа, они не только о Нем говорили, но являли миру Его образ. И вплоть до последнего времени этот ряд свидетелей не прекращается.

Можно сказать, что святой актуализирует Христа в определенное время и в определенном месте. Более того, святой отвечает на вызовы этого мира, являя собой ту грань Божественного лика, которую наиболее важно узреть миру в данных обстоятельствах, здесь и сейчас. Яркий пример тому – минувший XX век. В начале столетия казалось, что религия, вера, христианство стали сдавать свои позиции под натиском атеистических идеологий и новой псевдодуховности. Но именно в этом веке был явлен величайший подвиг новомучеников, которые, как и мученики первых веков, показали пример истинной святости, прошли крестный путь и Гол-

гофу, подобно самому Христу. Причем как на Востоке, так и на Западе. Вот уж где очевидно, что наши перегородки до неба не доходят.

Православная монахиня мать Мария (Скобцова), католики – сестра Тереза Бенедикта Креста (Эдит Штайн) и священник Максимилиан Мария Кольбе, лютеранский пастор Дитрих Бонхёффер, который никогда не будет канонизирован в собственной церкви, потому что лютеране отказались от этой традиции, – все они святые XX века, новомученики и свидетели Христа. Каждый из них – икона Бога, страдающего в этом мире безбожия, насилия, жестокости. Но можно вспомнить примеры не только жертв концлагерей, но и революций – русской, мексиканской, китайской, или тех, кто был убит за свое служение как брат Шарль де Фуко, отец Александр Мень, брат Роже Шютц. В XX в. путь многих христиан в разных странах был мученическим. И смерть их стала тем семенем, которое, умерев, приносит свои плоды.

Евангелие учит, что целью человека является не просто самосовершенствование как развитие его естественных способностей и природных качеств, но раскрытие в себе истинного Образа Божия и достижение Божьего подобия, что святые отцы и называли «обожением» (теозис). Процесс этот апостол Павел сравнивает с муками рождения, потому что образ и подобие в нас разделены. Но можно сказать, что в этих муках рождается новое человечество, которое начал «первенец» Христос, а за Ним следуют Христовы. И живя среди безобразия мира они обретают истинный образ. Этот путь заповедан всем, а святые – только первопроходцы, пролагающие пути для других. «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 4:16), – говорит апостол Павел. О святых можно сказать так же, как сказано о Христе в Послании к Евреям: «как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр 2:18). Владыка Антоний Сурожский любил повторять, что никто не поверит во Христа, если не увидит Его свет, отраженный в глазах другого человека.

Святой, в котором просиял образ Божий, который достиг Божьего подобия, то есть стал в полной мере иконой Христа, ведет нас

к Первообразу, к Богу. Святой являет нам не самого себя, но Того, кто более Его, он раскрывает через себя истинный образ Бога. Как и рукотворная икона больше чем художественное произведение – она есть образ Того, Кто на ней изображен. И святой являет нам не себя как некую уникальную личность, героя или гения, и даже не человека сверхъестественных способностей, но образ святости, образ Того, Кто является источником святости. Святой ведет нас к Тому, к Кому сам был устремлен в земной жизни, и ныне, принадлежа Царству Небесному, помогает другим придти туда же. Смысл почитания святых, согласно православной традиции, не в увековечивании памяти выдающихся личностей или обожествлении их (сонм святых – это отнюдь не аналогия языческим пантеонам). Смысл почитания святых – в общении со святыми, Церковь называет это «общением святых», поскольку мы как потенциальные святые общаемся с теми, кто уже достиг святости. Молитва к святым есть, прежде всего, молитва со святыми, которые сами обращены ко Христу, и мы вместе с ними предстоим Единому Богу. Подобно тому, как и молитва перед иконой не есть молитва иконе, но Тому, чей образ начертан на иконе. Ведь иконописец, создавая иконный образ, не предъявляет нам плод своей фантазии и не заслоняет собой образ Того, Кого изображает на иконе. В иконе и иконописец, и молящейся находятся в одной позиции к Богу – они оба вместе предстоят Его образу, только один, молясь, пишет икону, а другой, молясь, созерцает через нее Христа.

Святость – христоцентрична. Святой не замещает Бога, не является посредником между Богом и нами, он открывает нам Бога. Святой – это человек, в ком прославился Христос, в ком отобразилась святость Христа, и он явил эту святость в конкретных обстоятельствах жизни и смерти.

Святость – прозрачна, через нее всегда виден Христос. Икону обычно сравнивают с окном в невидимый мир, а, как известно, чем окно чище и прозрачней, тем больше через него проходит света и тем больше оно позволяет глазу увидеть то, что находится за окном. Если святой заменяет Бога, он теряет свою прозрачность, а значит и свет, и источник света.

Общение святых, как и иконопочитание, св. отцами понималось как часть «умного делания» – соединения с Богом через созерцание образов Христа, Богородицы, святых и молитвенного общения с ними. Здесь возникает синергия, совместное делание Бога и человека, совместное созидание Царства Божия святыми и нами, находящимися на пути к святости. Конечно, святость дает некоторые преимущества: святому дана возможность действовать и после смерти, преодолевая непроницаемую стену, разделяющую мир дольний и мир горний. Святой рядом с нами и готов прийти нам на помощь, но при этом он напоминает и о близости Бога, о Его бесконечном милосердии к человеку.

Выдающийся современный иконописец, архим. Зинон (Теодор) говорит, что «икона ничего не изображает, она являет. Она явление Царства Христова, явление преображенной, обоженной твари, того самого преображенного человечества, которое в своем лице явил Христос».⁶ Так же и лик святого как человека преображенного Духом Святым, являет нам Царство Божье, победившее в одной отдельной душе. К. С. Льюис писал, что святой есть новый вид человечества, представленный в единичном экземпляре.

Икона, согласно православному пониманию, – не портрет, не картина, не фотография, она не претендует на точную передачу внешнего облика святого, в иконе изображается прославленный и преображенный лик человека. Образ может сохранять портретное сходство и узнаваемость, но он не должен быть натуралистичным, чувственным, плотским. Даже когда мы точно знаем, как выглядел человек, например, хорошо представляем себе благодаря фотографиям тех людей, которых Церковь прославила в недавнее время, тем не менее, иконописец при написании икон избегает натуралистических характеристик. В отличие от фотографии или т. н. реалистической (натуралистической) живописи икона стремится сохранить лишь самые характерные особенности внешнего облика святого, более общие черты, чем индивидуальные. Также облик святого в иконе не может быть искажен как в карикатуре

⁶ *Архимандрит Зинон. Беседы иконописца. Рига, 1997. С. 5.*

или модернистской живописи, потому что святость – красива и гармонична. В святом, как в живой иконе, нам, конечно, интересны и его индивидуальные проявления, его природная данность, его таланты, особенности его характера и проч., но гораздо более важно то, что запечатлелось в нем Духом Святым, то, что и сделало Его святым, похожим на Христа. В древних житиях неслучайно существовал тот же канон, что и в иконописи, который позволял, обобщая частности, выявить главное.

Святитель Григорий Нисский пишет: «Божественная красота не во внешних чертах, не в приятном окладе лица и не какой-либо доброцветностью сияет, но усматривается в невыразимом блаженстве добродетели... Как живописцы представляют на картине человеческие лица красками, растирая для этого краски таких цветов, которые близко и соответственно выражают подобие, чтобы красота подлинника в точности изобразилась в списке, так представь себе, что и наш Зиждитель, как бы наложением некоторых красок, т.е. добродетелями, расцвел изображение до подобия с собственной Своей красотой, чтобы в нас показать собственное свое начальство. Многообразны и различны эти как бы краски изображения, которыми живописуется истинный образ: это не румянец, не белизна, не какое-либо смешение этих цветов одного с другим; не черный какой-либо очерк, изображающий брови и глаза; не какое-либо смешение красок, оттеняющее углубленные черты, и не что-либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками живописцев, но вместо всего этого – чистота, бесстрастие, блаженство, отчуждение от всего худого и все однородное с тем, чем изображается в человеке подобие Божеству. Такими цветами Творец собственного Своего образа живописал наше естество»⁷.

«Икона, – пишет иконописец и богослов русского зарубежья Л. А. Успенский, – есть образ человека, в котором реально пребывает пополюющая страсти и всеосвящающая благодать Духа Святого. Поэтому плоть его изображается существенно иной, чем

⁷ *Святитель Григорий Нисский. О сотворении человека, гл.5.*

обычная тленная плоть человека. Икона – трезвенная, основанная на духовном опыте и совершенно лишенная всякой экзальтации передача определенной духовной реальности. Если благодать просвещает всего человека, так что весь его духовно-душевно-телесный состав охватывается молитвой и пребывает в божественном свете, то икона видимо запечатлевает этого человека, ставшего живой иконой, подобием Бога»⁸.

Е. Трубецкой говорит о том, что икона противопоставляет новое жизнепонимание биологической, животной, зверопоклоннической жизни падшего человека⁹. Главное в иконе – «радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение во храм всего человечества и всей твари». Но «к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав Божьего храма таким, каков он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовлеющей плоти в этом храме нет места: *и вот почему иконы нельзя писать с живых людей*»¹⁰. Церковь также не причисляет к лику святых человека при жизни, но только спустя некоторое время после его кончины, чтобы время и люди, и Сам Бог засвидетельствовали его святость. Конечно, мы знаем святых, которые были почитаемы уже при жизни – преп. Сергей Радонежский, св. Иоанн Кронштадтский, св. Франциск Ассизский, падре Пио. Не вызывала сомнений при жизни и теперь после их ухода святость владыки Антония Сурожского, матери Терезы Калькуттской или папы Иоанна Павла II. Для хорошо знавших о. Александра Меня его святость также вполне очевидна. В земном бытии этих людей уже просвечивалось бытие небесное, в их ликах люди видели сияние Божьей славы. Однако были святые, которым пришлось не одно десятилетие, а то и столетия дожидаться своего прославления, что никак не умаляет их достоинства. Есть святые, которые, возможно, никогда не

⁸ Л. Успенский. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989. С. 132.

⁹ Е. Трубецкой. Три очерка о русской иконе. М., «Лепта-Пресс», 2003. С. 40–41.

¹⁰ Там же, С. 25.

будут прославлены, но это также не исключает их иконности. Эти святые, незамеченные ни миром, ни Церковью, но они известны Богу, ибо они явили Его лик пусть даже только для одного или нескольких человек на этой земле.

Сегодня бытует мнение, что святой – это Божий избраннык, исключение из правил. В раннехристианские времена, напротив, всех христиан именовали святыми. Апостол Павел, например, пишет: «всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым...» (Рим 1:7). Тем самым он напоминает римским христианам об их призвании к святости. Апостол Петр также пишет своим братьям по вере: «вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет 2:9). Сегодня христиане об этом вспоминают редко, предпочитая смиренно именовать себя грешными, недостойными, сирыми и убогими. Вряд ли это можно назвать библейским подходом к человеку, как говорит русская пословица: «уничуждение паче гордости». Но на фоне этого общего псевдосмирения ярче сияют те, кто дерзнул открыть себя Духу Святому, сиянию Божьей славы. Св. Тереза Младенца Иисуса имела такое дерзновение сказать: «Я хочу быть святой!» Стремление к святости – это не гордыня, это риск. Но такой риск более чем оправдан. Святые – закваска будущего человечества, не грешного, не сирого и убогого, но святого и прекрасного, в котором будет пребывать Бог «все во всем». Этот процесс Пьер Тейяр де Шарден называл «христогенезом».

Святой как нерукотворная икона, которую пишет Сам Господь, являет нам действительно нечто особое, противостоящее плотскому началу этого мира, имеющее своим основанием Царство будущего века. Можно вспомнить древних монахов, пустынников, столпников, которые испытывали человеческую природу на прочность, полагаясь только на действие Божьей благодати. Но можно вспомнить и Марту Робен, нашу современницу, которая в течение десятилетий жила одной облаткой в день. И это в мире всеобщего потребления! Или преп. Серафим Саровский, который тысячу дней и ночей стоял в молитве на камне. И это в XIX в., когда мо-

литвы в мире становилось все меньше и меньше! Конечно, все эти случаи исключительные, совсем не каждый человек призван к такого рода подвигам. В большинстве своем святые такие же люди, как каждый из нас, поэтому и образ святого становится близким и понятным, он как ступенечка в восхождении на недостижимую высоту божественного бытия, которое с нами хочет разделить Бог. Антропология святости есть насущная тема для XXI века, для эпохи, в которой «разрушены все основания».

Как ни странно, для современного человека Богочеловечество Христа и особая избранность Богородицы зачастую служат камнем преткновения и лазейкой в оправдании своего духовного бездействия. Всегда можно сказать: Христос и Богородица – они другие, где уж нам, слабым и грешным. Но среди сонма святых всегда есть кто-то, кто окажется близким лично тебе, понятным, станет другом и помощником, поддержит на трудном духовном пути. Именно здесь и раскрывается тайна общения святых. Как и в обычной жизни, из множества людей мы выбираем себе друзей, их может быть совсем немного, но они понимают нас, и мы понимаем их, с ними мы можем быть духовно и душевно близки. Так и среди сонма святых у каждого найдутся такие, которые станут близкими душе, помогут решить какие-то внутренние проблемы, станут спутниками в жизни.

В храме обычно нас окружает множество икон, и среди них немало образов святых: на иконостасе (особенно деисисный чин), в киотах, на стенах и сводах, и проч. Все эти образы вместе составляют образ Церкви Торжествующей, той Церкви, которая молится на небесах у престола Божия. И это невидимое, но осязаемое для верующего «облако свидетелей», все эти святые предстоят на литургии рядом с нами, с теми, кто находится в земном времени и пространстве. Сонм святых – это и есть небо, сходящее на землю. Но заметьте, что во время литургии дьякон или священник кадит не только перед иконами, но и перед людьми, стоящими в храме. Потому что каждый человек – икона, образ Божий, каждый человек – потенциально святой, только в святых эта потенция реализована, а в нас еще нет. Иконы, песнопения, богослужение, весь

строй церковной жизни учит нас смотреть на каждого человека как на образ Бога, потому что в ближнем нам открывается Бог. «Человеческий род на земле есть не что иное, как прекраснейший иконостас Божий. Этот мир, все эти миры, эта Вселенная, все эти бесчисленные вселенные суть величественный храм Божий, а люди – иконостас этого храма».¹¹ (Архим. Иустин (Попович).

Святой как икона Бога имеет все признаки иконы: в нем сияет нетварный свет, его лик повернут к Богу и одновременно к нам, он прекрасен, но запечатлен не земной красотой, а красотой Святого Духа, он несет собой Благоую Весть и являет нам Христа, Который в свою очередь явил нам Отца. Этот обоженный и преображенный образ помогает нам открыть в нас самих новые источники бытия. В общении со святыми мы через них как через живые иконы восходим к Первообразу, источнику святости и бытия, и это не может не изменять и не преображать нас. Как пишет апостол Павел: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор 3:18).

¹¹ Цитата приведена по изданию: В. Лепяхин «Икона и иконичность», С. 683.

Брат Роже Шютц (1915–2005)
фото С. Бессмертного

Год тому назад, 16 августа 2005 года в монастыре Тэзе (Франция) во время вечернего богослужения был убит основатель общины Прими-рения брат Роже Шютц.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, выражая соболезнования общине в связи с трагической кончиной брата Роже, писал: «С глубокой скорбью узнал о трагической гибели основателя общины Тэзе брата Роже Шютца, земной путь которого был примером христианина, посвятившего себя служению Господу.

Брат Роже был известен во всем мире как основатель общины Тэзе, которую он возглавлял на протяжении более чем 60 лет. Вдохновенный проповедник и молитвенник, усердный труженик на ниве Христовой, он снискал повсеместное уважение за свое неустанное стремление к установлению отношений мира и любви среди христиан и проповедь христианских идеалов молодежи Европы. Убеджен, что трагическая гибель брата Роже является тяжелой потерей для всего христианского мира. Выражаю искренние соболезнования всем членам общины Тэзе и молюсь об упокоении новопреставленного брата Роже в обителях небесных».

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

ПАМЯТИ БРАТА РОЖЕ

**Доклад прочитан на XV Международной конференции памяти
протоиерея Александра Меня – «Пастырство»,
г. Москва, 8 сентября 2005**

Дорогие братья и сестры!

Организаторами встречи мне было поручено подготовить серьезный доклад о брате Роже из Taizé как о пастыре. Признаюсь, я оказался в очень затруднительном положении. Во-первых, потому что совершенно не способен на серьезный доклад, да еще на такую тему, по крайней мере, сейчас, когда прошло так мало времени со дня трагической гибели брата Роже, и когда эмоции явно оказывают давление на разум. А во-вторых, потому что сам брат Роже не был пастырем в узком традиционно понимаемом смысле этого слова. Он не был священником, имеющим право «вязать и решить», отпустить грехи или назначить епитимию. Он не был и «старцем-прозорливцем», спешащим предсказать тебе судьбу или дать указание по жизни, например, жениться или не жениться, и если жениться, то на ком. Он скорее не пастырь, а иконописец, написавший всей своей жизнью только одну икону – икону Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неразделенной Церкви Христовой. Эта икона – созданная им община, община Taizé. И говорить о брате Роже можно только в неразрывной связи с его общиной, говорить как о христианине, как о церковном деятеле, ну и как о пастыре тоже, о пастыре как об основателе и настоятеле монашеской общины. Это еще одна трудность, так как в одном докладе сказать о Taizé все просто невозможно, приходится ограничиться самым главным.

Мне кажется, в этой аудитории все знают или, по крайней мере, что-то слышали о брате Роже и о его общине. Но, на всякий

случай, я приведу несколько строк, рассказывающих об истории Taizé, из книги православного французского богослова Оливье Клемана. «Все началось в августе 1940 года с великого одиночества, когда двадцатипятилетний брат Роже переехал из родной Швейцарии во Францию, на родину своей матери. Вот уже многие годы он мечтал о создании общины, в которой бы день ото дня претворялась в жизнь идея примирения христиан, «где бы реально существовала доброжелательность сердца и где основой всего была бы любовь». Желая погрузиться в пучину человеческого отчаяния, он в разгар мировой войны поселился в бургундской деревушке Тэзе, в нескольких километрах от демаркационной линии, разделившей Францию надвое. Там он стал прятать у себя беженцев, в частности евреев, знавших, что его дом может послужить им укрытием при побеге из оккупированной зоны.

Понемногу к нему присоединялись другие братья, и на Пасху 1949 года они связали себя обетом безбрачия и жизни в общине в максимальной простоте. (Тогда их было уже семеро, и все они были протестантами, как и Роже).

В тишине долгого уединения зимой 1952–1953 года основатель общины написал Устав Тэзе, в котором изложил для братьев «основы жизни в общине».<...>

Сегодня в общине около сотни братьев, католиков и протестантов, более чем из 25 стран мира. Само ее существование являет собой конкретный знак примирения разобщенных христианских церквей и народов». (О. Клеман «Тэзе – Земля доверия и надежды», 2000. С. 101–103).

Оливье Клеман отмечает, что до того как брат Роже поселился в Taizé, он много лет мечтал о создании общины христианского примирения. Сам Роже часто рассказывал, что его жизненный выбор был во многом определен историей его бабушки. Во время Первой мировой войны, живя на севере Франции, она укрывала в своем доме беженцев. Столкнувшись с глубинами человеческого горя и отчаяния, она страстно желала, чтобы никому никогда больше не пришлось пережить подобное. Но для этого, по ее мнению, разделенные между собой христиане должны были прими-

ряться. Это примирение она, как настоящая христианка, начала с себя. Происходя из старого протестантского рода, она перешла в католическую церковь и при этом сумела не стать для своих близких символом отступничества. Все это не могло пройти бесследно для молодого Роже.

Начиная с конца 50-х годов, в поисках смысла жизни и человеческого примирения в Taizé стали приезжать молодые люди из многих стран Западной Европы. Сегодня туда на еженедельные встречи приезжает молодежь, и не только молодежь, но и люди старшего поколения, со всего мира. Бывают недели, когда община принимает до 6 тыс. человек более чем из 70 стран. С течением лет сотни тысяч молодых людей прошли через Taizé, где они воочию убедились в том, что отношения между людьми могут определяться не этническими, конфессиональными и культурными отличиями, а только стремлением к миру и евангельской любовью.

С конца 1980-х годов в Taizé стали приезжать паломники из Восточной Европы, а с начала 90-х и из России. И не только, и даже не столько протестанты и католики, сколько православные. Трижды в день все паломники вместе с братьями общины собираются в церкви Примирения для общей молитвы. 16 августа этого (2005) года во время вечерней молитвы основатель общины брат Роже был убит одной из паломниц, очевидно, страдавшей психическим расстройством.

Говоря о брате Роже, мы должны исходить из его основной интуиции, явленной, воплощенной в созданной им общине. Брат Роже был всегда убежден, что есть только одна Церковь Христова, единство, которое не нужно строить, а нужно лишь увидеть его самому и открыть, явить другим. Церковь – единое Тело Христа, она не может разделиться. Разделилась не Церковь, разделились церковные люди, и разделились не из-за того, что между ними были какие-то глубинные неразрешимые противоречия, а из-за обмирщения церковной жизни, из-за угасания евангельского духа любви, из-за политиканства, проникшего в церковную среду. Поэтому Церковь нуждается не в соединении, не в соединении цер-

ковных структур или в унификации богословских систем и форм богослужений, как это порой понимается, когда речь заходит об экуменизме, а в примирении людей. И все слова, все дела, вся жизнь брата Роже были определены этой интуицией.

И пастырство брата Роже, уж если говорить о нем как о пастыре, тоже направлялось этой интуицией. Это проявлялось, прежде всего, в полном отсутствии авторитаризма в его руководстве общиной. Авторитарные решения убивают инициативу, угашают творческий дух, порождают недовольство и, как следствие, ведут к разделению. Конечно, брат Роже обладал авторитетом, и не только в общине, но это был авторитет по жизни, а не по должности, не потому что он был основателем или настоятелем общины. Это был авторитет, основанный на взаимной любви и доверии. Слово «пастырь» традиционно предполагает отцовство, и, наверное, многие братья общины, особенно младшие по возрасту, относились к нему, как к отцу, да и заботился он о них, как отец, но при этом всегда оставался для них братом и другом. Поэтому все основные решения, направляющие жизнь общины, принимались на общем Совете. Конечно, не всегда и не во всем может быть полное единогласие, и бывают моменты, когда настоятель должен принимать единоличное решение, но и в этом случае он должен руководствоваться поиском мира и любви. Вот что об этом писал сам брат Роже:

«Настоятель монастыря является в первую очередь слугой сопричастности. Он следит за тем, чтобы братья все вместе являлись знаком сопричастности.

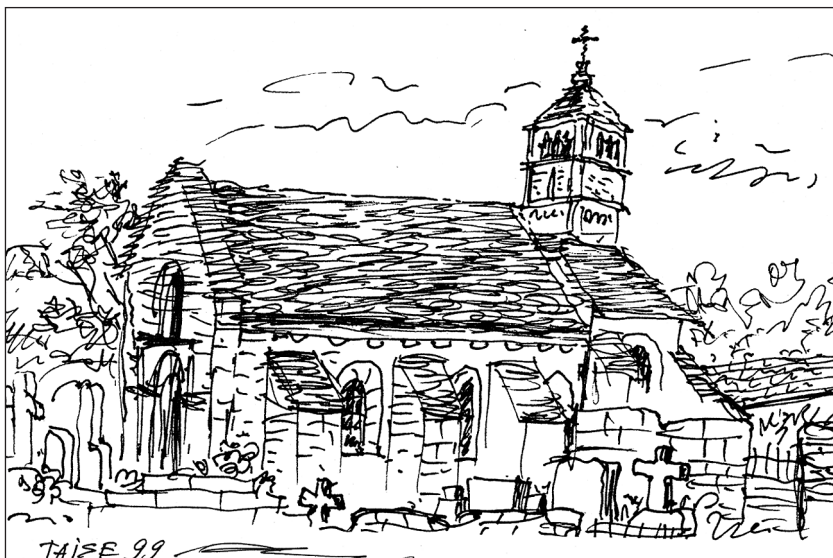
Пусть он не считает себя выше остальных братьев. Но, руководствуясь правилами общины, он не должен при этом находиться в полной зависимости от большинства, а пытаться понять волю Божьей любви.

Если он видит несогласие в каком-нибудь важном вопросе, он принимает временное решение, чтобы потом снова вернуться к данной проблеме.

Незаменимыми дарами для настоятеля являются дар мудрости, дух сочувствия и неисчерпаемая доброта сердца.<...>

Тэзе, рэсункі Ольгі Ореховай

Во время совета мы, в молчании и нищете сердца, стоим перед Христом, готовясь вместе снова открывать для себя свежесть Евангелия в нашем общем призвании.<...>

Ничто так не парализует жизнь, как авторитарное «надо». Споры обо всем и ни о чем ни созидают общую жизнь. Разве люди, идущие за Христом, могут постоянно находить в себе силу к новому порыву, если они будут терять силы на мелочи?» (Брат Роже «Нет большей любви», 1993. С. 73–74).

В отношении к брату Роже совершенно не подходит слово «контроль». Нет, конечно же, как настоятель общины он всегда и, несмотря на преклонный возраст, до последнего дня был в курсе того, что происходит в общине, и признавал свою ответственность за это перед Богом и перед Церковью. Но он никогда не считал необходимым контролировать все действия каждого члена общины и, что называется, влезать во все дела, понимая, что ни один человек не может знать и уметь все, и смиренно сознавая свою человеческую ограниченность. В общине Taizé у каждого свое дело и своя ответственность. Одни занимаются искусством: пишут картины, иконы, трудятся в гончарной мастерской, создавая красоту и облагораживая повседневную жизнь. Другие занимаются переводами, издают тексты – самые важные для христианской традиции, кто-то занимается богословием, пишет книги. Практически все учат языки, чтобы соответствовать интернациональному призванию общины и иметь возможность принимать всех, приезжающих туда.

На мой взгляд, это большое достоинство пасторского стиля брата Роже. Ведь задача пастыря не в том, чтобы сделать всех похожими на себя или подогнать всех под единый удобный пастырю формат, а в том, чтобы помочь каждому члену общины раскрыть личные дарования или, по крайней мере, не мешать ему в этом. И здесь тоже проявляется главная интуиция брата Роже: там, где каждый занят своим делом, нет места для ревности, братья не соревнуются друг с другом, а дополняют друг друга, взаимно обогащают. Конфессиональные, этнические, культурные различия стираются перед различием даров, даров Святого Духа.

В медицине есть очень важный принцип: не навреди. Этот принцип очень важен и заметен и в пастырском руководстве брата Роже. Он всегда считал важным не мешать личным отношениям человека с Богом, не вмешиваться в эти отношения, не пытаться манипулировать совестью человека, а довериться действию Бога в этом человеке. Сорок три года назад он писал:

«Постепенно Христос преображает и меняет в нас все враждебные и противоречивые силы, все наши не поддающиеся контролю реакции, против которых воля бессильна. Преображаются пустынные, замутненные, недоступные вере глубины нашего существа. Медленно и иногда неосознано работает Дух над нашими сердцами, и все темное озаряется и осмысливается в Боге. Только Он может невозможное, а именно: изменить бунтующую волю, направленную не на то, что человек любит, а на противоположное, на зло. С такого преображения и начинается воскресение на земле». (Брат Роже «Его любовь как огонь», 1988. С. 32).

Конечно, «Дух дышит, где хочет», но по преимуществу, прежде всего, Христос Духом Своим действует в Церкви, в общине, где, по словам Самого Христа, «двое или трое собрались во имя Его». Поэтому брат Роже и община Taizé видят свое призвание не в том, чтобы учительствовать, не в том, чтобы провозглашать прописные истины, а в том, чтобы ищущим Истину явить, открыть действие Бога в общине, в Церкви, явить, что есть подлинная сопричастность, подлинное христианство, то есть подлинное единство Бога и человека. Конечно, ни брат Роже, ни члены его общины никогда не претендовали на то, что им это удалось или удастся в полной мере, но они, во всяком случае, доверились Богу и посвятили этому служению свою жизнь. Об этом замечательно написал Оливье Клеман: «Нынешним молодым людям надоели пустые слова, они жаждут настоящего. Какой смысл говорить им о сопричастности, если невозможно (сказать. – В. Л.) – *«Пойди и посмотри»* – (невозможно. – В. Л.) показать им место, где действует община. Место, где тебя принимают таким, как есть, не оценивая, не судя, где не спрашивают догматический паспорт – не скрывая тем не менее, что здесь собираются вокруг Христа и что

есть только одна дорога... которая начинается здесь для того, кто этого хочет. В Тэзе мы открываем то, что я люблю называть “постидеологическим христианством”» (с. 15). А чуть раньше Клеман пишет: «В мире, наполненном пустыми обещаниями, Тэзе – земля, где предугадывается «иное». И пусть не смущаются ревнители Православия. Тэзе никого себе не присваивает, не претендует быть Церковью, это только порог, преддверие и знак Церкви в перспективе примирения. В Тэзе пробуждаются к тишине, молитве, к дружбе. И тогда открываешь, что христианство возможно в дружбе. И возвращаешься в свою страну, в свой приход с непреодолимым ощущением этого пробуждения и дружбы» (с. 13).

Клеман называет Taizé знаком Церкви, но мне все-таки больше нравится слово икона, икона Церкви. Во всяком случае, и знак и икона – это то, что реально есть, это то, что можно показать, что можно увидеть. В Taizé не поучают, не наставляют, а личным примером показывают, как можно жить в мире и согласии, как можно строить жизнь, основанную на любви Божией. И это тоже очень важный момент в пастырстве брата Роже. И для общины и для паломников он всегда являл пример евангельской простоты, простоты отношений, открытости, доверчивой доступности. И, конечно же, личного смирения и безграничной веры в любовь Божию. Брат Роже очень часто повторял, что Бог есть любовь, и что Бог может лишь любить. И это особая тема.

Иногда брата Роже упрекали в этическом либерализме из-за того, что он мало говорил о грехе и о наказании Божиим. Но эти упреки основаны либо на недоразумении, либо на откровенной лжи, на извращении фактов. Все зависит от того, что понимать под грехом и наказанием. Если исходить из того, что подлинный грех – это оторванность от Бога и сомнение в Его любви, как это понимали и святые отцы неразделенной Церкви, то брат Роже только об этом и говорил. Но говорил по-своему, говорил самой любовью, не обличая, не запугивая, не ввергая в отчаяние, а указывая верный путь к исходу из тьмы, из мрака потерянности, оторванности, путь к сопричастности Богу, к Церкви Христовой.

Что же касается наказания Божия, то если под наказанием понимать кару, творение зла человеку в отпущение за его грехи, промахи и ошибки, действительно брат Роже об этом не говорил, да и говорить не о чем. Так думать о Боге – вообще грех. Другое дело, если под термином «наказание Божие» мы понимаем научение, действие Бога в нашей жизни, когда Он Сам, разделяя нашу боль и страдание, проводит нас через жизненные испытания. Бог не избавляет нас от проблем, не разрешает их за нас, но Он дает нам мужество, дает силы и терпение нести свой крест, более того, Он Сам его несет вместе с нами. И вот об этом брат Роже говорил много.

Но правды ради надо признать, что брат Роже действительно не любил говорить о тьме, о грехе, о наказании, а больше о любви, о прощении, о милосердии. Так ведь он имел на это право, он его выстрадал всей своей жизнью, он говорил из глубины своего любящего, прощающего сердца, из глубины сострадания. И это не он придумал, это собственные слова Иисуса Христа: «Не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него», и в другом месте: «Вы судите по плоти; Я не сужу никого». А если Христос не судит нас, «кто решится осудить нас? Христос воскрес. Он никого не осуждает, никого не наказывает. Кто решится осудить нас? Он молится в наших сердцах, Он дарит нам освобождение через прощение. И мы, прощая и воздерживаясь от осуждения, в свою очередь освобождаем наших братьев». (Брат Роже «Его любовь как огонь», с. 15).

Говоря о Taizé или о пастырстве брата Роже, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о молитве. В Taizé нет такого послушания ни для братьев, ни для паломников, которое освобождало бы от участия в общей молитве. Молитва в центре жизни общины, молитвой община дышит, и учит этому всех приезжающих туда. В Евангелии Господь говорит: «Если не обратитесь и не станете как дети, не сможете войти в Царство Небесное». Христиане всех конфессий, наверное, хорошо знают эти слова, но очень часто забывают их, когда речь заходит о молитве. Очень часто в молитве мы предстаем пред Богом такими «учеными мужами», излагающими Богу свои средневековые догматические системы, или всезна-

ющими «мудрецами», поучающими Бога, как Ему следовало бы устроить этот мир или как поступить с нашими противниками.

Конечно, современного человека, в том числе и молодого, можно научить и такому молитвословию. Но если мы ищем мира, если мы хотим явить существующее единство Церкви Христовой, наша молитва должна быть другой, так как у нас могут быть разные представления о противниках, о лучшем устройении мира, да и догматические системы наши могут различаться. Молитва Taizé проста, как детский лепет, и в то же время глубока, как само Евангелие, потому что именно им она и питается. Именно такая молитва, доступная всем, часто состоящая лишь из одной фразы, повторяемой на разных языках, может собирать «рассеянное малое стадо», а не разъединять. Но самое главное, что молитва должна идти от мирного сердца.

Сам брат Роже очень много говорил и писал о молитве. Вот лишь несколько его слов, передающих дух молитвы Taizé:

«Зачем заставлять себя произносить слова молитвы, если сердце не участвует в ней.<...>

Мы можем обращаться к Богу на языке повседневности. Это, может быть, еще не молитва, но уже путь к внутреннему единству.<...>

Пламенный поиск Бога и повседневное усердие постепенно сливаются в одно. Молитва и жизнь становятся нераздельным целым.<...>

Ищущий Воскресшего как бы уже живет в измерении Царства Божия. Оно не имеет ни начала, ни конца, не может быть измерено. Молитва есть возможность общения между бесчисленными верующими. Благодаря ей устанавливается связь с вечностью». (Брат Роже «Его любовь как огонь», с. 39–41).

Вообще о молитве Taizé можно и нужно было бы написать отдельную книгу, и кто-то, может быть, это сделает. Я же сейчас хочу только еще раз подчеркнуть, что и молитва Taizé, и вся жизнь брата Роже, и его служение определялись его главной интуицией, видением, осознанием единства Церкви Христовой и стремлением к примирению.

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

РЕАЛЬНОСТЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

18 августа 2005 г.

Преображение Господне. Всенощное бдение.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы с вами празднуем Преображение Господне. Сегодня мы вспоминаем одно из самых удивительных событий евангельской истории, о том, как Господь явил ученикам Своим славу Свою, как Господь преобразился пред ними на горе Фаворской. Но что значит это событие сегодня для нас, что значит для нас этот праздник? Это событие – прообраз преобразования всего мира, всей твари, каждого человека. Этот праздник – икона, икона *нашего* преобразования. И сегодня мир может жить только надеждой, только надеждой, упованием на это преобразование. Но как мир может поверить в него, как люди могут поверить в него, когда, казалось бы, этот мир охвачен тьмой, когда, казалось бы, зло безраздельно царствует в жизни людей? Только через людей. Только через людей *в белых одеждах*, которые являют реальность и силу этого преобразования, только через людей, преобразенных любовью Господней.

Когда-то мне казалось, что в этом мире нет и не может быть ничего хорошего, но двадцать семь лет назад я встретил человека. Я встретил человека, который светился любовью Христовой, я встретил человека, который был внутренне преобразен. Этот человек открыл и мне, и многим-многим другим людям реальность Преобразования. Этого человека убили. Двенадцать лет назад, спустя два года после убийства того человека, я встретил другого человека, человека *в белых одеждах* – который так же светился любовью Христа, который так же явил десяткам, сотням, тысячам, а может быть, даже и сотням тысяч людей реальность Преобра-

жения, возможность жить в этом мире. Это был брат Роже. И вот два дня назад его тоже убили.

Теперь мы должны стать этими людьми *в белых одеждах* для этого мира, теперь через нас этот мир, люди, окружающие нас, должны поверить в реальность Преображения. Поверить в то, что на самом деле зло не царствует в этом мире, что на самом деле этот мир живет любовью Божией, что на самом деле в самой страшной, казалось бы, беспроглядной тьме сияет свет, свет Божьей любви. Через нас с вами этот мир должен узнать о прощении, о примирении, о единении, обо всем том, что открывается нам через Преображение. Вот что значит этот праздник. Вот к чему он призывает нас сегодня. Давайте задумаемся.

И да хранит вас всех Господь!

КАК УМИРАЕТ АПОСТОЛ

(Слово по окончании всенощного бдения)

Родные мои, я поздравляю вас всех с праздником Преображения Господня. Ну вот, как вы все, наверное, знаете, два дня назад погиб брат Роже, и мы не можем не отдать, несмотря на праздничные дни, не отдать ему долг памяти. Мы сейчас совершим поминальную молитву, панихиду, но я не хочу, чтобы сердца ваши были наполнены отчаянием. Я разговаривал с братом Люком: они, как он сказал, конечно же, потрясены тем, что произошло. Но сердца их наполнены миром, сердца их по-прежнему наполнены любовью. И они живут, несмотря на то, что произошло, своей обычной жизнью: точно так же три раза в день совершается молитва, точно так же в Тэзе сейчас находятся тысячи паломников, точно так же каждое утро ведутся библейские занятия, точно так же во второй половине дня люди встречаются в малых группах, чтобы делиться друг с другом радостью совместного бытия. И брат Люк сказал, что они не хотели бы, и брат Роже этого тоже, наверное, не хочет, чтобы мы здесь плакали, чтобы мы здесь отчаивались, чтобы мы здесь забыли о любви Божьей и о свете, о том свете, служению которому всю свою жизнь посвятил брат Роже.

И сегодня я уже говорил, что в канун Преображения, конечно, нельзя не вспомнить евангельские слова: «Господи, хорошо нам здесь быть!» Я бы сказал: «Господи, как хорошо нам здесь быть!», «Ой, как хорошо нам здесь быть!» Наверное, многие из вас переживали то же самое в Тэзе – ой, как хорошо нам там было, ой, как хорошо нам было рядом с братом Роже! И другие слова из сегодняшнего же евангельского чтения: Господь в беседе с явившимися Моисеем и Илией говорил о том исходе, который надлежало Ему совершить в Иерусалиме. Мы знаем, *что* это за исход, мы знаем о Его крестной смерти. Так вот, брат Роже тоже совершил свой исход в эти дни перед Преображением Господним.

Что я еще могу сказать? Я сегодня уже говорил о том, насколько силен духовно и физически был брат Роже. И я не представляю, чтобы он мог тихо угаснуть в своей постели. Что-то должно было произойти. Я не предполагал, что это может быть вот... так шокирующе, но что-то должно было быть. Такие люди, апостолы, миссионеры должны умирать как апостолы. И он умер как апостол, он умер как миссионер. Апостолы, мы знаем, практически никто не умер своей смертью. Да даже св. Иоанн Богослов, про которого говорят, что он умер, будучи уже очень древним человеком – ему было почти сто лет – но даже он прошел через страдания, даже он прошел через испытания, и его смерть, конечно же, трудно назвать, тоже, тихой. Поэтому я считаю, что брат Роже умер достойной смертью праведника, апостола – святому и смерть святого. Такую смерть еще надо заслужить. А сейчас давайте будем молиться.

«ГОСПОДИ, ХОРОШО НАМ ЗДЕСЬ БЫТЬ!»

19 августа 2005 г.

Преображение Господне. Литургия.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня мы с вами празднуем Преображение, мы вспоминаем одно из самых ярких, самых удивительных событий евангельской

истории. Но что значит сегодня для нас этот праздник, что сегодня значит для нас это событие? Почему мы это вспоминаем, почему мы это празднуем? Мы вспоминаем и празднуем это потому, что это начало преображения всей твари, это начало преображения всего мира, это начало преображения, залог преображения каждого человека и каждого из нас. Более того, если мы считаем себя верующими, если мы считаем себя христианами, то для нас это событие, для нас этот праздник имеет особое значение. Потому что именно *через нас* должно начаться преображение рода человеческого, именно через нас, через наше преображение мир должен увидеть реальность преображения твари, мир должен *через нас* увериться в силе Преображения, в том, что это возможно.

Но очень часто мы, называющие себя верующими, говорим: «Но как это может быть? Это невозможно». Возможно. Богу возможно все. Невозможное человеку возможно Богу. И Господь доказал это в сотнях, тысячах, миллионах святых, которые сияли Божьей славой, которые сияли светом нетварным, которые несли в этот мир радость и свет. В сегодняшнем евангельском отрывке есть удивительные слова – апостолы, обращаясь к преобразившемуся Господу, говорят: «Хорошо нам здесь быть!» Важно понять, что сияние, о котором идет речь, свет Преображения, который мы должны с вами явить миру – это не обязательно свет, видимый физическими очами. Речь не об этом идет. Сияние, свет, о котором мы говорим – это когда рядом с нами хорошо быть. Когда люди говорят: «Господи, нам хорошо здесь. Нам хорошо здесь быть». И вот это сияние, вот эту силу мы должны явить миру.

Сегодня весь христианский мир скорбит, прощается с удивительным человеком, который всю свою жизнь посвятил проповеди – проповеди Преображения, проповеди вот этого сияния, проповеди этого света. И многие из вас, здесь присутствующих, многие десятки, сотни, тысячи, сотни тысяч людей, живущих в этом мире, рядом с ним говорили: «Господи, хорошо нам здесь быть!» Сегодня мир прощается с братом Роже из Тэзе. С человеком, который прожил удивительную жизнь, который нам с вами показал, что преображение возможно, реально. И сегодня *мы с вами*, сегодня мы

с вами должны стать для этого мира свидетелями Преображения. Сегодня мы с вами должны стать для этого мира людьми, через которых мир увидит радость жизни в Боге, сияние, сияние Божией славы.

Давайте будем сейчас молиться, давайте будем молиться, совершать таинство Евхаристии, то таинство, через которое мы и преобразуемся, то таинство, через которое Бог нас и обоживает, то таинство, через которое Он питает нас Своей освящающей, очищающей благодатью. Давайте будем молиться. Давайте будем молиться о том, чтобы Господь помог нам, чтоб Господь, прежде всего, укрепил нас в вере, в вере в радость бытия, чтобы Господь укрепил нас в вере в возможность преобразования, чтоб Господь укрепил нас в вере в Его любовь, чтоб Господь даровал нам эту силу, вот ту силу, которая в этом мире дает возможность сказать: «Господи, хорошо нам здесь быть!»

Да хранит вас Господь!

(Слово по окончании панихиды)

Спаси Господи, родные мои, всех за молитвы.

Брат Роже – удивительный человек. Он прожил удивительную жизнь и умер, как рыцарь, рыцарь Христов, воин Христов, как рыцарь Святого Духа. Он умер на своем *боевом посту*, если можно так сказать – во время молитвы, во время богослужения принял предательский удар ножом... Но мы не должны отчаиваться. Он всю жизнь проповедовал, что Бог нас любит, он всю жизнь проповедовал, что ничто не должно мешать нашей радости, он всю жизнь проповедовал, что несмотря *ни на что*, несмотря на то, что, казалось бы, тьма сгущается, за этими облаками, за этими тучами сияет солнце. И важно об этом помнить, важно жить памятью об этом свете, жить надеждой на этот свет и, по возможности, сиянием этого света.

Я хочу передать вам низкий поклон и привет от братьев Тэзе. Я вчера разговаривал с ними, они благодарят вас всех за любовь, за память, они благодарят вас за молитвы, за то, что вы молитесь вместе с ними сейчас, в эти дни. Но самое главное, что они проси-

ли передать – то, что они сохраняют мир в своих сердцах, мир и любовь. Они сохраняют присутствие Святого Духа. Жизнь в общине идет по раз и навсегда заведенному братом Роже расписанию: каждый день совершается три раза молитва, каждый день совершаются библейские занятия, каждый день, и сегодня, и сейчас, все паломники, приезжающие туда, встречаются в малых группах для того, чтобы говорить о вере, о жизни и о любви. Так что не будем отчаиваться, будем жить, жизнь продолжается. Жизнь продолжается, и теперь брат Роже молится о нас – он всегда молился о нас, он всегда о нас помнил, но теперь он еще ближе к престолу Божьему, он теперь совсем рядом с Господом, так что, я думаю, теперь его молитва будет еще ощутимее, будет еще заметнее.

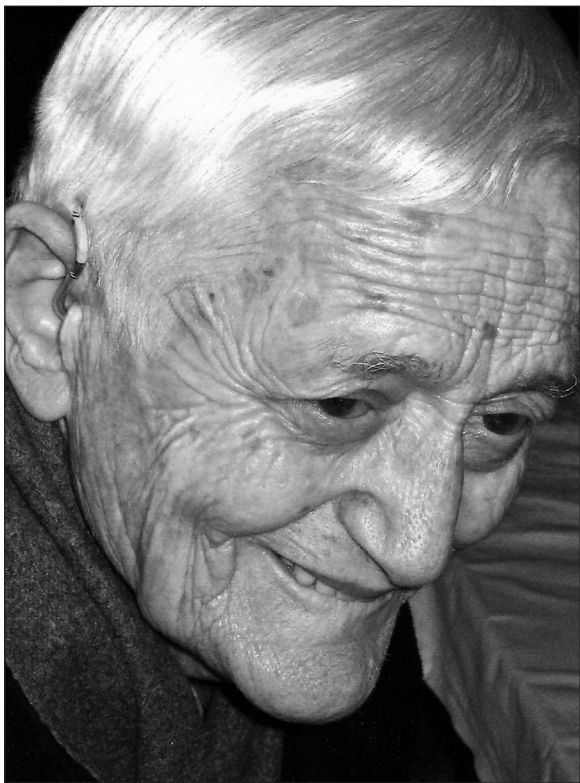
Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

LAUDATE DOMINUM...

Вскоре после смерти брата Роже один из пользователей написал в интернете: «Я знаю слова Иисуса о том, что «если зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода». Я знаю, что гроб Спасителя пуст. Я знаю, что брат Роже сможет теперь нам помочь гораздо больше, чем раньше. Но просто Воскресения не бывает без креста. И если мы попытаемся пережить Воскресение, миновав Крест, – из этого ничего не получится»... «В конце похоронной церемонии, – рассказывал один из старых друзей Тэзе Миша Завалов – раздали свечки и получилось как бы наше отпевание, и Пасха, потому что православные священники из Румынии пели «Христос Воскресе», а брат Алоис, преемник брата Роже, сказал нам «Брат Роже как бы толкает нас вперед, не дает нам спать!»... Братья тоже многим говорили «Христос Воскресе!»»

Роже Луи Шютц-Марсош, известный всему миру как брат Роже из Тэзе, родился в 1915 году в Швейцарии в семье протестантского пастора, то ли лютеранина, то ли реформата, ибо сам он никогда не говорил о том, к какой деноминации принадлежит. Брат Роже вспоминал об отце как о «мистике в сердце», который молился по утрам в пустом храме. Однажды мальчик даже видел, как отец молился в католической церкви, хотя Швейцария была страной, где бытовали ожесточенные конфликты между католиками и протестантами. Мать Роже была француженкой и приняла католичество сознательно, не вопреки воле мужа-пастора, но чтобы свидетельствовать об отсутствии разделения между католиками и протестантами.

Служение брата Роже, окончившего к тому времени реформатский колледж, началось в полном одиночестве. В Нагорной проповеди Христос говорит о том, что «если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь

Брат Роже, май 2005

против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником, и пойдй, прежде примиришься с братом твоим» (Мф 5:23–24). Эти слова Евангелия особенно отозвались в сердце брата Роже, который решил посвятить жизнь примирению между христианами. В 1940 году в возрасте 25 лет он покинул родную Швейцарию и переселился во Францию, страну своей матери.

Несколько лет он вынашивал в себе желание собрать общину, где в повседневной жизни христиане могли бы жить примирением. Общину, в которой «доброта сердца стала бы практической вещью и где в центре всего стояла бы любовь». Именно тогда он поселился в маленькой деревеньке Тэзе в Бургундии, всего в нескольких километрах от демаркационной линии, которая в первые годы войны разделила Францию надвое. Тут он мог укрывать беженцев, в том числе и евреев, которые покидали оккупированную зону, зная, что могут спрятаться в этом доме.

После войны к нему присоединились еще несколько человек, и на Пасху 1949 года первые братья новой общины принесли свои обеты безбрачия, совместного владения собственностью и простоты жизни. С 1950-х годов некоторые из братьев начали жить в тех местах, где люди терпят лишения, чтобы разделить свою жизнь с бедными. А само Тэзе стало местом молчания и молитвы. Братья, сначала это были только протестанты, но затем к ним присоединились и католики, не принимают никаких пожертвований и живут только на деньги, которые зарабатывают сами. Сначала это было просто, но с конца пятидесятых годов в Тэзе стала приезжать молодежь, и паломников становилось все больше и больше. Братья подумали было покинуть Тэзе и укрыться в более тихом месте, но быстро поняли, что принимать молодежь – это их призвание. Но и те, кто приезжают в Тэзе, пускай только на одну неделю, все равно работают, моют посуду, помогают на кухне и т.д.

Сегодня общину Тэзе составляют более ста братьев из более чем 25 стран. Община сама по себе – уже знак примирения между разделенными христианами и разделенными народами. Важно, что никакой особой екуменической доктрины брат Роже не провозглашал, при этом никто из братьев не сменил своей конфессии или

деноминации, хотя о том, к какой из конфессий кто принадлежит, они никогда не говорят. В одной из своих последних книг брат Роже рассказывает, как родилось его призвание: «Вспоминаю бабушку со стороны матери, она интуитивно нашла ключ к экуменическому призванию, и тем самым показала мне, как это воплотить в реальности. Ее жизнь – свидетельство, сильно повлиявшее на меня, когда я был еще совсем молодым. Следуя за ней, я открыл мою собственную христианскую идентичность, примирив в себе веру моих предков с тайной вселенской веры, не теряя связи ни с той, ни с другой».

Каждую неделю начиная с ранней весны и до поздней осени молодые люди с разных континентов приезжают на холм Тэзе. Они ищут смысл жизни – в единстве со многими другими людьми. Приникая к источникам доверия в Боге, они совершают своего рода внутреннее паломничество, которое дает смелость строить доверие в мире людей. Иногда летом в этом общем путешествии участвуют более пяти тысяч молодых людей из 75 разных стран. И это путешествие продолжается, когда они возвращаются к себе домой. Оно заключено в стремлении углубить внутреннюю жизнь и в готовности принять на себя ответственность за то, чтобы мир, в котором мы живем, стал лучше.

Для того чтобы поддерживать молодежь, община организовала «паломничество доверия на земле». Это отнюдь не равнозначно созданию какого-то особого движения вокруг общины. Каждого, кто побывал в Тэзе, как бы призывают у себя дома, в своих собственных условиях, проживать то, что ему открылось, с большим вниманием относиться к своей внутренней жизни и лучше чувствовать связь со множеством других людей, которые тоже вовлечены в этот поиск самого главного в жизни. В конце года Тэзе всякий раз проводит большую встречу в каком-нибудь из городов Европы, Восточной либо Западной. В такой встрече участвуют десятки тысяч молодых людей со всей Европы и с других континентов. Эти встречи – этапы «паломничества доверия на земле».

После убийства брата Роже архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс сказал, что «очень немногим людям нашего вре-

мни удалось изменить всю атмосферу религиозной культуры; но именно это совершил брат Роже. Он изменил ориентиры экуменизма, пригласив христиан разных конфессий жить вместе монашеской жизнью; он изменил само представление о христианстве в умах многих молодых людей; он показал церквям первостепенное значение примирения – сначала в послевоенной Европе, а затем во всем мире». Близким другом брата Роже был французский философ Поль Рикёр: «Я вижу тысячи молодых людей и девушек, которые, – писал Рикёр, – не занимаются формулировкой ответов на вопросы о добре и зле, Боге, благодати, Иисусе Христе, но сердца которых избрали добро»... «община не навязывает нам модели, которой мы должны были бы подражать, но дружески призывает. Я люблю слово «призывать», потому что здесь мы не подчиняемся логике приказов, еще менее – принуждения, и с другой стороны здесь не действует логика недоверия и сомнений, столь распространенная сегодня в профессиональной жизни, в жизни больших городов, повелевающая нами и в рабочие часы, и в часы досуга. Этот ощущаемый всеми мир в сердце и воплощает для меня счастье общины Тэзе».

«Сердце брата Роже, – говорил на его похоронах брат Алоис, немец по рождению и католик по исповеданию, которого семь лет назад брат Роже с согласия братьев назначил своим преемником, – вмещало всех людей, из всех стран, в особенности – молодых и детей». «Брат Роже постоянно возвращался к Евангельской ценности доброты сердца, – сказал брат Алоис, – и это не какие-то пустые слова, но это сила, способная изменить мир, потому что так действует Бог. Перед лицом зла сердечная доброта – это нечто хрупкое. Но жизнь, которую в самоотдаче прожил брат Роже, доказывает, что последнее слово всегда остается за Богом и за миром, который Он дает».

«Брат Роже, – сказал в день похорон перед началом заупокойной мессы кардинал Вальтер Каспер, – был созерцателем – человеком молитвы, которого Бог призвал к тишине и уединению монашеской жизни. И все же он захотел открыть свое сердце монаха, как и всю общину Тэзе, для молодых людей со всего мира, для их

исканий и чаяний, для их радостей и страданий, для их пути – и пути жизни, и пути веры».

Действительно, нельзя не сказать о том, что Тэзе – это место особой, сильной, радостной и искрящейся, но в то же время проникновенной и в сущности безмолвной молитвы. Рассказывают, что один мальчик, приехавший в Тэзе вместе с родителями, заранее предупредил, что не будет молиться три раза в день. Прийти на молитву пришлось, и тут этот мальчик понял, что здесь просто нельзя не молиться, потому что молитва сама льется из сердца. Молитва в Тэзе – это молчание, перерастающее в пение, и пение, перерастающее в молчание. «Эта молитва, – сказал многократно бывавший в Тэзе московский священник о. Владимир Лапшин, – в которой участвуют все братья и паломники, «проста, как детский лепет, и в то же время глубока, как само Евангелие, потому что именно им она и питается. Именно такая молитва, доступная всем, часто состоящая из одной лишь фразы, повторяемой на разных языках, может собирать «рассеянное малое стадо», а не разъединять. И молитва Тэзе, и вся жизнь и служение брата Роже определялись его главной интуицией... осознанием единства Церкви Христовой и стремлением к примирению».

Тэзе – община, семья в лучшем смысле этого слова. Те, кто жил в Тэзе среди братьев и обитающих поблизости от них католических монахинь, знают, что такое эта семья, что такое настоящая община и настоящее братство, и уже не могут жить иначе. Чувство того, что такое духовная семья, та семья, о которой рассказано в книге «Деяний апостолов», брат Роже чувствовал как никто другой. Его никогда не канонизируют, не будут лобызать его мощи, потому что он – протестант, а у протестантов нет святых в том смысле слова, в каком почитают святых православные и католики. Но при этом он – настоящий святой в лучшем смысле этого слова.

«Дух Святой, Ты живешь в каждом человеке и приходишь, чтобы вдохнуть в нас то главное, что включает в себе Евангелие: доброту и прощение. Любить и выражать это своей жизнью, любить с сердечной добротой и прощать – так Ты даешь нам обрести

один из источников мира и радости». Эти слова были написаны на обороте портрета брата Роже, который раздавали братья в день похорон. Действительно, «доброта и прощение» – это какие-то особенные ценности; и хотя они присутствуют на каждой странице Евангелия, мы так часто ими пренебрегаем...

Тэзе – это какое-то особенное сияние... Особенная красота... ничего упрощенного... красота пения... красота природы, красота присутствия Духа Святого. Говорят, что вечером после похорон брата Роже после дождя на небе появилась удивительная радуга. Двойная, с ярчайшими красками, гигантская. Один итальянец сказал, что никогда подобного в жизни не видал. Многие говорят, что пережили в этот день ощущение Пасхи. Боль и радость. И море света, несмотря на пасмурный день. Один из братьев сказал, что читал книги записей – они лежали у гроба для желающих. Желающие исписали девять толстенных книг. Читал и поражался восприятию Тэзе. Он сказал примерно так: «Мы знаем людей, которые сюда приезжают часто, скажем, раз в год. Но есть немало людей, которые в Тэзе что-то открыли – и уже туда не возвращались. Даже если были тут один раз. А продолжали жить дома, но иначе. И вернулись только на похороны выразить свою благодарность».

«Там были тысячи как важных, так и безымянных фигур, – пишет один из участников похорон брата Роже, – множество прекрасных людей, которые пели и молились. Люди всех возрастов, приехавшие из всех стран мира, верующие всех религий, объединенные присутствием Иисуса, которое объединяет в себе каждое начало и каждый конец с начала веков и навсегда. Когда не раздавалось пение, царила тишина. И все эти тысячи молчали и слушали в тишине шум дождя, который шел не переставая. Мне было грустно, но я был и счастлив за эту фантастическую жизнь, ярко прожитую, которая принесла столько добра миллионам людей... и которая принесла добро мне. Если бы я не встретил когда-то Тэзе, которое осветило мне путь, думаю, что давно уже стал бы убежденным атеистом. А вместо этого я рад, что верую».

На Западе принято хоронить в закрытом гробу. А гроб брата Роже был открыт, поэтому, прощаясь, все могли видеть его пре-

красное лицо. Когда братья вынесли гроб из церкви и пронесли через толпу, никто не двинулся за ними. На маленькое кладбище при старой церкви пошли только братья и с ними три маленьких мальчика, один из них португалец по имени Рубен. И это не случайно, рядом с братом Роже всегда были дети. И во время молитвы тоже. Один из свидетелей убийства написал, что, когда все случилось, он смотрел не на убийцу, а с удивлением – на детей, которые как всегда были рядом с братом Роже, словно бы не понимая, почему они плачут. А когда его несли, уже с перерезанным горлом, и он совсем не мог дышать и говорить, он все делал руками какие-то примиряющие знаки – мол, не беспокойтесь... А теперь, как говорят, дети виснут на брате Алоисе. Миссия брата Роже продолжается.

В апреле 2005 года на похоронах Иоанна Павла II кардинал Ратцингер (будущий папа Бенедикт XVI) преподал брату Роже Святое Причастие. Это все видели по телевидению во время прямой трансляции. Газетчики сразу ухватились за этот факт, причем одни утверждали, что кардинал не узнал брата Роже и принял его за католического монаха, другие писали, что Роже Шютц тайно принял католичество. Действительно, хранитель католической веры *ex officio*, в чем-то очень жесткий и не меняющий своих установок или попросту консервативный (как тогда считалось) кардинал не мог причастить протестанта, ибо сам многократно выступал против интеркоммуниона. Это, действительно, так.

Но он сделал это и, как потом оказалось, сделал это вполне сознательно, потому что увидел в брате Роже не представителя иной деноминации, но брата во Христе, не двоюродного, но именно родного брата. Такого брата видела в нем и мать Тереза, и Иоанн Павел II, и, главное, миллионы христиан, причем всех исповеданий и со всех континентов. Брат Алоис сказал мне, что они ожидали, что в связи с кончиной брата Роже им придет много писем с соболезнованиями. Но не предполагали, что писем будет так много. Настоящие горы. И не соболезнования, но благодарность была содержанием этих писем. *Laudate Dominum omnes gentes* – Хвалите Господа все народы...

13 ноября 2005 года Шарль де Фуко (брат Шарль Иисуса) был причислен к лику блаженных... Бог вел Шарля к Себе через его горячую жажду истинной Жизни.

Его бурная, полная исканий жизнь очень близка нам, современным людям.

Подборка текстов Шарля де Фуко, озаглавленная «Бог есть Любовь», дает представление как о жизненном пути, так и о личности этого человека...

Интервью с кардиналом Каспером посвящено актуальности вести, принесенной Шарлем де Фуко современному миру...

Письмо Малой сестры Патриции-Мариин – это эхо самого события причисления брата Шарля к лику блаженных.

Брат ШАРЛЬ ИИСУСА (Шарль де Фуко)

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

Краткая биография Шарля де Фуко

Шарль де Фуко родился в Страсбурге в 1858 году. И отец, и мать его умерли, когда Шарлю не было еще и шести лет... Жизнь глубоко ранила этого ребенка.

В трудное время отрочества он теряет веру и погружается в развлечения и пирушки (быть может, пытаясь таким образом убежать от внутреннего беспокойства).

В 22 года Шарля де Фуко, офицера, посылают в Алжир. Спустя три года он уходит в отставку и совершает рискованное путешествие для исследования Марокко. Там он впервые сталкивается с мусульманами. Свидетельство их веры заставляет Шарля задуматься и задаться вопросом: «Может быть, Бог существует?»

По возвращении во Францию он растроган тем любовным и таинственным приемом, который ему оказали родные, глубоко верующие

христиане. Шарль начинает искать Бога, и происходит его провиденциальная встреча с аббатом Ювелином, ставшим для него другом и духовным отцом. В октябре 1886 года, в двадцать восемь лет, Шарль де Фуко переживает обращение.

Отныне он хочет отдать Богу всю свою жизнь. Он совершает паломничество на Святую Землю, где открывает для себя лик Иисуса из Назарета. Шарль хочет следовать за Ним и подражать Ему – смиренному и бедному Труженику. Сперва он проводит семь лет в трапистском монастыре, где принимает постриг, затем четыре года – отшельником в Назарете, возле обители кларисс¹. Постепенно он осознает, что следовать за Иисусом, любить Его – значит, подобно Ему, подружиться с теми, кто заброшен и обездолен.

В 1901 году брат Шарль становится священником и уезжает в Сахару: вначале в Бени-Аббес, потом – в Таманрассет, где живут туареги. Он пытается стать просто другом и братом кочевникам пустыни. Он изучает их язык, знакомится с их культурой. Он стремится не обращать их в христианство, а любить, он хочет «возвещать Евангелие» всей своей жизнью.

1 декабря 1916 брат Шарль погибает в Хоггаре, потому что во время беспорядков, охвативших эти земли в период Первой мировой войны, он решил до конца разделить участь своих друзей, туарегов.

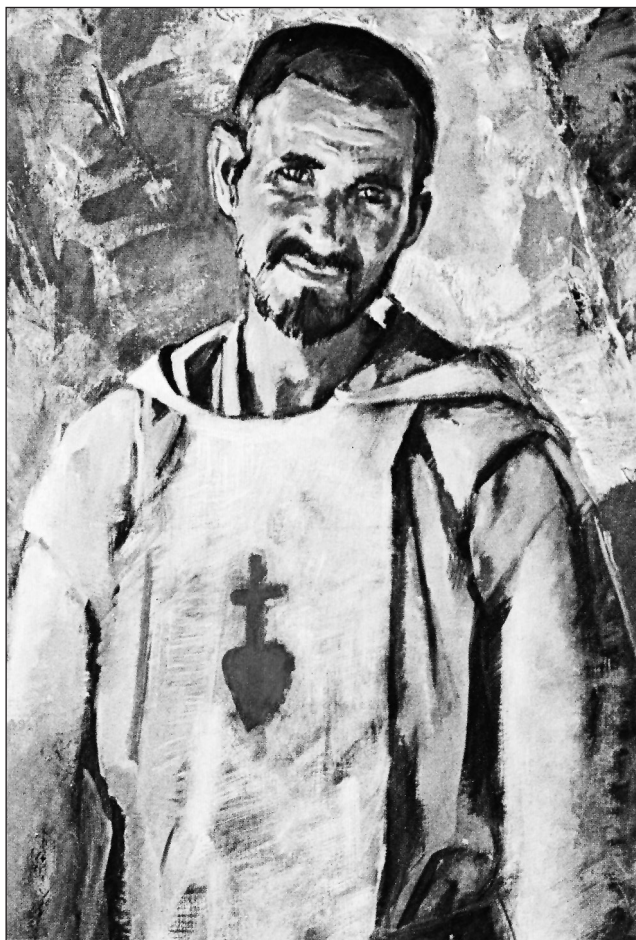
Скептически настроенный подросток

Как Ты благ, Боже мой! Как Ты неизменен! Как Ты неизменно остаешься Тем, Кто «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит»! (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Из письма к А. Дюверье, неверующему другу:

«Вы дружески пеняете мне, что мало знаете о моем прошлом. Оно очень просто. Вот оно, в нескольких словах. В 1864 году, в возрасте пяти с половиной лет, я потерял отца и мать. С тех пор меня

¹ Женский монашеский орден св. Клары Ассизской. (Прим. пер.)

Потрет брата Шарля работы Малой сестры Иисуса

воспитывали дедушка и бабушка с маминой стороны (мама была их единственным ребенком). У меня есть сестра, которую вместе со мной воспитывали те же замечательные дедушка с бабушкой. Мой дед, г-н де Морле, бывший офицер инженерных войск, вышел в отставку и поселился в Эльзасе, где мы и жили до войны. После 1870 года мы перебрались в Нанси. Там я окончил школу и был принят в Сан-Сир... После Сан-Сира я отправился в Сомюр, затем – в гусарский полк, потом – к «Африканским охотникам»². За один год я побывал в гарнизонах Бона, Сетифа, Маскары, а также принял участие в походах на юг Орана. В 1881–1882 годах я провел семь или восемь месяцев в палатках в алжирской части Сахары; такая жизнь прирастила меня к путешествиям, к которым я давно стремился. В 1882 году я ушел в отставку, чтобы свободно удовлетворить мою жажду приключений. В течение полутора лет, в Алжире, я готовился к путешествию по Марокко. Я совершил это путешествие и потом, описывая его, провел в Алжире еще полтора года. В начале 1886 года я вернулся в Париж и поселился там, готовя к публикации мой отчет о совершенном путешествии и уже подумывая о следующем.

Я получил христианское воспитание, но после 15–16 лет всякая вера во мне испарилась. Чтение, до которого я был так жажен, сделало свое дело. Ни одна из философских доктрин не привлекала меня. Ни одна из них не казалась мне достаточно обоснованной. Я пребывал в бесконечных сомнениях и был особенно далек от католической веры. Многие из ее догм, как мне казалось, глубоко противоречили здравому смыслу... В том же возрасте моя жизнь сделалась беспорядочной и долго еще оставалась такой (что не мешало мне живо интересоваться учебой). Став военным, я продолжал жить так же, я отдалился от семьи, я почти не видел родных с 1878 по 1886 год. И то небольшое, что они узнавали о моей жизни, особенно в первой половине этого времени, могло лишь огорчать их». (Письмо от 21 февраля 1892 года)

² Название полка, направленного в Африку. (*Прим. пер.*)

«Я удалялся, я все дальше уходил от Тебя, Господь мой и жизнь моя... и моя жизнь начала становиться смертью... но даже в этой смерти Ты по-прежнему хранил меня...

Я творил зло, но не поддерживал и не любил его... Ты дал мне ощутить глубокую печаль, болезненную пустоту и такую тоску, какую я никогда не испытывал ни до, ни после того времени... Она возвращалась ко мне каждый вечер, когда я оставался дома один... она лишала меня дара речи и угнетала во время так называемых праздников: я устраивал их, но потом проводил время в молчании, отвращении, скуке... Ты дал мне испытать смутное беспокойство нечистой совести, которая, хоть и дремлет, но все же не умерла совсем... Я никогда не испытывал подобной тоски, неустроенности, беспокойства – лишь в те времена. Это был Твой дар, Боже мой... А я и не догадывался об этом!

О, мой Бог, рука Твоя была на мне, но как мало я ее чувствовал! Как Ты благ, как Ты хранил меня! Как Ты укрывал меня под сенью крыл Твоих, в то время как я даже не верил в Твое существование!» (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Опыт нежности Божьей

Ислам глубоко потряс меня... Видение этой веры, этих душ, живущих в непрестанном присутствии Бога, заставило меня заподозрить, что есть нечто большее и более истинное, нежели мирские заботы. Я начал изучать ислам, а затем и Библию. (Из письма к Анри де Кастри 17 августа 1901 года)

В другом письме (от 14 августа 1901 года) к А. де Кастри, чья вера пошатнулась, он рассказывает о своем обращении:

«Когда я жил в Париже, готовя к публикации отчет о своем путешествии по Марокко, я оказался окружен людьми очень умными, очень достойными и очень верующими. И я сказал себе: «Может быть, эта религия не так уж и абсурдна».

Одновременно с этим мощный поток благодати совершал во мне свою работу: я начал посещать церкви – без веры, но чувствуя себя хорошо только там, – и проводить в них долгие часы, повторяя эту странную молитву:

«Боже мой, если Ты есть, дай мне узнать Тебя».

Меня посетила мысль, что мне следует побольше узнать об этой религии: может быть, в ней находится истина, найти которую я отчаялся. И я сказал себе, что лучше всего было бы посещать уроки по католической вере, как я посещал уроки арабского языка. И подобно тому, как я искал хорошего талеба, чтобы выучить арабский, я принялся искать ученого священника, чтобы тот рассказал мне о вере...

Мне говорили о весьма достойном священнике (аббате Ювелине), получившем высшее образование. Я пришел к нему в исповедальню и сказал, что хочу не исповедаться (у меня ведь нет веры), а получить некоторые разъяснения о христианской религии...

...Я попросил об уроке религии, а он заставил меня встать на колени и исповедаться, а потом сразу же отправил меня причащаться».

«Блудный сын не только принят с бесконечной добротой, без наказания, без упреков, без единого упоминания о прошлом, – но с поцелуями, с лучшей одеждой и перстнем сына этого дома. И он не просто принят, но взыскан этим благословенным отцом, и приведен им из дальних стран.

Отец его побежал, пал на грудь ему и нежно поцеловал... принесите лучшую одежду и сандалии, и заколите откормленного теленка... (Ср. Лк 15:20, 22)

Боже мой, как Ты благ! Ведь именно это Ты и сделал для меня! Да, в юности я ушел далеко от Тебя, далеко от дома Твоего, от Твоих святых алтарей, от Твоей Церкви, в дальнюю страну, в страну язычества, в страну тварного, в страну неверия, безразличия и зем-

ных страстей... О, как болезненно далека от Тебя эта страна! Я долго оставался в ней: 13 лет, растрачивая свою молодость в грехе и безумии. Первой Твоей благодатью (не самой первой в моей жизни, ибо им нет числа в каждый час моего существования, но той, в которой я вижу первую зарю моего обращения) стало то, что Ты дал мне испытать голод – физический и духовный. По великой благодати Твоей Ты послал мне материальные трудности, которые заставили меня страдать и обнаружили тернии в моей безумной жизни. Ты дал мне испытать духовный голод, посылая мне тайное желание лучшей жизни, вкус к добродетели, жажду морального блага... И потом, когда я так робко вернулся к Тебе, повторяя эту странную молитву: «если Ты есть, дай мне узнать Тебя», о Боже доброты, неустанно действующий во мне и вокруг меня с самого моего рождения, чтобы привести меня к этому моменту, с какой нежностью Ты «немедля побежал мне навстречу и кинулся мне на грудь и поцеловал меня»! С каким нетерпением Ты вернул мне одежду невинности... И на какой божественный пир – совершенно иной, нежели пир блудного сына, – Ты немедленно пригласил меня... Как добр отец блудного сына, но Ты в тысячу раз нежнее его! Ты сделал для меня в тысячу раз больше, чем он – для своего сына! Как Ты благ, Господь мой и Бог! Благодарю... благодарю бесконечно!

... увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мной. (Мк 2:14)

Нет такого великого грешника, такого закоренелого преступника, которому Ты не сказал бы, что подаришь ему Рай, как Ты подарил его благоразумному разбойнику, – в награду за мгновение доброй воли.

Нет состояния столь презренного и презираемого, откуда Ты не мог бы извлечь души – не только спасти их, но сделать их Твоими избранныками, вознести к величайшей святости. Ты извлекаешь из придорожной пыли потерянные и затоптанные драхмы и возвращаешь им первозданную красоту. Так не будем же никогда отчаиваться – ни о себе, ни о других, ни о ком, каким бы заблудшим

он ни был, как бы ни казалось нам, что в нем угасли все добрые чувства. Не будем никогда отчаиваться не только в том, что он может быть спасен, но и в том, что он может еще достигнуть дивной святости. Бог достаточно силен для этого... Добрый Пастырь может привести овец в овчарню в одиннадцатый, как и в первый час. Его доброта и сила безграничны. Дух Святой говорит устами апостола Павла, что «всего надеяться» – это наш долг.

Будем надеяться! Ибо, какими бы ни были наши грехи, Иисус хочет спасти нас. Чем более мы грешны, чем ближе мы к смерти, чем более отчаянно наше состояние... тем больше (если можно так выразиться) Иисус хочет спасти нас, ибо Он пришел спасти погибшее». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Заворожен Иисусом из Назарета

Бог не довольствуется тем, чтобы на каждом шагу являть в Писании Свою особую любовь к самым маленьким. Он пожелал, явившись на землю в смертной плоти, стать самым маленьким, занять самое последнее место, так что никто из смертных никогда не сможет спуститься ниже, чем Он. (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Через два года после обращения Шарль, по просьбе аббата Ювелина, совершает паломничество на Святую Землю. Он потрясен осознанием того, насколько Иисус стал одним из нас:

«Источник Воплощения – благодать Божия... Но вот что является прежде всего – столь прекрасное, столь сияющее, столь удивительное, сверкающее, подобно ослепительному знамени: бесконечное смирение, сокрытое в этой тайне... Бог – Сущий, бесконечный, совершенный, Творец, всемогущий, величайший, царствующий, Владыка всего, – стал человеком, соединился с человеческой душой и телом и явился на землю как человек, как последний из людей...

Он пришел на землю спасти и научить нас, а также затем, чтобы Его узнали и полюбили. Поэтому с момента Своего вхождения в этот мир и на протяжении всей Своей жизни Он пожелал дать нам урок презрения к человеческому превозношению, урок совершенной свободы от человеческих почестей... Он родился, жил и умер в глубочайшем унижении, в крайней униженности... Он раз и навсегда занял самое последнее место, так что никто никогда не может спуститься ниже, чем Он».

«Мое дело – постоянно искать последнее из последних мест, чтобы стать таким же маленьким, как мой Учитель, чтобы идти за ним – след в след, – как подобает верному ученику...»

Жить в бедности, в унижении, в страдании, в одиночестве, в оставленности, – чтобы пребывать вместе с моим Господином и Братом, моим Женихом, моим Богом, Который прожил так всю Свою жизнь и даровал мне ее в пример с момента Своего рождения».

«Он спустился³ с ними в Назарет»: всю Свою жизнь Он только и делал, что «спускался» – Он «спустился» – воплотившись, «спустился» – став младенцем, «спустился» – пребывая в послушании, «спустился» – сделавшись бедным, оставленным, изгнанным, преследуемым и истязуемым, всегда занимая последнее место.

...Как я жажду, наконец, зажить той жизнью, которую я почувствовал и угадал, шагая по улицам Назарета, где ступали ноги Господа нашего – бедного Труженика, затерявшегося в унижении и безвестности...

Твой устав: следовать за Мной... Делать то, что Я делал. Спрашивай себя всякий раз:

«Что сделал бы Господь наш?» и делай это. Это единственный твой устав, но устав абсолютный.

³ Буквальный перевод с французского, в синодальном переводе: «Он пошел с ними, и пришел в Назарет». (Лк 2:51). (*Прим. пер.*)

Узрите в Воплощении любовь к людям, любовь Бога к ним, — ту любовь, которую вы должны иметь, следуя Его примеру, чтобы быть совершенными, как совершен Отец ваш небесный... Как активна эта любовь, как она действенна, как глубока! Из любви Он как бы одним прыжком преодолевает расстояние, отделяющее конечное от бесконечного. Из любви Он ради нашего спасения прибегает к нездешнему, невероятному средству: Воплощению. Он, Бог, Творец — приходит жить на землю...

Чтобы спасти нас, Бог пришел к нам, стал одним из нас, жил среди нас в самой непосредственной, семейной близости — от Благовещения до Вознесения. Ради спасения душ Он продолжает приходить к нам, соединяться с нами, жить среди нас в самой непосредственной близости, — каждый день и каждый час, в святой Евхаристии...» (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Жить только для Бога

Я не могу понять любви без поиска уподобления Любимому, без того, чтобы разделить все Его печали, без горячего желания соответствовать Его жизни. (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

14 августа 1901 года он пишет А. де Кастри:

«Как только я поверил в Бога, я понял, что не могу жить иначе, нежели только для Него. Мое монашеское призвание родилось одновременно с верой. Бог так велик! Так велика разница между Богом и всем, что не Он!

Евангелие показало мне, что «первая заповедь — возлюбить Бога всем сердцем своим», и что нужно все заключить в любовь. Каждый знает, что первый результат любви — это подражание. Итак, мне оставалось лишь вступить в тот монашеский орден, где я найду наиболее точное подражание Иисусу. Я не чувствовал себя призванным подражать Его общественному служению в проповеди. Следовательно, мне надо подражать незаметной жизни

смирненного и бедного Назаретского Труженика. Мне казалось, что ничто так хорошо не являет эту жизнь, как обитель траппистов...

Я провел там шесть с половиной лет. Затем, стремясь к большим лишениям и большому унижению – чтобы еще сильнее походить на Иисуса, – я отправился в Рим и получил от генерала Ордена разрешение одному поселиться в Назарете и жить там в неизвестности, простым тружеником, в повседневном труде. Я оставался там более четырех лет в скиту, в одиночестве, в благословенной сосредоточенности, радуясь бедности и унижению, к которым Бог позволил мне так горячо стремиться, чтобы подражать Ему».

«Просите для меня прежде всего любви – пылкой, щедрой, пламенной, – которая заставляет любить Иисуса превыше всего... Я не прошу о том, чтобы чувствовать эту любовь, ни о том, чтобы чувствовать, что Иисус меня любит, – только бы мне любить Его всей душой, горячо и вечно.

Господь мой Иисус, как быстро обеднеет тот, кто, возлюбив Тебя всем сердцем, не стерпит муки быть богаче своего Возлюбленного!..

Господь мой Иисус, как быстро обеднеет тот, кто, зная, что все, что мы делаем одному из малых сих, мы делаем Тебе, и все, что мы не делаем для них, мы не делаем для Тебя, – облегчит все нужды, какие только сможет!.. Как быстро обеднеет тот, кто с верой примет Твои слова: «Если хотите быть совершенными, продайте все, что имеете, и раздайте нищим... Блаженны нищие, ибо всякий, кто оставил свои богатства ради Меня, получит во сто крат больше в этой жизни, а на небе – жизнь вечную», – и многие другие!

Я не могу вообразить любви без жажды, без настоящей жажды уподобиться Любимому, а главное – разделить все Его печали, все трудности, все тяготы жизни... Быть богатым и беспечным, наслаждаться собственным благополучием, когда Ты был бедным и нестроенным и тяжким трудом зарабатывал Себе на жизнь... Нет, Боже мой, я не могу так жить... Я не могу так лю-

бить. «Не подобает слуге быть больше Господина». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

«Все люди – дети Божьи, бесконечно любимые Им. Значит, невозможно любить, хотеть любить Бога – не любя, не желая любить людей. Чем больше любишь Бога, тем больше любишь людей. Последней заповедью Господа нашего Иисуса Христа, за несколько часов до смерти, было: «Дети Мои, любите друг друга. Поэтому узнают, что вы – Мои ученики, если вы будете любить друг друга». (Из письма к Дюверье, 24 апреля 1890 года)

«Любовь к Богу, любовь к людям – в этом вся моя жизнь, в этом – надеюсь – будет вся моя жизнь». (Из того же письма)

За трапезой Хлеба и Слова

Будем людьми желания и молитвы... Не будем ничего почитать невозможным: Бог может все. (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Из Назарета, где брат Шарль живет под сенью обители кларисс, он пишет одному трапписту:

«Чтобы принять благодать Божию, надо пройти через пустыню и жить в ней... Вот где изгоняешь из себя все, что не Бог... Душе необходима эта тишина, эта собранность, это забвение всего тварного. Здесь Бог созидает в душе Свое Царство и созидает в ней духовную глубину, здесь рождается жизнь в близости с Ним... общение души с Богом в вере, надежде, любви... Позже душа принесет плоды в той мере, в какой внутренний человек сформируется в ней...»

Днем и ночью он проводит долгие часы в безмолвном поклонении Святым Дарам:

«Господь мой Иисус, Ты – здесь, в святой Евхаристии. Ты здесь, в метре от меня, в дарохранительнице! Твое Тело, Твоя душа, Твое

человечество, Твое божество... Как ты близок, мой Бог, мой Спаситель, мой Иисус, мой Брат...

Когда любишь, разве не считаешь хорошо, превосходно использованным все время, проведенное подле того, кого любишь? Разве не является лучше всего проведенным это время – если только воля и благо любимого не зовут нас куда-то еще?

Боже мой, даруй мне постоянное ощущение Твоего присутствия... и одновременно – ту трепетную любовь, которую испытываешь в присутствии страстно любимого существа, когда стоишь перед возлюбленным, не в силах отвести от него взор...

Молитва – это любая беседа души с Богом. Но это и состояние души, безмолвно взирающей на Бога, занятой лишь Его созерцанием, глазами говорящей Ему о своей любви, в то время как уста и даже мысли молчат... Лучшая молитва – та, в которой больше всего любви.

Адорация... это безмолвное восхищение, которое громче любовью хвалы... Это безмолвное восхищение означает самое пылкое признание в любви...»

Ежедневно он «питается» Словом Божиим:

«Без конца читать и перечитывать святое Евангелие, чтобы всегда иметь перед мысленным взором дела, слова, мысли Иисуса. Чтобы думать, говорить, действовать, как Иисус, чтобы следовать примерам и наставлениям Иисуса». (Из письма к другу, 3 мая 1912 года)

«Надо стараться пропитываться Духом Иисуса, читая и перечитывая, размышляя снова и снова над Его словами и примером. Пусть они падают в нашу душу, подобно каплям воды, точащим камень.

Вся наша жизнь, все наше существо должно возвещать Евангелие с кровель. Вся наша личность должна дышать Иисусом, все наши дела, вся наша жизнь должны кричать о том, что мы принад-

лежим Иисусу, должны являть образ жизни по Евангелию. Все наше существо должно быть живой проповедью, отблеском Иисуса, благоуханием Иисуса, чем-то, что кричит об Иисусе, что помогает увидеть Иисуса, что сияет, как образ Иисуса.

Будем же читать Евангелие непрестанно и влюбленно, словно мы сидим у ног возлюбленного и слушаем, как Он говорит нам о Себе...» (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Таинство жертвенника, таинство брата

Видеть в каждом человеке Иисуса – и действовать соответственно: с добротой, уважением, любовью, смирением, кротостью делать для него больше, чем для себя. (Запись из дневника брата Шарля, 1902 год)

Рукоположенный в священники в 1901 году, он не возвращается в Назарет:

«Реколлеции перед рукоположением в дьякона и в священника показали мне, что назаретскую жизнь, ту, к которой я призван, мне следует вести не в любимой моей Святой Земле, но среди самых страждущих душ, среди самых заброшенных овец. На божественный пир, которому я служу, надо приглашать не братьев, не родных, не богатых соседей, но самых хромых и слепых, самые заброшенные души – тех, кому особенно не хватает священников. В юности я исходил вдоль и поперек Марокко и Алжир. Марокко по территории своей равняется Франции, там десять миллионов обитателей – и ни одного священника. В алжирской части Сахары, которая в семь или восемь раз больше Франции и населена гуще, чем принято было думать, живет лишь дюжина миссионеров. Ни один народ не представлялся мне более заброшенным, нежели этот. Я обратился к епископу, отвечающему за территорию Сахары, и получил от него разрешение поселиться в алжирской части Сахары». (Из письма аббату Карону от 8 апреля 1905 года)

«То, о чем я мечтаю тайком, не признаваясь даже самому себе... о чем я мечтаю невольно — это что-то очень простое, совсем немногочисленное, что-то вроде первых христианских общин, очень простых, какие были на заре Церкви». (Из письма к А. де Кастри, 22 октября 1898 года)

«Мне хочется основать на границе с Марокко не обитель трапистов, не большой и богатый монастырь и не земледельческое хозяйство, а что-то вроде скромного маленького скита, где несколько бедных монахов жили бы, скудно питаюсь овощами и хлебом, выращенными своими руками, в тесном затворе, покаянии и поклонении Святым Дарам, не покидая затвора, не проповедуя, но давая гостеприимство любому — доброму и злему, другу и врагу, мусульманину и христианину». (Из письма к А. де Кастри, 23 июня 1901 года)

В октябре 1901 года он прибыл в Бени-Аббес:

«Неподалеку от базы военных и оазиса, и в то же время — в уединенном месте, — я нашел голый, но доступный для полива холм (воды в Бени-Аббесе достаточно много), который с помощью Божией я надеюсь превратить в сад. На его склоне французские и арабские солдаты, с трогательным расположением и любовью, за которые я им глубоко благодарен, принялись сооружать для меня из кирпичей и пальмовых бревен часовню, три кельи и комнату для гостей. Работы идут так быстро, что уже завтра я получу все это в распоряжение». (Из письма к А. де Кастри, 29 ноября 1901 года)

«Посетители: бедняки, рабы, путники не оставляют меня ни на минуту. Я один выполняю все работы в скиту. С 15 числа, когда домик для гостей был закончен, он еще ни разу не пустовал. Каждый день гости — к ужину, на ночь, к обеду. Их бывает до одиннадцати человек одновременно — не считая больного старика, живущего здесь постоянно». (Из письма к отцу Мартену, 7 февраля 1902 года)

«Я хочу приучить всех местных жителей – христиан, мусульман, иудеев – видеть во мне своего брата, брата для всех... Они начинают называть дом «братством», и мне это приятно». (Из письма к кузине, 7 января 1902 года)

Он потрясен угнетением, которому подвергаются беднейшие из бедных:

«Основной вопрос – это рабство... Долгое и обстоятельное рассуждение о плохом обращении с рабами в Суре⁴ и оазисах представляется мне ложным подходом к проблеме. С ними действительно плохо обращаются, но как бы с ними ни обращались, страшная несправедливость – то, что они рабы!» (Из письма к епископу Герену, 11 июня 1902 года)

«Не следует связываться с земным правительством, – я как никто другой уверен в этом. Но надо любить справедливость и ненавидеть нечестие. И если земное правительство совершает страшное беззаконие по отношению к тем, за кого мы в некотором смысле несем ответственность (я – единственный священник на 300 км вокруг), то об этом следует сказать... Мы не имеем права быть «спящими сторожами, немymi псами» (Ис 56:10)⁵, «нерадивыми пастырями» (ср. Иез 34). Одним словом, я спрашиваю себя... не следует ли (напрямую или косвенно) возвысить голос, чтобы во Франции узнали об этой несправедливости и санкционированном рабстве в нашем регионе, и заявить или передать заявление: «Вот что происходит, это недопустимо».

Я предупредил епископа, отвечающего за нашу территорию... может быть, этого достаточно. Я далек от желания говорить и писать, но я не могу предать моих детей, не сделать для Иисуса, живущего в этих Его членах, того, в чем Он нуждается. Это ведь Иисус находится в таком болезненном положении: «То, что вы

⁴ Район Сахары. (*Прим. пер.*)

⁵ В синодальном переводе: «стражи их слепы все и невежды; все они немые псы». (*Прим. пер.*)

сделали одному из малых сих, вы сделали Мне». Я не хочу быть ни дурным пастырем, ни немым псом. Я боюсь принести Иисуса в жертву моему покою, большой тяге к бездействию, моей неверности и природной робости.

...Конец нынешнего режима и уничтожение рабства неизбежны, ибо в этом справедливость и закон». (Из письма к отцу Мартену, 7 февраля 1902 года)

«... Материальную милостыню, которую мы дали бедняку, мы дали Творцу вселенной, добро, сделанное для души грешника, мы делаем для Самой нетварной чистоты... Бог пожелал этого, чтобы любовь к ближнему, которую Он сделал второй заповедью, «подобной первой», воистину уподобилась первой заповеди о любви к Богу... Мне кажется, ни одна фраза из Евангелия не произвела на меня столь глубокого впечатления и не изменила так сильно мою жизнь, как эта: «Все, что вы сделали одному из малых сих, вы сделали Мне». Если вдуматься в то, что эти слова принадлежат нетварной Истине, что их произнесли те же уста, которые сказали: «Это есть Тело Мое... это есть Кровь Моя», – то как сильно должны мы искать и любить Иисуса в «малых сих» – в грешниках и бедняках!» (К Луи Массиньону, 1 сентября 1916 года)

«Любить ближнего, чтобы через эту любовь достигнуть любви к Богу, – эти две любви невозможны друг без друга: возрастая в одной, значит, возрастая в другой. Как стяжать любовь Божию? Поступая по любви с людьми». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Братское присутствие в сердце пустыни

Вы спрашиваете меня, готов ли я ради распространения святого Евангелия поехать куда-либо кроме Бени-Аббеса? Ради этого я готов отправиться на край света и жить там до страшного суда. (Из письма к епископу Герену, 27 февраля 1903 года)

В декабре 1903 года брат Шарль пишет аббату Ювелину:

«Я пребываю в большой неуверенности относительно задуманного мною путешествия на Юг... В настоящее время оно для меня более чем доступно. Меня приглашают, меня там ждут.

Все мое существо восстает против этого. Стыдно признаться, но я дрожу при мысли о том, чтобы покинуть Бени-Аббес, покой у алтаря, – и удариться в путешествия, которых я теперь так боюсь.

Разум также выдвигает немало аргументов против: оставить пустой дарохранительницу в Бени-Аббесе, уехать отсюда, где, может быть (что, впрочем, маловероятно), будут бои... Рассеиваться в путешествиях, что вредно для души... Не больше ли я прослаблю Бога, поклоняясь Ему в одиночестве? Разве уединение и назаретская жизнь – не мое призвание?

Но после того, как разум выскажет все свои доводы, я вижу бесконечные пространства, где нет ни одного священника, вижу, что я – единственный священник, который может поехать туда, и чувствую сильный и все более и более настойчивый призыв отправиться в те края... Отправиться хоть разок, а потом, в зависимости от результата и приобретенного опыта, решить, возвращаться туда или нет...»

«Хотя разум противится и все мое существо испытывает настоящий ужас при мысли об отъезде, я чувствую сильный и все более и более настойчивый внутренний призыв к этому путешествию». (Тогда же – к А. де Кастри)

В январе 1904 года брат Шарль отправляется в Хоггар:

«Я живу настоящим моментом... я останусь здесь до тех пор, пока буду полезен в этом краю и пока другие не прибудут мне на смену... Кто-нибудь должен быть на этом посту...»

Я принимаю за правило: делать то, что я считаю весьма полезным для душ и чего другие не могут делать в силу обстоятельств... Итак, я думаю остаться в этом краю, пока меня здесь терпят и пока меня не сменят другие... пока я могу трудиться здесь ради царства Иисуса... В настоящий момент я – кочевник под шатром,

постоянно переходящий с места на место. Это очень хорошо для начала, потому что таким образом я встречаюсь со многими местными жителями». (Из письма к А. де Кастри)

«Тебя должна укрывать во Мне любовь, а не уход от Моих детей. Узри Меня в них и, как Я в Назарете, живи среди них, затеваясь в Боге». (Запись в дневнике, 1904 год)

«Хвала Иисусу, я почти каждый день могу совершать святую мессу. Но с тех пор как я покинул Бени-Аббес, я постоянно заменяю breviарий – розарием... И порой розарий, отложенный на вечер, остается незавершенным... В дороге я стараюсь как можно больше думать об Иисусе, но увы, так убого! Время, не занятое дорогой и отдыхом, я трачу на прокладывание путей: стараюсь подружиться с туарегами, составляю словари и переводы, необходимые для тех, кто принесет сюда Иисуса...» (Из письма к А. де Кастри, 13 июля 1905 года)

На следующий год брат Шарль решает остаться в Таманрассете:

«Я могу обосноваться в Таманрассете или в любой другой точке Хоггара, завести там дом с садом и остаться навсегда... Более того, подобная возможность кажется мне волей Возлюбленного... Я выбрал Таманрассет, горный поселок в двадцать очагов, расположенный в самом сердце Хоггара... вдалеке от важных центров. Непохоже, что здесь когда-нибудь появится гарнизон, телеграф, европейцы... И здесь еще долго не будет никакой миссии... Я выбрал это заброшенное место и обосновался здесь, умоляя Иисуса благословить это поселение, где я хочу жить, следуя только примеру Его жизни в Назарете». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

«Жить одному в стране хорошо: даже не делая ничего особенного, ты при деле, потому что становишься местным, таким доступным и таким «маленьким». (Из письма епископу Герену, 2 июля 1907 года)

«Мое время распределяется между молитвой, общением с местными жителями и изучением языка туарегов. Этому последнему делу я отвожу большое место. Во-первых, чтобы, доведя его до конца, целиком посвятить себя всему остальному, во-вторых, потому что это мне необходимо: я смогу делать добро туарегам, только общаясь с ними на их языке». (К А. де Кастри, 4 декабря 1909 года)

«Мой апостолат должен быть апостолатом доброты. Глядя на меня, люди должны говорить: «Раз этот человек такой добрый, значит, и религия его – добрая». Если меня спросят, почему я такой кроткий и добрый, я должен ответить: «Потому что я служу Тому, Кто бесконечно добрее меня. Если бы вы только знали, как добр мой Господин – Иисус!» Я хочу быть достаточно добрым, чтобы люди могли сказать: «Если таков слуга, то каков же господин?» (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

«Доверие, которым окружают меня соседи-туареги, все возрастает. Старые друзья становятся все ближе, рождаются новые дружеские связи. Я помогаю, чем могу, я стараюсь показать, что люблю их. Когда предоставляется возможность, я говорю о естественной религии, о заповедях Божьих, о Его любви, о приобщении к Его воле, о любви к ближнему». (Из письма к о. Воярду, 12 июля 1912 года)

«Каждый христианин должен видеть в любом человеке своего возлюбленного брата...

Испытывать по отношению к любому человеку те же чувства, какие живут в Сердце Иисуса.

Любовь – основа религии (первая заповедь – любить Бога, вторая, подобная первой, – любить ближнего, как самого себя). Она заставляет каждого христианина любить ближнего – то есть каждого человека, – как самого себя и, следовательно, видеть в спасении ближнего, как в собственном спасении, величайшее дело всей

своей жизни. Каждый христианин должен быть апостолом: это не совет, а заповедь, это заповедь любви.

... Стать всем для всех, чтобы всех отдать Иисусу, – относясь ко всем с братской добротой и теплотой, оказывая все возможные услуги, завязывая теплые контакты, будучи нежным братом для всех, – чтобы постепенно привести души к Иисусу, действуя с кротостью Иисуса.

Быть любящим, кротким, смиренным со всеми людьми, – вот чему мы научились от Иисуса.

Не быть воинственным ни с кем. Иисус научил нас идти, «как агнцы среди волков». (Из письма к Ж. Урсу, 3 мая 1912 года)

Уподобившись Иисусу вплоть до смерти

Ты говоришь мне, что я буду счастлив, счастлив истинным счастьем – в последний день... Что, каким бы я ни был убогим, я – как дерево, посаженное у потока живой воды, живой воды божественной воли, божественной любви и благодати... и что я принесу плод в свое время... (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

«Средства, которые Иисус выбирал в яслях, в Назарете и на Кресте, – это бедность, отверженность, унижение, оставленность, преследование, страдание, крест. Таково наше оружие, – оружие нашего божественного Жениха, Который просит позволить Ему продолжать Свою жизнь – в нас...

Будем же следовать этому единственному примеру, – и тогда можно быть уверенным, что мы сделаем много добра, ибо уже не мы будем жить, но Он будет жить в нас, наши дела станут не нашими человеческими и убогими делами, но Его – божественными и плодотворными». (Из письма к епископу Герену, январь 1908 года)

«Господь мой Иисус, сказавший: «Нет большей любви, как если кто душу положит за друзей своих»... – я от всего сердца желаю

отдать за Тебя жизнь, я постоянно прошу Тебя об этом. Однако не моя воля, но Твоя да будет. Я отдаю Тебе мою жизнь, делай со мной то, что Тебе более всего угодно. Боже мой, прости моих врагов, даруй им спасение». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

«Если зерно, упавшее в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Я не умер, потому я и один... Молитесь о моем обращении, чтобы, умерев, мне принести плод... (Из письма Сюзане Пере, 15 декабря 1904 года)

В самый день смерти он написал своей кузине:

«Наше уничтожение – самый сильный способ, какой только есть, чтобы соединиться с Иисусом и дать благо душам других. Святой Иоанн Креста говорит об этом чуть ли не в каждой строчке. Когда можешь страдать и любить, можешь много, больше всего на свете. Мы всегда чувствуем, что страдаем, и не всегда – что любим, и от этого страдаем еще больше! Но мы знаем, что хотим любить, а хотеть любить – значит любить. Нам кажется, что мы любим недостаточно, – это правда, мы никогда не будем любить достаточно, но Бог знает, из какой грязи Он слепил нас, и Он любит нас больше, чем мать может любить своих детей, и Он сказал нам (а ведь Он не лжет), что не изгонит приходящего к Нему».

В тот же день – в письме к Л. Массиньону:

«Не надо бояться просить таких мест, где больше всего опасностей, жертв и страданий. Оставим славу тем, кто ищет ее, а для себя будем всегда просить опасностей и трудов... Это – принцип, которому следует оставаться верным всю жизнь, в простоте и не ломая себе голову над тем, не примешивается ли гордыня к такому поведению... Таков наш долг. Будем же его исполнять и попросим Возлюбленного помочь нам исполнять его в смирении, в любви к Богу и ближнему».

«Думай о том, что ты должен умереть как мученик, лишенный всего, простертый на земле, обнаженный, неузнаваемый, окровавлен-

ный и израненный, убитый жестоко и мучительно... – и желай, чтобы это случилось сегодня». (Из Духовных Сочинений брата Шарля)

Вечером 1 декабря 1916 года он погибает, став жертвой насилия... За несколько лет до этого он написал:

«По какой бы причине нас ни убили, если в душе мы принимаем жестокую и несправедливую смерть как дар, благословенный Твоею рукой, если мы благодарим за нее, как за дивную милость, как за блаженное подражание Твоей кончине, если мы приносим ее Тебе, как совершенно добровольную жертву, если мы не сопротивляемся, повинуюсь Твоим словам: «Не противься злему» и следуя Твоему примеру: «Как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53:7)... если все это так, то по какой бы причине нас ни убили, мы умрем в чистой любви, и наша смерть будет благоугодной Тебе жертвой. И если это не будет мученичеством в узком смысле слова и в глазах людей, то в Твоих глазах это станет совершенным образом Твоей смерти».

(Перевод с французского Мари Тёминой)

МИССИЯ В ПУСТЫНЕ НАШИХ ДНЕЙ

Беседа с кардиналом Вальтером Каспером –
отрывки из статьи
итальянского журнала «30 дней» за 2005 год

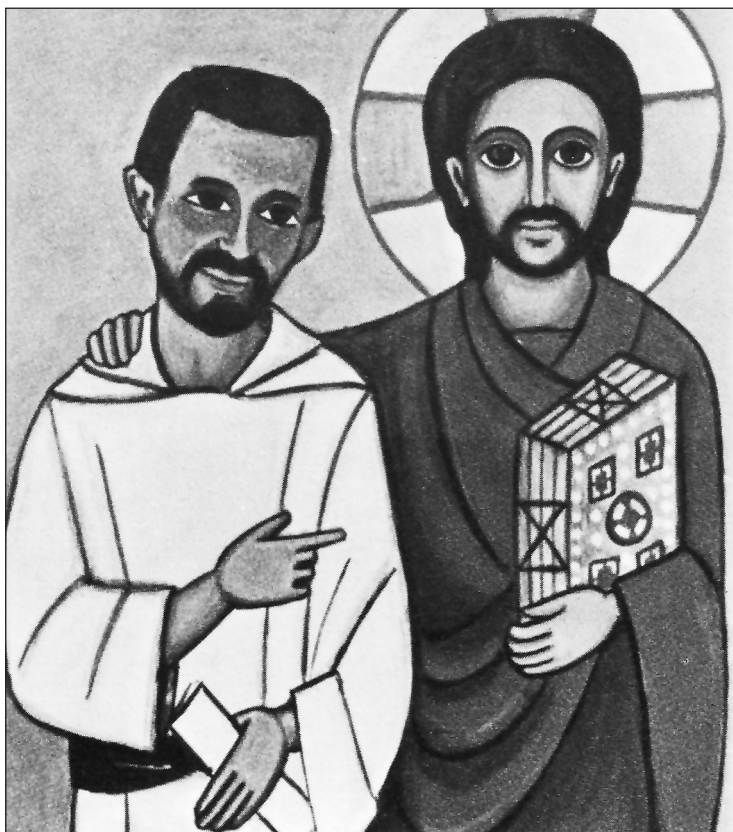
В этом году брат Шарль де Фуко будет причислен к лику блаженных.⁶ Ровно сто лет назад, в 1905 году брат Шарль прибыл в конечную точку своих странствий – в алжирскую пустыню Таманрассет. Я знаю, что личность брата Шарля занимает особое место в Вашей жизни, очень много значит для Вас как для христианина и для священника. Как Вы узнали о нем?

⁶ Беседа состоялась до беатификации брата Шарля. *(Прим. пер.)*

В. К.: В бытность профессором богословия Тюбингенского университета я был хорошо знаком с группой священников, связанных с общиной *Jesus Caritas*, которая наследовала духовный путь брата Шарля де Фуко. Обычно я участвовал в их ежемесячных встречах, состоявших из обзора жизни, чтения Священного Писания и размышлений над ним, Евхаристии, поклонения Святым Дарам и, конечно, братской трапезы. Потрясенный личностью и служением брата Шарля, я отправился по его стопам в Алжир, поднялся в Хоггарские горы, где он поначалу жил, и там, в маленькой, скромной хижине, вдали от людей, устроил себе духовные упражнения. Помню, каждый вечер ко мне приходила мышка с маленькими, но очень выразительными глазами, и мы делили с ней хлеб... В Таманрассете, а потом в Назарете и в Риме я не переставал удивляться Малым сестрам, живущим в евхаристическом поклонении и евангельской бедности среди самых бедных. Однако глубже понять духовный путь Шарля де Фуко мне во многом помогли работы о. Рене Вуайома; некоторые стороны духовности брата Шарля впоследствии нашли отражение в моей книге «Иисус Христос».

– Что Вас более всего поразило в брате Шарле в те годы, когда Вы участвовали во встречах общины *Jesus Caritas*? Чем Вас привлекла его личность?

В. К.: Мы встречались в реколлекционном доме, принадлежавшем францисканским монахиням, неподалеку от Тюбингена, в удивительно красивом месте. Меня всегда притягивала подлинно евхаристическая духовность общины; это была духовность Назарета, духовность молчания, слушания Слова, евхаристического поклонения, духовность простой жизни и единства в любви. Лишь позднее я осознал, насколько пример и свидетельство брата Шарля значимы для нынешних христиан и нашего понимания христианства. Я же видел в брате Шарле образец подлинного служения Церкви, причем не только в пустыне Таманрассет, но и в куда более обширной пустыне современного мира, образец служения собственным присутствием, молитвой в единении с Богом и в дружбе с людьми.

Оригинал иконы Иисуса Христа и брата Шарля находится в Тре Фонтане; автор – Малая сестра Мария-Карла, итальянка, живущая в Египте

– Если судить по видимым результатам, брат Шарль так ничего и не добился: христианином, по крайней мере, при его жизни, никто из туарегов не стал. Чем его путь может быть интересен для нас сегодня?

В. К.: Еврейский философ и богослов Мартин Бубер как-то сказал, что слова «успех» не встретишь среди имен Божиих. Земная жизнь Христа вряд ли сложилась «удачно»: он умер на кресте, все ученики, кроме Иоанна и Марии, Его оставили... Если судить по-человечески, Страстная Пятница была днем Его поражения, днем позора. Но именно она – стержень, на котором держится жизнь каждого святого, да что там, каждого христианина. Размышление об этом могло бы утешить многих священников, сетующих на то, что пастырские старания давно уже не приносят скорых плодов, храмы, даже по воскресеньям, почти пусты, а западное общество становится все более светским. Им зачастую кажется, будто они проповедуют глухим. В столь трудной ситуации пример брата Шарля, несомненно, мог бы помочь многим моим собратьям по священству.

– А в чем, по-вашему, состоит эта помощь?

В. К.: Опыт брата Шарля со всей очевидностью свидетельствует о том, что дело не в *наших* (здесь и далее курсив автора. – *Прим. пер.*) стараниях, не в *наших* миссионерских усилиях, не в насаждении своей культуры, не в расширении границ собственной церковной империи за счет мудреных, безупречно «подогнанных» к ситуации педагогических, психологических, организационных, да каких угодно технологий. Конечно, мы должны делать все, что можем, и нет ничего дурного в том, чтобы пользоваться современными средствами. Но в конце концов все совершает лишь Бог в Иисусе Христе силой Святого Духа. Мы – лишь сосуд, всего лишь орудие, которое Он избрал, но только Он может коснуться сердца другого человека, «повернуть» его, открыть глаза и уши. Само наше присутствие, молитва, простая жизнь, служение, дружба с теми, кто рядом, – словом, все, что делал, живя среди туарегов брат Шарль, – говорит о том, что Бог пребывает посреди нас. Надо больше доверять Ему. Он лучше знает, как, когда и где изменять сердца и собирать народ.

– Именно так и происходило в жизни брата Шарля...

В. К.: В одном из размышлений (ноябрь 1897 года) он пишет: «Это Твоя рука, Господи, только Твоя... Только Ты, Иисусе, мой Спаситель, действуешь во мне и все устрояешь вокруг. Ты влечешь меня к добродетели, и изменяешь мою душу так, что добродетель предстает настолько прекрасной, что лишь к ней начинает стремиться сердце... Ты влечешь меня к истине, и снова изменяешь мою душу». Бесспорно, не стоит думать, будто опыт брата Шарля де Фуко – единственно возможный пример миссионерского служения; были и другие святые: Франциск Ксаверий или Даниэле Комбони, у многих святых мы найдем совершенно иной тип миссионерского призвания. Двух одинаковых миссий не бывает, нас всегда будут ждать непредвиденные трудности, а значит, нет и универсальных образцов их преодоления. Однако жизнь брата Шарля де Фуко, на мой взгляд, может служить образцом миссионерского служения не только в «мусульманской пустыне», но и в пустыне современного города и мира. Символично, что небесной покровительницей миссий Церковь назвала святую Терезу из Лизье, совсем юную кармелитскую монахиню, которая никогда не выезжала на миссии, но пообещала, что после ее смерти с небес на землю прольется дождь из роз...

– Но в наши дни призывы к миссионерству раздаются все реже и реже, да и те, как правило, звучат слишком расплывчато, если не сказать, занудно...

В. К.: Мы, христиане, тоже дети своего века, и нам тоже хочется планировать, действовать, что-то устраивать, удостоверяться в достигнутых успехах... Брат Шарль предлагает иное – следовать за Христом, попытаться жить так, как жил Он. Кто-то скажет: ну хорошо, тридцать лет из тридцати трех Иисус в полной неизвестности прожил в Назарете. Разве не мог Он провести это время с большей пользой для человечества?.. Но именно повседневность и есть тот «фон», на котором ярче всего виден дар христианской жизни. Здесь уместно вспомнить принятую на Втором Ватиканском соборе Догматическую Конституцию *Lumen Gentium*, в 31-м параграфе которой идет речь о миссионерском служении мирян, т.е.

тех верных, что живут и трудятся в миру, в обычных условиях повседневной жизни. Тем не менее, говорится в Конституции, они призваны Богом к тому, чтобы «исполняя свои обязанности, /.../ содействовать освящению мира как бы изнутри... излучать свет веры, надежды и любви, являя Христа другим людям». Иногда мы ошибочно думаем, будто занятый миссионерской работой мирянин – это церковный функционер, «активист», который чем только может, помогает священнику, берется за всевозможные приходские дела, читает и прислуживает на Литургии и т.п. Однако гораздо важнее не «участвовать», а жить Евангелием каждый день – в молитве, в милосердии, в терпении и страданиях, в любви к каждому, и верить, что Слово Божие, как пишет апостол Павел, достаточно сильно и действенно, чтобы распространяться и свидетельствовать о себе. Но только при одном обязательном условии – если мы Слово принимаем и согласны им жить.

– Сейчас все больше людей с тревогой говорят о том, что христиане «вырождаются», становятся меньшинством, и поэтому им следует быть более деятельными, творчески отзывчивыми, искать новые формы выражения своей веры. Скажите, пожалуйста, Вы с этим согласны?

В. К.: И да, и нет. Да – в том смысле, что христианам пора, наконец, проснуться, осознать собственное положение и связанные с ним новые трудности, увидеть, чего ждет от них нынешний мир. Мы не вправе довольствоваться сложившимся положением вещей и жить так, будто вокруг ничего не происходит. Действительно, все мы и, в первую очередь, Западная Европа, переживаем сейчас глубочайший кризис самосознания, а ведь прежде никто не сомневался в том, что мы прочно укоренены в христианской традиции. Пора, наконец, рассеять морок лжетолерантности, за которой кроется безразличие. Но с другой стороны, не менее реальна опасность превратиться в пылких пропагандистов идей религиозного меньшинства, стать на защиту собственных «узких интересов». Поэтому в Церкви не должно быть места оголтелому фанатизму, которым заражены многие старые и новые секты, представляющие несомненную угрозу современному миру. После Второго Ва-

тиканского собора стало ясно: нам нужно учиться диалогу, т.е. уважительному отношению не только к «своим», но и к «дальним», к людям, сохранившим пусть едва заметную, но никогда не прерывавшуюся связь с Церковью, наконец, к современной культуре, чье право на автономию также признал Собор. Мы не хотим и не вправе навязывать нашу веру – это противоречило бы ее природе; наше призвание, как сказано в принятой на Соборе Пастырской конституции *Gaudeum et spes*, – делить «радость и надежду, скорби и тревоги наших современников, особенно бедных и всех страждущих», и самой жизнью в единстве со всеми свидетельствовать о вере.

– И здесь мы снова возвращаемся к личности брата Шарля...

В. К.: Только так брат Шарль и жил. Достаточно вспомнить о его дружбе с туарегами, и прежде всего, с их вождем Мусой аг-Амастаном. Он никого не переубеждал, никого не обращал в свою веру. Единственное, что он сделал, – принес в пустыню дарохранительницу, чтобы каждый, кто хочет, мог прийти к Иисусу. Но он не разрабатывал «стратегию миссионерства» – просто жил, как мог, молитвой и трудом. Только после смерти у него появились последователи, ученики, которые, как и он, живут среди обездоленных и делят с ними заботы каждого дня.

– Недавно, в разгар споров о христианских корнях Европы, некоторые, в том числе, светские мыслители, пеняли Церкви за то, что она слишком робко отстаивает истину и христианские ценности. Как Вы относитесь к подобным упрекам? Что ответил бы на них брат Шарль?

В. К.: Церковь часто становится мишенью для не очень обоснованной критики. Но ведь и Папа, и большинство европейских епископов настойчиво напоминали о христианских корнях Европы. В то же время, действительно, некоторая часть церковного сообщества как будто стыдится или боится отстаивать христианские истины и ценности. Чаще всего это бывает от маловерия, от размытой, теплостной веры, и такое безразличие выдается за толерантность.

Да, Шарль де Фуко не бросал пламенных лозунгов, но совсем по другой причине. За его поступками стояла вера, та крепкая,

живая вера, которая сама по себе, без громких деклараций, может быть сильным, отважным и, вместе с тем, смиренным свидетелем о Благой Вести. В конце 1910 года брат Шарль писал: «Все держится Иисусом. Где Он – ничто не бывает напрасным. Тот, кто полагается на Него, будет силен Его незримой силой». Подобное свидетельство заставляет думать, спрашивать себя, оно восхищает или даже, по милости Божьей, пробуждает желание следовать тем же путем. На самом деле, мы сможем отстоять христианскую идентичность только тогда, когда сами станем жить теми ценностями, какие проповедуем. Слова неубедительны; убеждает жизнь. Как заметил в одной из записей (это был июль 1899 года) брат Шарль, «своей жизнью человек может принести гораздо больше добра, чем своими словами... Человек творит добро, лишь когда Он с Богом, когда принадлежит Ему и только Ему!» И тогда нет надобности в специальных «приемах» и «средствах». Достаточно «оставаться собой, позволить благодати Божьей излиться в душу, возрастая и укрепляться в ней, и ограждать себя от смятения».

– Некоторая часть общества раскаяние в грехах прошлого считает проявлением слабости. Как это видится в свете свидетельства брата Шарля?

В. К.: Шарль де Фуко был прав, когда просил прощения за попусту растраченные годы, которые прошли без Бога. Этим он как бы напоминает: по милости Божьей жизнь всегда можно начать заново. Каждая месса начинается с исповедания грехов, что совершенно невозможно представить, скажем, на политическом митинге или производственном совещании. Искренне признаваясь в собственной слабости, мы тем самым свидетельствуем о силе Благой вести, о милости и прощении. Бог силен переменить даже самую беспросветную, самую безнадежную судьбу. «Нет такого великого грешника, такого закоренелого преступника, – писал в одном из размышлений брат Шарль, – которому Ты не сказал бы, что подаришь ему рай, как Ты подарил его благоразумному разбойнику в награду за мгновение доброй воли». Покаяние говорит не о слабости, а о силе; оно – знак надежды, которая не забывает, не перечеркивает, не отрекается от того что было, и вместе с тем не

прикована к прошлому, а обращена в будущее. Это проявление христианской свободы, той, которая возможна только во Христе, не политкорректный жест, а свидетельство о природе Церкви и ее призвании в мире.

– Как по-вашему, что общего между алжирскими туарегами и жителями современного города?

В. К.: Брат Шарль нес Христа тем, «кто Его не ищет». Не ошибусь, если скажу, что в определенном смысле наши современники очень похожи на туарегов, хотя, на первый взгляд, отличия между ними – разительные. Роднит их уже то, что и те и другие страдают от бедности: туареги – от материальной, мы же – от духовной. «Пустыни», правда, разные, но сходство в том, что ни у них, ни у нас, по сути, нет «дома», мы – такие же скитальцы, кочевники. Что еще у нас общего? Особого рода «летаргия». Мы зачастую потерянно, как в полусне, блуждаем по жизни без цели и без надежды. Поэтому так трудно проповедовать нам Евангелие и вести нас к вере. Оказавшись в похожей ситуации, брат Шарль пришел к истине пророческому, хотя и непростому, но на самом деле единственно возможному выводу: только евангельская по сути своей жизнь способна открыть современному человеку всю ошеломляющую «неотмирность» Благой Вести, пробудить потребность в ней. Потрясающе светлая личность, какой был брат Шарль де Фуко, может удержать нас от самодовольства, очистить жизнь Церкви от религиозной пошлости и рутины.

– Брат Шарль считал, что обетования Христа обращены, в первую очередь, к бедным. Не кажется ли Вам, что такое отношение к бедности встречается сейчас все реже и реже?

В. К.: Действительно, Христос говорит, что Бог возлюбил обездоленных, «труждающихся и обремененных»; именно к ним обращено благовестие. У апостола Павла также читаем о том, что в ранней Церкви было не много богатых, «не много мудрых, не много сильных, не много благородных». Об этом еще раз напомнил Второй Ватиканский собор; именно после него заговорили о том, что Церковь призвана к особому попечению о бедных и слабых. Вся теология освобождения выросла из этой мысли; правда, со вре-

менем ее превратили в идеологическое орудие, и поэтому многих сейчас она, скорее, отталкивает. Но это вовсе не означает, что сама мысль обесценилась или устарела, напротив. В наши дни большая часть человечества живет за чертой бедности, и это, прежде всего, касается Африки, тех самых мест, где рядом с обездоленными жил брат Шарль. Поэтому мы надеемся, что причисление его к лику блаженных поможет нам вне всякой идеологии увидеть, что именно мы призваны, не откладывая более, ответить на вызов не только материальной, но и духовной бедности, укажет столь нужный миру евангельский путь, которым прошел брат Шарль де Фуко.

(Перевод с английского Светланы Панич)

О причислении брата Шарля к лику блаженных

Всем, кто хотел оказаться здесь, но не смог...

Как рассказать о том, что мы, собравшись в Риме вокруг брата Шарля, пережили за три дня богослужений и встреч? Что пережили, когда готовили эти дни...

Да, мы немало потрудились, чтобы все прошло хорошо. Но то, что давало жизнь в эти три дня, несоизмеримо со всеми нашими малыми и большими усилиями!

Что же произошло?

Приглашены на встречу...

На встречу с человеком, много искавшим, много страдавшим и еще больше – любившим...

С человеком, который был военным, путешественником, монахом, отшельником, священником, лингвистом, миссионером...

С человеком, который преодолел бескрайние пространства внутренних пустынь, чтобы в конце жизни стать БРАТОМ...

С человеком – Шарлем де Фуко.

Сидя на полу в часовне у траппистов (на вечерней молитве в субботу, 12 ноября 2005 г.) или на стуле в базилике св. Петра (13 ноября, на мессе беатификации), я была зачарована сменяющимися друг друга фотографиями брата Шарля⁷... Я смотрела и позволяла им вести меня за собой...

Твои глаза рассказывают мне всю историю... Да, ты пришел издалека, после долгих блужданий, и однажды ты, наконец, добрался до бесконечной страны.

На твоем детском лице я вижу следы слез...

Юноша, ты рассказываешь мне о твоем безумном «разгуле».

Но несколькими годами позже в твоих глазах, в посадке головы угадываются втайне принятые решения: в тебе забрезжила новая жизнь.

Постепенно твой взгляд меняется... становится глубже... он способен видеть невидимое, различить в каждом из нас брата, сестру.

Ты очень рано узнал страдания, прошел сквозь пустоту, скуку, голод, жажду... Жажду смысла жизни. Быть может, уже в юности ты понял, что горю противоположно даже не счастье, а, прежде всего, смысл, смиренное откровение о присутствии. И ты пустился в путь – с риском для жизни. Ибо в глубине души ты знал, что жить имеет смысл только в том случае, если найдешь, ради чего стоит эту жизнь отдать. Только так (объясняешь ты нам) можно избежать «короткого замыкания» существования, стремящегося, во что бы то ни стало, заручиться спасением. Вот так, я думаю, Бог приготовил в тебе сердце, способное принять Его. Он ждал лишь одного: чтобы ты позвал Его. И когда ты позвал, Он пришел.

⁷ Во время вечерней молитвы на экранах показывали фотографии брата Шарля разных лет и читали отрывки из его писем. Назавтра в базилике св. Петра вывесили портрет брата Шарля.

Отныне все здесь – в тайне простого присутствия... горнила, пылающего чистой любовью.

Где гордый и ленивый юноша прежних лет? Где Шарль из высшего общества? Куда делся неудовлетворенный и беспокойный Шарль?

Ты смотришь на нас в тишине, и в тишине открываешь свою тайну, ту драгоценную жемчужину, ради которой ты отважился поставить на карту всю свою жизнь...

ИИСУС-МИЛОСЕРДИЕ – JESUS CARITAS⁸

Здесь – вся твоя жизнь... В этом она выражена, высказана, принята и понята, обожжена... и обожена.

Ты смотришь на нас с бесконечной добротой: что еще ты говоришь нам? Какую открываешь дорогу?

Мне кажется, что второе твое слово – БРАТСТВО.

Братство – как возможность встретиться друг с другом и признать, что мы братья – при всех наших различиях.

Братство – как желание идти навстречу другому, тому, кто бесконечно далеко, кто забыт...

Братство – как особые отношения, принадлежащие Царству, те, что пронизывают все остальные отношения и возвращают нас к истинному состоянию детей одного Отца. В сердце Бога нет «дальних», в сердце Бога никто не «чужой»...

Спасибо, брат Шарль, за то, что ты верил в это, за то, что *братство* стало стремлением всей твоей жизни.

В сердце видимого – невидимое

Что же мы восхваляем, прославляя брата Шарля? Мне кажется, прежде всего, невидимое, тайну жизни, ставшей чистым отблеском Божьей любви.

⁸ Jesus Caritas – эти слова были своего рода девизом брата Шарля, они постоянно встречаются в его сочинениях и письмах.

Сидя в базилике св. Петра, я думала: «Толпа и торжественность, огни и позолота, пресса и интервью... они имеют смысл и пришли сюда, чтобы воздать честь и провозгласить достойной, праведной и святой жизнь человека, отказавшегося от славы и почета, пожелевавшего стать «маленьким» и доступным для всех... человека, выбравшего своей речью – молчание... человека, который вслед за Иисусом, своим Возлюбленным, захотел быть на «последнем месте» – чтобы встретиться со всеми, кто занимает его.

Рождество не за горами, и оно напоминает нам: разве секрет истинного величия не в «малости»? Бог пожелал «малости» для Себя, и она – для всех Его друзей.

В этом смысле наш праздник – видимость невидимого, откровение о нем, наши скромные человеческие попытки хоть что-то сказать о невидимом. Вот, небольшая зарисовка о...

празднике... видимом!

Несколько дней холм Тре Фонтане⁹ принимал радостную толпу «всех народов и рас»: Малые сестры и Малые братья из разных стран и из других монашеских и духовных семей, вдохновленных братом Шарлем, друзья, люди знакомые... и незнакомые, пришедшие сюда, потому что однажды они встретили брата Шарля на своем жизненном пути, и он сделался их попутчиком.

И еще – друзья из Алжира. Они захотели быть здесь, потому что для них Шарль де Фуко «также и наш»: чудо братства, превосходящего все ожидания.

Об этом и свидетельство Рании, девушки-мусульманки, уже три года работающей гидом в крепости, построенной братом Шарлем в

⁹ Тре Фонтане – холмистая местность в черте Рима (по преданию, здесь был казнен апостол Павел). Часть ее занимает древний монастырь траппистов. В 1956 году, когда сестрица Магдалена получила разрешение открыть главный дом Братства в Риме, трапписты позволили Малым сестрам занять часть принадлежащей монастырю территории. «Главный дом Братства» – это, собственно, не дом, а несколько деревянных построек, составляющих небольшую деревеньку на холме.

Таманрассете: «... и вот, мне захотелось узнать, кем был этот Шарль – не только для того, чтобы лучше работать, но и раскрыть тайну человека, с которым я каждый день проводила столько времени. И ответ не заставил себя долго ждать. Я потянулась к его простоте, к тому, как он жил и любил. (...) Все это было нелегко, потому что я очень боялась потерять себя, свои корни. Я думала, что нахожусь в точке разделения. Но, кажется, я ошиблась, потому что это оказалось скорее местом встречи»¹⁰.

И трогательное выступление Джованни – он с простой и твердой верой сумел поговорить со своим другом Шарлем, попросить его об исцелении больной раком жены... и получить просимое...¹¹

На вечерней молитве в субботу – танец нашего друга из Алжира: «идущий по пустыне». Он еще раз подарил нам этот танец несколькими днями позже, в «узком кругу» Тре Фонтане¹².

На следующий день, 13 ноября, туареги под аплодисменты вошли в переполненную базилику св. Петра. И в конце мессы – их встреча с Папой Бенедиктом XVI, запечатленная в сердцах и на фотографиях (которыми они потом так гордились), и слова: «Господин Папа, я приглашаю тебя в Таманрассет».

¹⁰ Рания говорила на вечерней молитве 12 ноября. Она была глубоко взволнована (да и мы тоже!) Слушать друг друга, отбросив всякую предвзятость, быть готовым признать и принять другого, пришедшего издалека, как дар – разве это не знак присутствия Царства Божьего посреди нас?

¹¹ Мы с радостью слушали Джованни вечером 12 ноября. Он рассказал историю своей дружбы с братом Шарлем. Дружбы, позволившей ему молиться брату Шарлю на своем диалекте жителя северной Италии. Джованни, его жена и дети провели с нами несколько дней – само их присутствие говорило убедительнее любых слов!

¹² Это было вечером 14 ноября, пока остальные туареги готовили зеленый чай, который мы потом пили, сидя на террасе, при свечах.

Встреча папы Бенедикта XVI с туарегами после беатификации
(Рим, Собор святого Петра)

Благодарственная месса 14 ноября, у траппистов. В проповеди владыка Клод Рауль, епископ Сахары, напомнил нам, что *«Бога Всевышнего надо искать... в самом низу»*.

Дни праздника, вышедшего далеко за пределы официальных церемоний: свободного, непосредственного праздника – в радости встреч и знакомств, взаимного узнавания и... признания. О празднике невозможно рассказать, он живет в нас радостью и порой вырывается наружу:

Например, 15 ноября вечером: накануне отъезда наших друзей в Алжир мы все собрались на кус-кус, приготовленный совместными усилиями туарегов и Малых сестер из разных стран, дежуривших на кухне. После ужина туареги взяли праздник в свои руки, чтобы сказать нам: «спасибо». Было видно, что они очень растроганы. «Это и есть рай: место, где больше нет разделений... и где можно жить как братья и сестры», – сказала сестра Жозефина, монахиня-кларисса из Назарета. Она много слышала о брате Шарле от сестер, знавших его¹³.

Как драгоценно было присутствие сестры Жозефины и Ивонны, нашей подруги из Назарета, чей отец, еще мальчишкой, знал брата Шарля (тот делился с ним хлебом!). Как-то вечером мы попросили Ивонну рассказать о брате Шарле, и она подарила такие подробности, что мы ощутили присутствие человека, непрестанно переживающего внутреннее обращение (как-то раз одна сестра увидела такую картину: брат Шарль сидит на полу и перебирает чечевицу. Мимо проходят французские дамы. Лицо брата Шарля делается пунцовым... Что случилось? *«Они смеялись надо мной... я боролся – и Бог победил...»*)... Человека, очарованного Иисусом – и уже отданного ближним (после долгих уговоров матери-настоятельница брата Шарль согласился получать каждый день помимо

¹³ Сестре Жозефине 91 год. Она сказала, что ждала прославления брата Шарля 70 лет!

хлеба и воды литр молока. Спустя несколько дней после его отъезда из Назарета к сестрам пришла бедная вдова. Она справлялась о человеке, который каждый день приносил ей литр молока)... Если брат Шарль так жил уже в Назарете, что же было в конце его жизни?!

– И еще – кукольный спектакль, сыгранный на разных языках 12 и 14 ноября. Спектакль по письмам брата Шарля одному из близких друзей деликатно и как бы в тишине рассказал о внутреннем приключении человека на пути к счастью: *«Я счастлив, очень, невероятно счастлив, хотя я уже многие годы совсем не ищу счастья»*... Это надо видеть... и сохранить в сердце.

И, наконец, несколько цифр...

1500 стульев, взятых в аренду: 1000 для часовни траппистов (где все равно многие сидели на полу) и 500 для Тре Фонтане.

12 экранов внутри часовни и 2 снаружи – чтобы все могли насладиться красотой богослужения.

Около 2200 обедов, «разделенных» с теми, кто пришел в Тре Фонтане. Талончики разных цветов помогали распределить людей по местам, где раздавали пищу. Мы приготовили множество комнат, но прекрасная погода подарила нам чудесные пикники на свежем воздухе!

С некой долей фантазии и гибкости Тре Фонтане приютило на ночь около 200 человек (матрацы «гуляли» повсюду).

В общей сложности более 900 священников и епископов сослужили на мессе в соборе св. Петра. На самом деле, их могло быть больше, просто не хватило места! На следующий день 220 из них сослужили на благодарственной мессе у траппистов. А после мессы мы с ними очень хорошо пообщались.

И, наконец... то, что невозможно сосчитать!

Сколько человек собралось, чтобы показать свою любовь к брату Шарлю? Сколько человек захотели присоединиться к нам в эти праздничные дни? Сколько тех, для кого Шарль де Фуко – друг и брат? Все это – тайна Божьего Сердца!

(От всех Малых сестер –
Малая сестра Иисуса Патриция-Мария)

Акт беатификации

Принимая пожелание наших братьев Клавдия (Клода) Ро, епископа Лагуатского, кардинала Камилло Руини, нашего генерального викария Римской епархии и Джино Реали, епископа Порто-Санта Руфины и многих иных братьев-епископов и множества верных, учтя мнение Конгрегации по канонизации святых, мы, своею Апостольской властью полагаем отныне называть почитаемых рабов Божиих Шарля де Фуко, Марию Пию Мастену и Марию Круцификсу Курцио – Блаженными и праздновать их память: Шарля де Фуко 1 декабря, Марии Пии Мастены – 27 июня, Марии Круцификсы Курцио – 4 июля, по местам и согласно установленным правилам празднования.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Выдано в Риме, в соборе Святого Петра, 13 ноября, лета Господня 2005, в 1 г. нашего понтификата.

Папа Бенедикт XVI

**Молитва, предложенная нынешним настоятелем
обители Богородицы Снегов**

Боже, Отец наш! Ты призвал блаженного Шарля де Фуко жить Твоей любовью в Сыне Твоем, Иисусе из Назарета. Даруй нам обрести в Евангелии источник подлинной христианской жизни, а в Евхаристии – начатки вселенского и благовествующего братства через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Тропарь блаженному Шарлю де Фуко

Глас 1

Последнее место возлюбив, как Иисус,
Возлюбленный Брат и Господь твой,
в пустыне, как в сердце Христовом поселился
и в бедность Христову, как в небесные ризы облекся.
Братом стал для всех, Евангелие жизнью возвещая,
и, как Иисус, отдал жизнь братьям своим.
Сего ради моли Христа Бога,
да во всем уподобимся Ему,
Шарле, преподобный отче наш.

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЦЕРКОВЬ: ТРАДИЦИЯ И «МОДЕРНИЗМ»

Понимая, что невозможно в рамках одной статьи разрешить проблему соотношения нового и старого, «модернизма» и «консерватизма» в Церкви, вернее, того, что под этим обычно понимают, не становясь однозначно на ту или иную сторону, я все же позволю себе изложить несколько мыслей на эту тему. Собственно, эти мысли являются ответом или, вернее, заочным диалогом с религиозным философом Татьяной Горичевой, моим другом с давних времен, еще по питерскому религиозно-философскому семинару конца 70-х годов. В своих статьях Горичева затрагивает, в числе прочего, и эту тему, определенно становясь на сторону «консерваторов», традиционалистов. Вот примерная сводка ее аргументов.

«Модернизм» в Церкви приводит к разрушительным последствиям, что хорошо видно по современному состоянию Церкви на Западе, как протестантской, превратившейся, вследствие неограниченной свободы мнений, в своего рода дискуссионный клуб, где приветствуется любая «критическая» идея, даже полностью отрицающая основы христианского учения, так, после 2-го Ватиканского собора, и католической, где поколеблены вековые традиции богослужения и самого вероучения во имя «свободы» и современных проблем. Можно сказать и так, что на Западе Церковь поддалась духу «века сего», оттеснив на задний план «единое на потребу» в пользу пусть и важных, но все же мирских задач: социальных, политических, национальных, благотворительности и т.д. Из такой Церкви изгнана сама память о крестной смерти Спасителя и Его воскресении, о Спасении как цели христианского благовестия, о всеобщем воскресении и Страшном Суде. Конечно, все это не отвергается, но остается как бы за кадром жизни современного христианина, озабоченного другими делами: благотворительностью, помощью различным социальным группам, объявленным

слабыми и угнетенными. При этом такой деятельности придается христианский характер, ибо сам Христос говорил о помощи ближнему. Однако современные церковные модернисты забывают, что помогать ближнему надо в любви, о которой Христос учил как об основном законе: о любви к Богу и ближнему. А приобщиться к этой любви можно только в Церкви, не потерявшей апостольских традиций и подлинного смысла Евхаристии: общения с Богом.

Такой Церковью сейчас и является Православная церковь, и прежде всего в России. Поскольку именно в России, по мысли Горичевой, после крушения коммунизма и освобождения Церкви, верующие сами выбрали традицию и консерватизм, не прельстившись яркой погремушкой модернистских соблазнов. Поэтому и экуменизм является сейчас утопией, если не ересью: нам, православным, просто не с кем примиряться, поскольку истинное примирение может быть только во Христе, а именно о Христе и забыли на Западе.

Примерно так можно изложить точку зрения Татьяны Горичевой, и эти взгляды разделяет множество людей. Хотя, конечно, многие держатся и противоположных взглядов.

Но не будем с порога отвергать вышеизложенную точку зрения. Что и говорить: в ней много правды. Эта правда прежде всего в том, что именно угождение духу века сего, угождение всему мирскому давно уже стало реальной опасностью для западного христианства. То и дело узнаешь что-то новое: то это т.н. теология освобождения, оправдывающая любые революционные движения, даже самые свирепые, то какое-то специальное женское богословие, в угоду феминизму, то даже гомосексуализм, недвусмысленно названный мерзостью в Библии, все равно подстраивается под какой-то псевдохристианский лад, вплоть до прямого кощунства. При этом любая уступка человеческим слабостям и порокам оправдывается милосердием, христианским прощением, необходимостью учитывать человеческие интересы: национальные, классовые, а сейчас еще и Бог знает какие: пола, «сексуальной ориентации», и вообще интересы любого «меньшинства», которое якобы всегда право уже потому, что оно меньшинство.

Но Христос говорил о любви к людям, к ближним, к каждому конкретному человеку, а не к его греху и не к его «интересам». Любители ссылаться на евангельский эпизод, когда ко Христу приводят грешницу, уличенную в прелюбодеянии, и Христос освобождает ее от наказания, сказав толпе: *кто из вас без греха, бросьте в нее первый камень*, так вот, любители этого эпизода как-то забывают, что когда все разошлись, Христос говорит женщине: *иди и больше не греши*. Тем самым прощается грешница, но не грех, который подлежит осуждению. Конечно, отделить грешника от его греха, наверное, самое трудное в христианской практике. Куда легче проявлять безбрежный либерализм, потакая любым человеческим слабостям и порокам во имя «милосердия». А на самом деле из страха, что излишней строгостью можно оттолкнуть прихожан, и без того избалованных нашей гедонистической цивилизацией.

Но тем самым последователи ультралиберального христианства начинают мерить само христианство человеческими ценностями, пусть даже привлекательными, такими, как равенство, справедливость и т.д., но все-таки именно человеческими. То есть в принципе меняется точка отсчета, меняется мера, которой проверяют нашу земную жизнь. Такой мерой становится только то, что соответствует человеческим интересам, а то и слабостям, и исчезает, теряется главное в христианстве: его небесное происхождение, неземная мера, т.е. сам Христос. Формально, конечно, о Христе не забывают, но рядят его каждый как хочет: то в либерала, то в революционера, то в борца за права человека, права разнообразных экзотических меньшинств, и т.д. Здесь потакание человеческим слабостям, человеческому эгоизму, будь то личному, классовому, национальному или какому-либо групповому, может доходить до кощунства.

Так что скептический взгляд Горичевой на обмирщенную до предела современную западную Церковь имеет свои основания.

И все-таки не все в этом взгляде ладно.

Например, вот что. Горичева, как мы видели, пишет о том, что именно в России православные миряне инстинктивно выбрали в

Церкви консерватизм, традицию. Может быть, и так, но что такое традиция? Всегда ли она действительно православна? Всегда ли уходит в глубь веков? Опыт показывает, как быстро может стать «традицией» то, что введено было только в XIX, скажем, веке. Да и «старина» далеко не всегда может быть критерием истины. Вот небольшой пример. Нередко в наших церквях можно увидеть икону, которую называют «Отечество» или «Новозаветная Троица». В отличие от иконы «Троицы», канонот которой является «Троица» Андрея Рублева и на которой изображена не сама Святая Троица, а ее *знак*: три ангела, явившиеся Аврааму у дубравы Мамре, на иконе «Отечество» изображают все три Ипостаси Св. Троицы: Бога-Отца в виде старца с седой бородой, Иисуса Христа и Духа Святого в виде голубя. Между тем еще Большой московский собор 1667 года определил эту икону как неканоническую, поскольку из Лиц Святой Троицы возможно изображение только Бога-Сына, т.е. Иисуса Христа как воплощения Бога. Голубь на иконах Крещения присутствует только как символ Духа Святого, но не как Его изображение, Бога-Отца же и вовсе изображать нельзя, здесь ветхозаветный запрет остается в силе. Тем не менее, эту неканоническую икону и сейчас можно видеть в храмах, и не так уж редко. Это свидетельствует не только о недостаточности богословского образования у иконописцев и устроителей храмов, но и о том, что неверную традицию не так просто преодолеть: она продолжает существовать уже веками, не являясь, тем не менее, православной.

Тем более, принимая существующие церковные традиции, мы не всегда можем разобраться, что именно в них непреходяще, без чего Церковь теряет свою сущность, что является данью времени, часто не такого уж давнего, а что и вовсе нежелательно. Недаром Аверинцев писал, что сейчас, когда Церковь стала свободной, нам угрожает бездумное воспроизведение синодального периода Русской Церкви, между тем как тяжелые проблемы и нестроения этого периода были обозначены еще на Поместном Соборе 1918 года, многие решения которого и сейчас ждут претворения в жизнь. Но сторонников «традиции» во что бы то ни стало и без разбора, это

не интересует, для них все «благолепно», все, что они застали в Церкви прямо сейчас, независимо от того, когда это привнесено и какое влияние оказывает на жизнь Церкви. А это значит, что Церковь для них вроде музея, а не живое Тело Христово.

Особенно это относится к тем, кто пришел в Церковь недавно, спасаясь от развала и сумятицы эпохи перемен, и, конечно, не способен разобраться и осмыслить ту традицию, которую без разбора принимает.

Однако мне хотелось бы сказать и о тех, кто действительно укоренен в Церкви и считает себя приверженцем традиции. В основном это, конечно, священство. Здесь все более сложно.

Я имею в виду человека, на самом деле укорененного в церковной традиции, а не ставшего приверженцем всего «традиционного» едва ли не позавчера. Будь то священник или мирянин, он действительно живет в Церкви и иной жизни для себя не мыслит. Ко всему непривычному, «модернистскому», вообще к любым нововведениям и переменам он относится подозрительно и, как правило, их не принимает. Даже если это перемены, на деле восстанавливающие древнюю, но забытую православную традицию. И это не из-за косности или невежества, а из-за того, что любые перемены грозят нарушить равновесие того мира, к которому он привык и в котором живет. Не забудем, однако, что это подлинный церковный мир.

Но именно душевный покой и равновесие, характерные для такой жизни, могут таить в себе опасность: забвение того, что христианство не просто одна из религий, что это небывалая, неслыханная новость, которая всегда остается таковой, даже через столетия и тысячелетия. Сам Господь воплотился, жил на земле, умер за нас и для нас воскрес, «смертию смерть поправ», это ли не благая весть, невероятная, неслыханная новость, преобразующая всю человеческую жизнь, и после чего уже невозможно жить как прежде. Нет, конечно, любой верующий церковный человек все это знает, но одно дело «знать», а другое — «жить» этим и ради этого. Так, как жили апостолы, именно с этой благой вестью, невероятной, чудесной новостью шедшие в мир, как жили святые, как жил

Серафим Саровский, всех и в любое время встречавший словами «Христос воскресе!», ибо никакой другой, более важной новости он не мыслил.

Речь, собственно, о расстановке акцентов. Речь о том, что во-первых, а что во-вторых. Для человека, живущего в свете Воскресения Христова, самая строгая традиция не будет непосильным грузом. Наоборот, эта традиция, т.е. накопленные Церковью за века духовные сокровища будут еще и еще раз напоминать, приводить к тому, что есть «единое на потребу», к Благой Вести. И этот же свет поможет выявить то, что есть в этой сложившейся традиции неотменимое и вечное, что есть подлинные духовные богатства, от которых не след отказываться во имя даже самого привлекательного «модернизма», а что есть дань времени, дань сложившимся историческим и политическим обстоятельствам. В свое время именно неразличение основного и неосновного, сакрализация решительно всего, вплоть до буквы или способа сложения пальцев при крестном знамении, все это привело к духовной катастрофе, к церковному расколу и взаимной ненависти, к напрасно растроченной духовной силе. И это притом что формально именно старообрядцы были во многом правы в своем неприятии никоновских реформ. Но правота эта была только человеческой, а не Божьей, ибо только любовь к Богу и ближнему является мерилом истинности.

А вот когда люди, хоть и знают о Благой Вести, но не живут этим, тогда традиция, вся как есть, становится единственным домом и привычным местом обитания. Тогда и появляется хоть и очень распространенный, однако странноватый тип верующего, для которого традиция это «наше все», причем акцент, ударение падает на слово «наше». Такие люди искренно недоумевают, когда в Церковь приходят инородцы или бывшие иноверцы, причем это вовсе не обязательно связано с ксенофобией. Нет, они действительно не понимают, зачем те идут не в «свою» Церковь, ведь у них же есть «своя» вера и свои ценности, своя традиция, вот пусть ее и придерживаются. Вселенское понятие Церкви здесь сужается до семейного «дома», т.е. общины для «своих». Хоть это и не слиш-

ком корректно, я зову таких людей «православными иудаистами», для которых главное не Истина, которая есть Христос, главное — это община, народ Божий, состав и раз навсегда установленные традиции которого надо сохранить во что бы то ни стало.

И все же мне не хотелось бы напрочь отвергать этот тип верующего. Поскольку традиция, которую они хранят, действительно церковна, можно назвать их хранителями накопленных Церковью духовных сокровищ, и в большинстве своем эти сокровища подлинные и будут в конце концов востребованы. Настоящая проблема и беда связаны с другими людьми, которых я называю, опять-таки условно, «ультраправославными модернистами». Как ни странно звучит это словосочетание, ниже я постараюсь разъяснить, что именно я под этим подразумеваю.

Если человек верит во Христа, верит в спасительность Его воплощения и Воскресения, то никакая другая вера ему не нужна. Но если Христово Имя и Церковь ему нужны для чего-то другого, то именно это «другое» становится главным в его вере, становится его подлинной верой. Чем же именно может быть это «другое»? Да чем угодно. В большинстве случаев это вера во всемирный заговор неких тайных сатанинских сил, которые, разумеется, всем управляют и от которых нет спасения. Это самодельная историософия, как угодно переворачивающая и искажающая подлинные исторические факты, только чтобы найти там «тайный» смысл, след действия все тех же тайных сил. Вообще слово «тайный» является любимым для последователей этих учений. Мы имеем дело здесь с крайне нездоровой мистикой, языческой по своей природе, прежде всего лишаящей человека свободы и делающей его игрушкой каких-то мировых не то сфер, не то заговоров. Собственно, Церковь столкнулась с этой языческой псевдодуховностью очень рано, с самого начала: это, конечно, был гностицизм. Гностические учения были опасны тем, что не отвергали напрочь христианства, а хотели его абсорбировать, приспособить к своим причудливым мистическим построениям, но сделать главным в своих учениях не Христа, а именно эту соблазнительную и причудливую мистику.

Современный гностицизм столь же изощрен, но его последователи отличаются от древних гностиков прежде всего тем, что те, по крайней мере, не выдавали себя за ортодоксальных христиан, они были именно либералами, интеллигентами того времени. Современные же гностики настаивают именно на своей строгой ортодоксальности, приверженность любой церковной традиции и, прежде всего, уставу доходит у них до страсти, до поклонения. Может быть, они тем самым подсознательно компенсируют свое очевидное неправославие в другой сфере? Поговорите с ними о чем-нибудь, не касающемся тонкостей устава, и вы услышите все то же: о тайных силах, о борьбе с заговорами, с масонством, с экуменизмом, с происками католиков и т.д. и т.п. Словом, вся жизнь – это борьба, как говорил вроде бы не их учитель. То, что борьба христианина происходит, прежде всего, с грехом в своей душе, что мы без Христа в этой борьбе потерпели бы поражение, все это они вроде бы и знают, но это как-то для них не так интересно, как борьба другого рода: с происками мировых тайных сил. В конце концов, хочется сказать им: вы уж, ребята, определитесь, во что вы действительно веруете: в Воскресение Христово или во всемирный заговор. Потому что это *разные* веры, и нельзя их исповедовать одновременно, надо выбирать.

Мы приходим к тому же, с чего начали. Подлинный консерватизм в Церкви – это, прежде всего, вера во Христа, Которым измеряется и все остальное. Поэтому в основном я согласен с Татьяной Горичевой: я консерватор, но именно в том смысле, что всякая подмена и замена Христа чем-то другим ведет к измене вере. Это происходит всегда, когда христианство, Церковь становится путем к каким-то иным целям, когда людям нужен не Христос, а Христос плюс что-то другое. Тогда «другое» рано или поздно подменяет Христа. Но это «другое» совсем не обязательно должно быть в «либеральном» обличии, оно может заявлять о себе и как ультраконсерватизм, но выдает его одно: подмена. Поэтому мне неприятно и то, когда в алтаре играют на гитаре современные мелодии и называют это «богослужением»: не потому, что я против гитары и современных мелодий, но все хорошо на своем месте, и нельзя в

угоду «современности» заменять на светскую культуру накопленный Церковью за века духовный опыт богослужения¹. Но неприемлемо и то, когда под маской ультраортодоксии идет проповедь явно гностических и нехристианских учений, сеющих ненависть и ожесточение. И там, и тут главный грех – подмена, когда вера в неотмирный свет Христов заменяется человеческими учениями.

¹ Кажется важным отметить, что форма богослужения (обряд), как и язык богослужения, не были единообразными еще в период неразделенной Церкви; не остаются они неизменными и далее, на протяжении истории как Восточной, так и Западной Церкви и до сего дня. За века своего длительного развития литургия подвергалась многим изменениям, лишь сущность церковных таинств остается неизменной, так как таинство есть неизменное действие Духа Божия. (Прим. ред.)

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

О ЕДИНОМ НА ПОТРЕБУ

*«Ищите же прежде Царства
Божия и правды Его...»*

(Мф 6:33)

Тема этих размышлений была подсказана «Дневниками» прот. Александра Шмемана, переживаниями о. Александра по поводу исторически сложившихся искажений в понимании христианами самой сути Христианства вообще и Православия в частности, и, как следствие, – перекосов в церковной жизни. Вот только одно высказывание о. Александра: «Я верю, что Православие – истина и спасение, и содрогаюсь от того, что предлагают под видом Православия, от того, что любят, чем живут, в чем видят «православие» сами православные, даже лучшие, бескорыстные среди них»¹. Хотя с момента написания этих слов прошло более тридцати лет, ситуация лучше не стала, да и не могла стать, так как это проблема не только XX или XXI века, – ее истоки восходят к раннему Средневековью, а точнее, к началу Византийского периода в истории Церкви. И для решения этой проблемы необходимо ни много ни мало – серьезное переосмысление как апостольской традиции, так и всего святоотеческого наследия.

Именно этому были посвящены все труды, все книги прот. Александра Шмемана и, конечно, не только его. Казалось бы, зачем еще писать на эту тему, лучше Шмемана все равно не скажешь, и надо лишь изучать его труды и доводить их содержание до сознания церковного народа. Но если вспомнить, что еще совсем недавно в одной из духовных семинарий России книги Шмемана и некоторых других религиозных мыслителей публично сжигались на кос-

¹ Прот. Александр Шмеман «Дневники», М., Русский путь, 2005. С. 66.

тре, то придется признать, что проблема только углубляется, да еще и усугубляется тем, что даже некоторые церковные иерархи не хотят признавать само ее наличие. Поэтому молчать нельзя, надо говорить, и говорить громко, во всеуслышанье.

Так в чем же суть проблемы, как ее обозначить? А суть в том, что в церковном сознании Христианство и Церковь Христова перестали пониматься как кончина этого мира, как начало нового творения, как явление Царства Божия уже здесь и сейчас. Эти фундаментальные для Христианства понятия в сознании церковных людей оказались отнесенными к неопределенному будущему, ко Второму Пришествию. И в результате сегодня Христианство даже многими церковными людьми понимается как религия, помогающая им устроить жизнь в этом мире, придающая легитимность событиям этой жизни, «освящающая» жизнь падшего мира. Ну, а Церковь воспринимается как учреждение для «удовлетворения религиозных потребностей» отдельных людей или групп. Возможно, кто-то сейчас спросит: а разве это неправильно? Попробуем разобраться. Но прежде хочу сказать, что ни в коей мере я не могу претендовать на то, чтобы поставить себя в один ряд с такими богословами, как о. Александр Шмеман, как и на то, чтобы «все объяснить и всех научить, как надо». Задача этой статьи лишь в том, чтобы указать на проблему и попытаться ее сформулировать.

I

В основе христианского мировоззрения лежит Библейское Откровение, согласно которому мир и человек, с одной стороны, как образ и подобие Божии, а с другой, как часть этого мира, созданы Богом. Созданы с определенной целью. У Бога есть Свой план, Свой Замысел о мире и о человеке. Но на заре человеческой истории произошло то, что сегодня называют Грехопадением. Человек разрушил заданные отношения с Богом, исказил ход задуманной Богом истории. Однако Творец не отказался от Своего Замысла и сделал все, чтобы восстановить разрушенные человеком отношения и достичь первоначальной цели. Это то, что в богословии на-

зывается Спасением. В истории Спасение осуществляется через Христианство и Церковь Христову. И для того, чтобы разобраться в нашей проблеме, чтобы понять, что есть Церковь Христова и в чем назначение Христианства, необходимо попытаться определить основополагающие для христианского мировоззрения понятия: цель Творения (Божий Замысел о мире и человеке), Грехопадение (его суть) и Спасение (как осуществление Замысла Божия).

Размышляя о цели Творения, мы должны исходить из того, что Замысел Божий во всей своей полноте для нас тайна, и мы можем судить о нем лишь в той мере, в какой он открывается нам в Священном Писании и в самом сотворенном мире, в отношении Бога к этому миру. Основываясь на этом откровении, мы вслед за святыми отцами можем утверждать, что Творение есть свободный акт воли Божией, в Божественной природе нет ничего, что было бы необходимой причиной Творения. Но Бог этого «захотел». Как пишет В. Н. Лосский: «Творение есть свободный акт Его желания, и это – единственное обоснование тварного»². Бог «захотел» создать мир и создал его, создал для того, чтобы выразить Себя в нем, чтобы поделиться с ним Своим бытием. Или, как продолжает Лосский, мир «создан для сопричастия полноте Божественной жизни, это – его призвание. Он призван осуществить это соединение в свободе, то есть в свободном согласовании воли тварной с волей Божественной, это – внутренне связанная с творением тайна Церкви. <...> Вся вселенная призвана войти в Церковь, стать Церковью Христовой, чтобы, по совершении веков, преобразиться в вечное Царство Божие»³. А о. Сергей Булгаков настаивает, что «Церковь есть предвечная цель и основание творения, ради Церкви Бог создал мир»⁴.

Итак, мы можем заключить, что целью Творения является Царство Божие, в котором Бог делится Своим бытием с созданным

² В. Н. Лосский «Очерк мистического богословия Восточной Церкви». М., 1991. С. 72.

³ Там же, с. 86.

⁴ Прот. Сергей Булгаков «Православие». YMCA-PRESS, Paris, 1989. С. 39.

Им миром, делает его причастником Божественной жизни. Одним словом, мир создан для его обожения. А начало этого обожения мира, его соединения с Богом осуществляется в Церкви, которая есть явление Царства Божия, задуманное от создания мира.

И здесь важно сказать несколько слов о цели сотворения человека. Человек, согласно Откровению, создан последним как венец, вершина тварного мира. С одной стороны, «Бог создал человека из праха земного», то есть взял для создания человека нечто от уже созданного мира, и в этом смысле человек может пониматься как часть тварного мира. Но это можно понимать и как то, что в человека при создании были заложены все элементы мира. С другой стороны, только о человеке сказано, что он создан «по образу Божию», то есть человек принадлежит не только чувственному, материальному миру, но и миру умообразному, духовному. Этим «образ Божий» в человеке не исчерпывается, но для нас сейчас важно именно это. Лосский, ссылаясь на св. Максима Исповедника, пишет: «...первый человек был призван воссоединить в себе всю совокупность тварного бытия; одновременно он должен был достигнуть совершенного единения с Богом и таким образом сообщить состояние обожения всей твари»⁵. И далее: «Греческие отцы говорят, что человек был сотворен в последний день для того, чтобы войти во вселенную, как царь в свои чертоги. «Как священник и пророк», – добавляет Филарет, митрополит Московский, придавая библейской космологии литургический аспект. Для этого великого богослова прошлого века сотворение мира уже предуготовляет Церковь, которая предначинается в земном раю, с первыми людьми»⁶. Таким образом, сотворение человека – это, по сути, предначинание Церкви, в которой должно было начаться и осуществиться воссоединение всего тварного мира в человеке и его единение с Богом.

Но человек не исполнил своего предназначения, и в этом суть Грехопадения. То есть Грехопадение не в нарушении человеком

⁵ В. Н. Лосский «Очерк мистического богословия Восточной Церкви». М., 1991. С. 83.

⁶ Там же, с. 85.

отдельной заповеди, а в кардинальном нарушении воли Божией, в разрушении человеком доверительных отношений с Богом, по сути, в отказе от своего призвания. Человек был призван к обожению через единение с Богом, через дар Божий (благодать), он же решает самостоятельно стать богом без благодати, противопоставляет себя Богу. Конечно, согласно Откровению, грех как противостояние Богу, противление Божьему Замыслу начинается не с человека. Человек сам согрешает, будучи соблазнен сатаной. И об этом нужно говорить отдельно. Но именно с человеком грех входит в чувственный мир, и человек выбирает этот путь добровольно. Именно в человеке, как средоточии тварного мира, грех мог и должен был быть преодолен, но человек этого не исполнил. Вместо задуманного Богом единения начинается разделение, разделение между человеком и Богом, между человеком и тварным миром, между человеком и человеком, то есть в самом человеке, в человеческом роде.

Исходя из этого и следуя святым отцам, мы приходим к выводу, что Спасение заключается в восстановлении первоначальных доверительных, то есть основанных на вере, отношений между человеком и Богом, в единении человека, а через него и всего тварного мира, с Богом, необходимым условием чего является воссоединение в человеке всего тварного мира, и, прежде всего, воссоединение самого человека, рода человеческого. Божий план не мог быть уничтожен грехом человека; то, что не смог исполнить первый человек, первый Адам, исполнил Адам второй, Иисус Христос. Бог Сам исполнил Свой замысел и для этого стал человеком, Сыном Человеческим, Иисусом из Назарета.

С этого момента, называемого Рождеством Христовым или Боговоплощением, начинается история Христианства, являющегося по сути своей осуществлением Замысла Божия и реализующегося в Церкви Христовой. Согласно Писанию, во всей полноте Замысел Божий осуществится в жизни «будущего века», еще только «чаемого», ожидаемого нами, после Второго Пришествия Христа и «воскресения мертвых», как мы исповедуем это в Символе веры, когда «будет Бог все во всем» (1 Кор 15:28) и когда все

станет Царством Божиим. Но уже здесь и сейчас Замысел Божий осуществлен в Иисусе Христе, и Царство Божие присутствует, явлено в Его Церкви, в Теле Христовом, как называл Церковь ап. Павел. Поэтому в Церкви Христовой все эсхатологично, сама Церковь эсхатологична – «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18:36), говорил Иисус Христос. И Христианство направлено не на устройство, не на укоренение человека в этом падшем мире, а на преодоление этого мира с его разделением на всех уровнях. По сути, Христианство – уже кончина этого мира, по крайней мере, в Церкви, и начало нового единого мира – Царства Божия. Как идея это в той или иной мере присутствует и в Иудаизме, и в Исламе, но только в Христианстве это осуществлено, то есть уже явлено.

II

Совершенно иную картину мы видим в языческом мире, в мире религий. «Человек, возмечтавший преступным путем стать равным Богу, неожиданно для себя оказался рабом греха и, увлекаемый им, встал на путь богоборчества. Но и на этом пути, утратив связь со своим Творцом, с Единым, Истинным Богом, человек не мог жить без поклонения Высшему Началу. Только теперь, по мере все большего удаления от Истинного Бога, образ Единого в сознании падшего и поврежденного человека как бы разбивается и рассыпается на множество осколков. Так возникают религии многобожия или политеизм. Термин «религия» – не библейский, это слово происходит от латинского глагола *religare* – соединить, соединить себя, и означает попытку человека восстановить утраченную связь с духовным миром. Все религии, как правило, представляют собой систему определенных представлений о Боге или богах, свод религиозных предписаний или запретов, и культовую практику, в большинстве религий осуществляемую через жрецское или священническое сословие. И хотя все религии возникают из естественного и оправданного стремления человека к поклонению, но многие из них оказываются в оппозиции Тому, Кто един-

ственно достоин поклонения»⁷. Более того, очень часто в религии человек ищет не только или даже не столько поклонения, сколько возможность подчинить «божество» себе или, по крайней мере, использовать его в своих земных целях. Того же человек искал и в отношениях с окружающим его природным миром. Это то, что называется магией.

И хотя цели религии и магии, казалось бы, противоположны, очень часто в реальности религия и магия переплетаются, религия оказывается пропитанной духом магизма. «Магизм привнес в религию слепую, почти маниакальную веру во всемогущество ритуалов и заклятий. На духовную сферу переносилась мертвенная причинность, возникало отношение к высшему началу, лишенное всякого живого религиозного чувства и мистической жажды. Отсюда такие странные, на первый взгляд, явления, как избивание идола, если он не выполнял требований просящего. Насколько такое «потребительское» отношение живуче, свидетельствует хотя бы то, что даже у христианских народов бывали случаи, когда статуи святых «наказывали» за то, что они не слышали просьб народа. Религиозный магизм убежден, что высшую силу можно *заставить* подчиниться. Нужно лишь найти ключ, слово, действие – и все будет в руках человека.

Так постепенно складывалось магическое мирозерцание, замыкавшее всю Вселенную в причинную цепь следствий, в которой огромную роль играли обряды»⁸. И там же: *«В магизме скрыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центре мироздания и заставить служить себе его силы»*.

Именно поэтому магизм явно *посюсторонен*. Высшим благом для него являются блага земные. Предел желаний мага – процветание здесь на земле»⁹. При таком подходе религия воспринима-

⁷ Свящ. Владимир Лапшин «О Христианстве и о Церкви Христовой», ХРИСТИАНСКОЕ № XII, Рига, 2003. С. 9–10.

⁸ Э. Светлов (Прот. Александр Мень) «Магизм и единобожие». Брюссель, «Жизнь с Богом», 1971. С. 79.

⁹ Там же, с. 77.

ется как система определенных ритуалов и обрядов и молитв-заклинаний и оказывается поставленной на служение исключительно человеку. Этими ритуалами и заклинаниями «освящаются», то есть делаются легитимными, законными все события, все стороны жизни человека в этом мире от рождения и до самой смерти, но именно в этом мире. До мира иного, до вечности человеку, по сути, нет дела, и даже если он и проявляет интерес к этому, то исключительно прагматический, чтобы использовать эти знания для своих земных целей. И даже в тех религиях, в которых магический элемент не так явно выражен, все направлено на человека, на возможность избавиться от проблем и страданий в этом мире.

Вот в этом «потребительском» отношении к религии и «посюсторонности» и заключается очень важное отличие религиозно-магического сознания от Христианства. И очень жаль, что приходится тратить время и бумагу на объяснение этих прописных истин, но мы вынуждены это делать, потому что сегодня многими людьми, считающими себя верующими и даже церковными, Христианство (Православие) воспринимается как одна из таких религий. Да, эти люди убеждены в том, что Христианство (Православие) – это единственно «правильная» религия, но именно религия, помогающая им устроить свою земную жизнь, «освящающая» через обряды и молитвы все события их личной, семейной и даже государственной жизни, придающая их жизни в этом мире какой-то смысл и значение. Они убеждены, что Церковь и все совершающееся в Церкви: Таинства, уставное богослужение и т.д., предназначены исключительно для этого, то есть для разрешения их мирских проблем и для «удовлетворения их религиозных потребностей». Характерно то, что в сложившейся церковной традиции многие таинства и богослужения именно так и называются – «требы».

Кто-то может возразить: мол, что же в этом плохого? Только то, что это – извращение Христианства (Православия); не для того Бог стал человеком и пришел в этот мир, чтобы разрешать мирские проблемы человека. Вот что об этом пишет о. Александр Шмеман: «Бог и религия. Не Бог, а религия ставит «проблему мира»,

и потому как раз, что она *часть* мира и потому автоматически ощущает проблему соотношения с «целым». Но в те редкие минуты, когда сквозь религию пробиваешься к Богу, никакой проблемы нет, потому что Бог не есть «часть мира». В эти минуты сам «мир» становится жизнью в Нем, встречей с Ним, общением с Ним. <...> Поэтому подлинная вера есть всегда преодоление «религии». И Церковь – не религиозное учреждение, а наличие в мире «спасенного мира». Но ей ужасно хочется быть «религией», и вот она запутывается в «проблемах», для веры не существующих и вредных. Почему никто этого не видит и не понимает?»¹⁰

Христианство просто не может быть, не должно быть религией. Но беда в том, что даже церковные люди этого не хотят понимать и принимать. И не только так называемые «миряне», хотя в Церкви никаких «мирян» быть не может: «миряне» – это те, кто вне Церкви, кто в «мире», а в Церкви – все народ Божий, все «царственное священство». Беда в том, что и многие священнослужители, ответственные за строительство и жизнь Церкви, этого не хотят понимать и что-то менять в понимании и жизни Церкви. Их вполне устраивает «православие» как религия, а Церковь как «религиозное учреждение или организация», находящаяся в их руках, под их управлением.

Слава Богу, в последнее время нашей Церкви (РПЦ) удалось преодолеть искушение статусом «государственной религии» хотя бы на бумаге, потому что в реальной жизни она к этому статусу тянется, жаждет его. Некоторым иерархам недостаточно возглавлять «комбинат ритуальных услуг» для отдельных граждан – «мирян», им важно влиять на политику, на все стороны жизни народа и государства. Без их участия сегодня не обходится ни одно значимое мероприятие, будь то на региональном или федеральном уровне. Своим присутствием они «освящают», благословляют все сферы жизни и деятельности этого государства, вплоть до военной. И неважно, что само это государство явно не

¹⁰ Прот. Александр Шмеман «Дневники». М., Русский путь, 2005. С. 73.

христианское, а в отдельных своих проявлениях откровенно безбожное. И им как будто бы и невдомек, что призвание Церкви вовсе не в том, чтобы устраивать, «освящать» жизнь отдельных людей, народов или государств в «этом мире», а в том, чтобы свидетельствовать о его кончине, о приходе ему на смену мира иного, – Царства Божия.

III

Значит ли это, что Церковь и ее члены, христиане, должны быть в оппозиции миру, государству и вообще всему, что вне ее? Должно ли быть Христианство уходом или бегством из мира? На эти вопросы невозможно ответить однозначно. И да, и нет.

Церковь Христова как присутствие Бога в этом мире, как явление Царства Божия не может быть частью этого мира, но и не является оппозицией ему. Она просто неизмеримо больше этого мира, она потенциально включает его в себя. Как начало единения всего рода человеческого, да и вообще всего тварного мира, с Богом, – Церковь преодолевает всякие границы и превосходит любое государство. Она просто не может быть частью того или иного этноса, религиозной организацией того или иного государства. Она вообще не есть часть чего-либо на земле, она есть целое, превосходящее все земное. Поэтому когда Церковь отождествляет себя с культурой того или иного народа, когда связывает себя с тем или иным государством, с тем или иным государственным устройством, она изменяет самой себе.

В то же время Церковь, будучи Телом Христовым, будучи явленной здесь и сейчас и, имея определенную миссию в этом мире, должна иметь и определенное устройство, должна строиться по определенным принципам. Но это не могут быть принципы этого мира: авторитарная власть, внешняя сила и принуждение, на этом настаивают Сам Иисус Христос и Его апостолы. Поэтому, превосходя, с одной стороны, все земные общества и организации, с другой стороны, Церковь сама не может и не должна быть земной сверхорганизацией или сверхдержавой, пытающейся воз-

действовать на мир извне. Будучи посланной в этот мир для его спасения, Церковь живет и действует внутри него как закваска нового мира.

Собственно, в вопросе устройства Церкви ничего и не нужно придумывать. Иисус Христос, являясь единственным Главой Своей Церкви, Сам заложил основы ее устройства: Церковь – это евхаристическая община, возглавляемая Христом и живущая Духом Божиим. Именно Евхаристия, таинство Причащения Тела и Крови Христовых, являющаяся символом Нового Завета, изначально была структурообразующим ядром Церкви на всех ее уровнях. Церковь собиралась для Евхаристии и вокруг Евхаристии как видимого присутствия Иисуса Христа среди верующих в Него людей. Господь Сам сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там я посреди них» (Мф 18:20). И в другом месте: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин 6:54, 56). А где Господь, там и Царство Божие. И именно через Евхаристию Церковь выявляет в этом мире свою природу и осуществляет свое призвание – быть началом Царства Божия, присутствием Христа и спасением мира. И опять можно заметить, что лучше о. Александра Шмемана об этом не скажешь: «Опыт Царства Божия, таинством которого является Евхаристия. (Не одно только «преложение Даров», а та Литургия, которая и являет Царство Божие и исполняется в приобщении за трапезой Христовой в Его Царствии.) Церковь оставлена в мире, чтобы совершать Евхаристию и спасать человека, восстанавливая его *евхаристичность*. Но Евхаристия невозможна без Церкви, то есть без общины, знающей свое уникальное, ни к чему в мире не сводимое *назначение* – быть любовью, истиной, верой и миссией, всем тем, что исполняется и явлено в Евхаристии, или, еще короче, – быть Телом Христовым... Другого назначения, другой цели у Церкви нет, нет своей отдельной от мира – «религиозной жизни». Иначе она сама делается «идолом». Она есть *дом*, из которого каждый уходит «на работу» и куда каждый возвращается с радостью, чтобы дома найти саму жизнь, само счастье, саму радость, куда каждый

приносит плоды своего труда и где все претворяется в праздник, свободу и полноту. Но именно наличие, опыт этого *дома* – уже вневременного, неизменного, уже пронизанного вечностью, уже только вечность и являющего, – только это наличие может дать смысл и ценность всему в жизни, все в ней к этому опыту «отнести» и им как бы наполнить»¹¹.

Итак, Христианство реализуется в этом мире через жизнь евхаристической общины, имеющей в мире свое призвание, исполняющей свое служение, и для этого определенным образом устроенной. Евхаристия – это Трапеза Господня, совершаемая всей общиной, но так как она совершается по определенному чинопоследованию, в определенном порядке, то должен быть некто, отвечающий за этот порядок. С древних времен это епископ или поставленный им пресвитер.

Надо отметить, что в первые века Христианства, да и в эпоху Вселенских Соборов у христиан не было четко разработанной экклесиологии (учения о Церкви). Нет ее и сегодня. Но изначально сложилось, и так должно быть и сегодня, что евхаристическая община, управляемая епископом, обладает всей церковной полнотой, она и есть Церковь. Внутри такой Церкви может быть несколько евхаристических собраний, предстоятелями которых являются поставленные епископом пресвитеры, то есть она может состоять из частей, но сама она частью чего-либо большего не является. Она – целое, полнота. Каждая такая Церковь – община, при условии, что она находится в братском евхаристическом общении с другими такими же общинами, и все они вместе и являют миру Единую, Святую, Кафолическую (Соборную) и Апостольскую Церковь, Церковь Христову. Их епископы могут избрать из своей среды одного, обладающего духовным авторитетом, для того, чтобы при возникновении конфликтных ситуаций кто-то мог их собрать для коллегиального решения спорных вопросов, но любые попытки создать из таких Церквей-общин «сверхцерковь» в пределах все-

¹¹ Прот. Александр Шмеман «Дневники». М., Русский путь, 2005. С. 58–59.

го мира или одного государства являются нарушением древней Апостольской традиции и искажением природы Церкви.

Церковь изначально была и должна оставаться евхаристической общиной. Но это возможно только при условии, что ее жизнь, питаемая Духом Божиим, строится на общинных или, лучше сказать, на семейных принципах. Ведь Церковь – это дом Божий, Его семья. В ней все должно быть основано на взаимной любви, на взаимном доверии – она сама должна быть в этом мире явлением братской любви, доверия и мира. И это просто невозможно, если Церковь превращается в какую-то «сверхцерковь», в суперорганизацию, да и вообще в любую религиозную организацию, где все строится на юридическом правовом основании, на «авторитете по должности, согласно штатному расписанию». Что мы и имеем, к сожалению, сегодня в историческом Христианстве (Православии).

Конечно, в идеале предстоятелем каждой евхаристической общины должен бы быть епископ. Порой церковные проблемы возникают уже оттого, что внутри Церкви есть отдельные евхаристические общины-приходы, возглавляемые «заместителями» епископов – пресвитерами. Известный современный православный богослов Оливье Клеман по этому поводу замечает: «Почему эти последние (пресвитеры – В. Л.) не были наделены епископскими полномочиями, до сих пор остается для меня загадкой, ведь появление института «делегатов» епископа привело к немалому изменению изначальной роли самих епископов, при том, что приход и есть местная евхаристическая община»¹². О. Клеман имеет в виду то, что при таком устройстве Церкви епископ из предстоятеля евхаристической общины превращается в «администратора» религиозной организации. Но при наличии в Церкви смирения и любви эти проблемы, в принципе, преодолимы.

Церковь должна сознательно отказаться от всякого стремления к политическому влиянию в мире, от стремления к власти и бо-

¹² Оливье Клеман «Рим – взгляд со стороны», М., Скимень, 2006. С. 13

гатству, от мании «гигантизма». Она может и должна влиять на этот мир только духовно через своих членов, самой своей жизнью в этом мире, жизнью, пронизанной любовью, смирением и кротостью. Своим присутствием в этом мире она должна показать, что уже здесь и сейчас можно жить не по законам «этого мира», основанным на могуществе, власти и принуждении, а по законам Царства Божия, жить в самом Царстве Божиим. Пример тому дает нам Сам Господь наш Иисус Христос, который, будучи Владыкой мира, пришел в него как нищий бродячий проповедник. Всякие расколы и споры о власти, о канонических территориях и юрисдикциях начинаются тогда, когда есть что делить. Нечего будет делить, не о чем будет и спорить. А народ Божий делить не надо. Люди сами выберут себе общину из уже существующих, или с благословения епископа создадут новую, для которой он из их среды поставит пресвитера, как это было в древние времена.

И совсем не обязательно стремиться к полному единообразию во внутренней жизни общин, в том числе и в совершении богослужения. Единство должно быть в главном: во взаимной любви и в основах веры, сформулированных в Символе веры и в догматических определениях Вселенских Соборов. Ведь в каждой общине могут быть свои исторически сложившиеся обычаи и особенности в совершении того или иного богослужения. Разнообразие и особенности в богослужебной жизни отдельных общин могут смущать только случайных для Церкви людей, не принадлежащих ни к одной общине, а скитающихся по разным храмам в поисках неизвестно чего. Главное, чтобы эти особенности не затемняли смысла богослужения, а наоборот способствовали его выявлению. И важно вновь подчеркнуть, что смысл христианского богослужения в целом и, прежде всего, Евхаристии в том, чтобы являть в этом мире Церковь как начало Царства Божия, как Царство творческой свободы в Духе Святом, а не в том, чтобы «удовлетворять религиозные потребности» отдельных людей.

IV

О глубоком непонимании природы Церкви и ее богослужения свидетельствует отношение многих верующих людей, в том числе и священнослужителей, к церковным таинствам, как к средствам индивидуального «освящения», при этом, порой, понимаемым в категориях магического мирозерцания. Важно понять, что все таинства Церкви совершаются только Церковью и в Церкви и направлены на ее созидание и выявление ее природы в этом мире, а не на «удовлетворение религиозных потребностей» отдельных ее членов. О таинстве Священства в этом смысле можно было бы сказать очень много, но, наверное, в данном контексте в этом нет нужды. А вот об остальных таинствах сказать надо.

Через таинство Крещения человек вступает в Церковь, в конкретную евхаристическую общину. И это не его личное дело, а дело всей общины, которая должна приготовить человека к принятию таинства, убедиться в искренности и серьезности его намерения стать человеком Божиим, свидетелем Христа в мире. В случае крещения младенца необходимые требования должны предъявляться к его родителям и восприемникам, которые, безусловно, должны быть людьми церковными. Крещение неподготовленных и имеющих смутное представление о христианской вере взрослых людей, как и крещение детей нецерковных неверующих родителей, должно быть просто недопустимо. Конечно, при определенных обстоятельствах могут быть исключения, но именно как исключения, не возводимые в правило.

Через таинство Миропомазания, совершаемое в нашей традиции вместе с Крещением, каждый вступающий в Церковь человек получает дары Святого Духа и посвящается на служение Богу и Церкви, поставляется в сан «царственного священства». И он должен четко это сознавать и ответственно исполнять свое служение в общине через регулярное и полноценное участие в ее богослужении и в других служениях Церкви, выявляющих ее природу. В Церкви не может и не должно быть людей случайных, как бы посторонних.

Таинство Покаяния изначально было таинством примирения человека с Богом, таинством воссоединения с Церковью человека, отпавшего от нее. Святые отцы называли это таинство вторым Крещением, поэтому и это таинство направлено на созидание Церкви, на восстановление ее полноты и является делом общецерковным, а не личным. Конечно, в действительности этого таинства, собственно, как и в действительности всех других таинств многое зависит от искренности раскаяния (обращения) и серьезности намерений конкретного человека, приступающего к нему. Но еще раз важно подчеркнуть, что это таинство воссоздания церковной полноты, а не «средство личного освящения» или, как иногда говорят, «для облегчения души». Поэтому превращение в нашей церковной практике этого таинства в обсуждение «жизненных трудностей», неблагочестивых помыслов, а то и снов, является, попросту говоря, его искажением, профанацией.

Таинство Браковенчания. Хотя в каждом конкретном случае это таинство совершается над двумя конкретными людьми, вступающими в брак, но и это таинство не является лишь их частным делом, а делом общины, делом Церкви. Христианская семья всегда воспринималась Церковью как «малая, домашняя церковь», как часть общины. Поэтому таинство Браковенчания может совершаться только в общине, только над членами общины, во всяком случае, над верующими и церковными людьми. И не правы священнослужители, отлучающие от Причастия своих прихожан или прихожанок, состоящих в нецерковном браке. Ведь второй член семейной пары может быть человеком неверующим, а то и вообще некрещеным, и в этом случае таинство Браковенчания вообще невозможно. Так что же в этом случае разрушать семью и делать детей сиротами? Таким священнослужителям надо бы почаще заглядывать в Священное Писание, а именно в седьмую главу Первого послания ап. Павла к Коринфянам.

И даже таинство Елеосвящения (Соборования), таинство исцеления тяжело болящих членов Церкви не является частным делом, потому что и оно, как и таинство Покаяния, направлено на воссоздание церковной полноты, на воссоединение с общиной че-

ловека, болезнью оторванного от полноты церковной жизни. Надо отметить, что именно к этому таинству чаще всего относятся чисто магически и именно им более всего злоупотребляют. В последнее время в наших приходских храмах утвердилась практика совершать Великим постом «массовые» Соборования. При этом к таинству практически допускаются все желающие, даже маленькие дети, хотя в специальной литературе четко оговаривается, что воспрещается совершение этого таинства над людьми здоровыми или страдающими легкими телесными заболеваниями, над детьми, не достигшими семилетнего возраста. Не должно быть преподаваемо это таинство и людям, не принадлежащим к Православной Церкви, а также нераскаянным грешникам, то есть тем, кто не исповедуется и не причащается Святых Христовых Тайн или делает это крайне редко.

Ну, а о таинстве Евхаристии, как о таинстве Церкви по преимуществу, как о таинстве, во всей полноте исполняющем и являющем в этом мире природу Церкви, уже достаточно было сказано. Можно лишь напомнить, что таинство Евхаристии является ядром главной христианской службы – Божественной Литургии, название которой переводится как *общее дело*. И к участию в этом деле призваны все члены Церкви, в таинстве Миропомазания все они «посвящены» на совершение Литургии, а значит и на причащение Святых Христовых Тайн. Во время совершения Литургии в храме не может быть «зрителей». Известный православный богослов П. Н. Евдокимов настаивает на том, что присутствие на Литургии, да и вообще в церкви, «зрителей» является наиболее пагубным искажением древней практики. Он пишет: «Быть членом Церкви означает прежде всего принимать участие в евхаристическом собрании, и отлучение именно лишает участия в Вечере. Выражение «вне Церкви нет спасения» имеет прежде всего евхаристический смысл...»¹³.

Евдокимов напоминает читателям о суровости канонов древней Церкви по отношению к тем, кто произвольно лишал себя

¹³ П. Н. Евдокимов «Православие», М., ББИ, 2002. С. 183.

евхаристического общения. Он указывает, что св. Григорий Нисский, св. Киприан и другие святые отцы настаивали на ежедневном причащении. Св. Василий Великий советовал причащаться, по крайней мере, четыре раза в неделю. А 80-е правило Трулльского собора, 11-е правило Сардикийского и 21-е Эльвирского соборов предписывают отлучать от Церкви тех, кто не участвует в Евхаристии в течение трех недель. 9-е Апостольское правило и 2-е правило Антиохийского собора заявляют, что тот, кто приходит слушать Священное Писание, но не причащается, нарушает порядок и должен быть отлучен.

Важно отметить и то, что суть таинства Евхаристии не только или, даже лучше сказать, не столько в том, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа (что, кстати, сегодня многими «православными» под влиянием западного схоластического богословия понимается совершенно неправильно). Суть Евхаристии в том, что через причащение Святых Тайн, через участие в этой общей Трапезе мы сами все вместе освящаемся Духом Святым и становимся Телом Христовым, то есть Церковью. И во время таинства мы молимся о ниспослании Святого Духа «на ны (то есть на нас) и на предлежащие Дары сия». Одним словом, именно через совершение Евхаристии Церковь являет себя в мире как Церковь, то есть как Тело Христово.

То, что сказано о Таинствах и Литургии, относится и к другим богослужениям Церкви, поэтому совершение в нашей церковной практике всевозможных «заказных» Литургий, «заказных» молебнов и частных панихид (особенно после Божественной Литургии) свидетельствует о глубоком литургическом вырождении и извращении церковного сознания.

И в завершение хочется обратиться к словам Господа нашего Иисуса Христа, вынесенным в эпиграф: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его...». Именно Царство Божие, явленное и ежедневно являемое в Церкви Христовой, и есть «единое на потребу», то, чем может и должен жить и исполняться каждый, кто считает себя верующим христианином. Но для того, чтобы это подлинно было и в нашей жизни, наша Церковь должна стать, долж-

на быть сама собой, то есть Церковью Христовой, или, по словам о. Александра Шмемана, общиной, «знающей свое уникальное, ни к чему в мире не сводимое назначение – быть любовью, истиной, верой и миссией», родным, отеческим домом, где мы сможем «найти саму жизнь, само счастье, саму радость, куда каждый приносит плоды своего труда и где все претворяется в праздник, свободу и полноту». Ну, а насколько это соответствует исторической реальности, пусть каждый судит сам.

Москва, 2006

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

О ТАИНСТВАХ ЦЕРКВИ

*Публикуемый текст печатается по магнитофонной записи
(с некоторыми сокращениями), сделанной во время бесед
отца Александра с прихожанами, проходивших
в домашних общениях в 70-80-е годы*

...Итак, чем отличаются наши христианские таинства от священнодействий, которые известны в других религиях?

Прежде всего надо признать, что такие священнодействия есть. Некоторые люди будут вообще их отрицать, но это было бы слишком несправедливой и мрачной точкой зрения. Мы знаем, что есть великие святые, подвижники – люди, приносящие высокий плод самоотвержения, аскетизма, мудрости и любви, – вне христианства. Можно привести примеры святых людей, как Рамакришна¹, и праведных, как Ганди, или еще кого-нибудь. И мысль о том, что есть сила, освящающая мир, присутствует во всех религиях. В частности, в индийских книгах говорится, что святым словом освящается вся земля, все, что есть в мире. Есть особые молитвы по добного рода и в исламе, и в других религиях.

«Святым Духом всяка душа живится»... И в самом деле, действие Божие в какой-то форме, умаленной или нет, присутствует в самом мироздании и в сердце человека, когда он обращен к Богу, и тем более, когда он совершает какие-то священнодействия. Измерить значимость и силу этой освящающей благодати, идущей вне Церкви, мы не можем; но что она есть, свидетельствуют даже сами термины: харис (греч.) – благодать, gratia (латин.) – милость. Эти термины Церковь взяла из языческого словаря. У греческих мистиков, греческих писателей эти слова уже присутствуют, т.е. в

¹ Великий индуистский святой (1833–1886).

дохристианском сознании есть надежда, упование, ощущение того, что Божественное ниспосылает свою силу людям.

Что же можем мы сказать о соотношении этой естественно даваемой благодати, харизматического действия в мире и таинств Церкви?

В таинствах Церкви есть освящающая благодатная сила, в чем-то, бесспорно, родственная священнодействиям, совершаемым вне Церкви, но не в этом только их сущность, их отличительная черта, их специфика. **Таинства есть продолжение Христа на земле, осуществление Его обетования «Я с вами во все дни до скончания века».** В сущности, Крещение, Евхаристия и Священство – все эти таинства означают, что Его действие не просто некая безликая сила благодатного освящения, а непосредственное действие Христово через действие Духа Божия. Истоки церковных таинств коренятся в Ветхом Завете, где еще до Боговоплощения являла себя сила Духа Божьего. Но если в Ветхом Завете священнодействия имели характер прообразов, то в христианских церковных таинствах силою Духа Божьего Церковь реально приобщается к благодати Иисуса Христа.

О Святом Духе говорили еще писатели Ветхого Завета. Многие богословы пытались определить различие между «Духом Божиим» и «Святым Духом». Говоря коротко, различие это таково: «Дух Божий» это всякое незримое действие Бога вообще, «Святой Дух» это термин, обозначающий непосредственно Третью Ипостась, личностное воздействие. Я полагаю, что это различие, хотя и очень глубокое по существу, в Писании не всегда ясно, там очень часто эти термины заменяют друг друга. Но что важно? Важно другое – что во времена земной жизни Христа каждый иудей знал о том, что Дух Божий действует и Святой Дух действует. Вспомним о том, что праведный Симеон пришел в Храм, повинаясь приказанию Духа Святого. Было ему обещано Духом Святым, – сказано там, – что он не умрет, пока не увидит Мессию. Слова «Дух Святой» впервые произнес пророк Иезекииль: руах кадош.

Почему же Христос говорит: «Я пошлю вам Утешителя»? И Он даже говорит, что «нет Того среди вас, Его, Которого Я вам пошлю; пока Я не уйду отсюда, Его не будет». Значит, речь идет о каком-то особом, специфическом, я бы сказал, таком христологическом действии Духа Божия в мире.

Больше того, можно даже рискнуть сказать, что, когда Христос является на земле, Он сам идет впереди Грядущего за Ним. «Я пришел принести огонь на землю, Я хочу, чтобы он возгорелся», – говорит Христос. Некое пламя духовного воздействия должно явиться вслед за тем, когда совершится Его кенотический, уничиженный путь по земле. «Я пошлю вам Параклета, Утешителя» (Утешителя или Заступника). Сам опекая Свою маленькую Церковь, Сам являясь ее Главой и Защитником, Он уходит и как бы объемлет Своей плотью и душой уже с этого момента все мироздание. А с Церковью как таковой, как проявлением Его воли на земле, Он оставляет Святой Дух. И мы знаем, что эти действия Святого Духа были исключительно еkkлeзиологические, т.е. действующие в Церкви.

Первое действие было в Пятидесятнице. И потом, когда читаем Деяния Апостольские, мы видим, что Он объединяет: все апостолы пребывали в Духе Божьем, Он давал им силу совершать таинства, через Дух Божий совершалось действие и путешествие Церкви по дорогам истории. А что такое распространение Церкви, – это есть продолжение пути Христа.

И таинство Евхаристии, – это включение в Его трапезу, Крещение, – это приобщение к Его благодати, Священство, – это приобщение к той власти духовной, которую Он явил на земле, к Царству Божьему, к власти Божией, которую Он передал всем верующим: «Вы царственное священство, народ святой» – вы, верующие. И при этом вы – Тело Христово, – это уже говорит нам апостол Павел. А раз тело, значит есть какие-то органы и функции. Тело структурно, поэтому в нем есть виды служения. «Не все вы апостолы, не все вы пророки и т.д.», – говорит святой Павел. Значит, есть предстоятели общин, – община должна иметь главу

внешнюю, – будь то пресвитер вначале, апостол, потом он стал называться епископом, – это неважно, это уже исторические подробности. А важно, что община была структурна, она имела свою главу и своих каких-то функциональных членов. Поэтому говорилось о том, что церкви без епископа не может быть и епископ без церкви тоже не может, – только все вместе, в сумме, они составляют продолжение дела Христова на земле.

Скажут, таинство Елеосвящения – такое вторичное таинство. Ничего подобного. Оно вторично лишь потому, что мы слабы. А на самом деле, это есть таинство исцеления. На самом деле, Христос исцелял людей потому, что Он был идеальный Человек, и, следовательно, в Нем силы были настолько великие (человек ведь так и задуман), что Он изгонял всякое несовершенство. Его исцеления были не Божественными актами, а актами человеческими; потому и святые могли исцелять, что они приближались к совершенству человеческого естества Христова. Так вот, Церкви дана власть исцелять; вспомните, что Он говорит апостолам: «идите, научите, проповедуйте – и исцеляйте», исцеляйте страждущий мир. И духовно исцеляйте, и – физически. Потому что сила Церкви есть сила Христова. Христос кто? – Целитель, Чудотворец. И Церковь есть община чудотворцев. Что мы не чудотворим – это мы виноваты, а не Церковь в высшем смысле слова. И таинство Елеосвящения – есть таинство исцеления Христова, продолжение служения Господа как Целителя, в этом таинстве заложена та власть Христова на исцеление, которая дана нам.

Таинство Исповеди называют «вторым Крещением», потому что в покаянии происходит как бы обновление человека, рождение его заново, когда он оставляет прежнее. Кто имеет власть оставлять грехи, – Христос. Вот мы сегодня читали Евангелие, – там поражались люди, когда Он говорил: «прощаются тебе грехи твои». Т.е. Божественное милосердие, Божественная благодать, *харис* примирает впавшего в грех человека с Богом, разрешает порожденную грехом трагедию и катастрофу, снимает гнев Божий, т.е. состояние напряжения между Богом и человеком, совершает некое чудо. Кто

это чудо совершает? Христос. «Тебе единому согрешил». Он прощает грехи: «иди, чадо, отпускаются тебе грехи твои», – сколько раз Он говорит это! Власть прощения грехов Христос оставляет Своей Церкви, чтобы люди всегда видели Его на земле. «И то, что вы свяжете на земле, то и будет связано на небесах».

Таким образом, наши церковные таинства есть призывания Христа и явления Христа в мире, реально приобщающие нас (Церковь) силой Духа Божьего к благодати Иисуса Христа.

Возвращаясь снова к седмичному числу, я должен подчеркнуть сакральный смысл числа семь. У пророка Исаии говорится о семи дарах Духа. И некоторые богословы так и пишут, что Дух дается семью способами. Это крайне обмирщенный способ истолкования Писания. Мы можем сказать, что у лошади четыре ноги и что у такого-то светила столько-то планет, но исчислять дары Духа мы не можем, ибо они бесчисленны, они неисчерпаемы, – и потому их семь. Потому что семь – это знак полноты, это библейский символ полноты, одна из числовых аллегорий Библии. Поэтому в Апокалипсисе является Сын Человеческий с семью звездами в руках и семь светильников стоят перед Ним. И поэтому в море благодатных даров выделяется семь в знак того, что за ними скрыта неисчерпаемая полнота.

Стремление к тому, чтобы это ограничить, вызывает самое разное отношение. Впервые ограничение церковных таинств числом семь было определено Фомой Аквином на Тридентском соборе (XII век), а затем было принято и на Востоке. Отец Сергей Булгаков называет седмичное учение о числе таинств «тридентским мифом». Потому что на Тридентском соборе было четко определено, что все эти семь таинств непосредственно проистекают от самого Христа. Но непосредственно от Христа проистекают только некоторые из таинств. А именно – Крещение; Миропомазание никак не может проистекать от Христа, потому что Он сказал, что Параклет, Утешитель явится после Его Вознесения; Евхаристия; Священство, поскольку Он дает власть апостолам: «то, что вы свяжете на земле...», «даю тебе ключи Царства», «паси агнцев Мо-

их» – значит, Он устанавливает в Своей общине какую-то функцию власти и служения; исповедь, поскольку у Христа была власть вязать и решить, и Он ее давал ученикам, то мы можем сказать, что это Христово таинство.

А остальные таинства восходят к Спасителю косвенным образом, по духу.

Елеосвящение, поскольку Христос сам исцеляет, и Церковь исцеляет, должна исцелять, то опять-таки косвенно это восходит к Нему.

Что касается таинства Брака, то Христос его не устанавливает, а освящает. Освящает то таинственное и Богом установленное, что совершается в схождении двух, – но об этом мы будем говорить, когда коснемся самого таинства. А сейчас перейдем к таинству Миропомазания.

Беседа о Миропомазании

Я уже говорил вам о явлении Духа, – Духа, действующего в Церкви. Отмечу, что действовал Дух Божий и до того, в разных формах, «глаголавшаго пророки», – т.е. Дух, Который являет Себя через откровение личное. Всякое незримое действие Божие, которое символизируется в Библии огнем, бурей, ветром, это есть действие Духа. Причем Дух в понимании Священного Писания это не есть что-то бесплотное, такое нежно-слабое (как мы говорим: человек «питается духом»), нет – Дух, на языке Библии, это сила, это мощь. Но мощь, не проявляющаяся в каком-то грубом виде, а в каких-то исключительно динамических формах: подобно огненной плазме, подобно незримому, но ломающему все ветру, подобно буре, которая прилетает неизвестно откуда. И поэтому ученикам Христовым был явлен Дух Божий в виде огненных языков, а Дух Божий на Иордане – в виде стремительно летящей птицы; это всегда движение. Дух это движение, недаром говорит апостол Иоанн... Дух это свобода. «Дух дышит, где хочет». «Дышит» Дух, –

заметьте, что это связано со словом «дыхание», так же, как в греческом языке связано со словом «пневма» (это есть и дыхание, и дух).

Церковные таинства есть знаки близости Христа к нам, они исполнены Духа, обещанного и посланного специально для утверждения Церкви. И надо сказать, что она только этим Духом и живет.

В ранней Церкви явление Духа вызывало говорение языками, «глоссологию» и другие внешние проявления экстатического состояния. (В сирийско-палестинско-греческом ареале первохристианства издавна были распространены экстатические культы.) Вскоре групповые молитвы «духом» исчезают, все эти духовные движения начинают вырождаться уже в какие-то сектантские, уходят в сторону, и Церковь постепенно отходит от этой практики.

Почему нужно было вначале такое особое действие Духа Святого, такой сильный удар, что ученики казались как пьяные, – потому что ведь это было действие Духа, рассчитанное на то, чтобы зародить и расплескать этот первоначальный взрыв на всю землю. Это был первоатом Церкви, он, конечно, должен был быть исключительно мощным. Но мало того. Этот дар Духа должен был нисходить на каждого человека отдельно, и каждый должен был переживать свою Пятидесятницу. Поэтому люди, которые крестились, также получали дар Духа Святого, который давала им Церковь, – давала через апостолов, которые возлагали на них руки, потом – через епископов. Это дает Церковь, т.е. дает Христос.

В позднейшей практике Восточной церкви Крещение и Миропомазание слились. Представьте себе условия жизни народов, где из поколения в поколение, веками люди крестили младенцев. Изменялась психология отношения к таинствам. Человек с самого начала рождался внутри церкви, внутри семьи, внутри общества христиан, жившего в лоне Церкви, поэтому испрашивать дары на этого рожденного человека нужно было сразу. Идея обращения отступала далеко на задний план, она появилась вновь в период протестантизма, когда люди стали переживать тяжелейшие духовные

кризисы (причины были различные: культурные, исторические и т.д.), когда люди падали в бездну, потом из нее вырывались через личное обращение. Средние века этого не знали, Средние века имели однородное, целостное мировоззрение, тотальную такую систему, в которой все люди жили, нация была тождественна вере. И вот человек рождался внутри – и вместе с Крещением Церковь призывала на него Дух Божий. Поэтому эти два таинства практически слились. Впоследствии протестантизм стал требовать, чтобы нисхождение Духа Божьего обязательно было психологически ощутимым. В этом есть, конечно, некоторый смысл. Есть. Но он не абсолютен. Потому что таинственное действие Духа далеко не всегда подобно огню и буре. Это действие может быть самым незаметным. И знаменитое описание в Библии Богоявления на горе Синай говорит нам о том, что Господь приходит в веянии тихого ветра, не в огне, и не в землетрясении, и не в буре. Дух приходит как веяние тихого ветра. Приходит на младенца, освящает его. Приходит Христос, Который принимает ребенка – сейчас я говорю о крещении младенцев – принимает его в лоно Своей святыни. А потом посеянное семя Духа дает свои ростки. Человек может это заглушить.

Сила Духа Божия обещана нам как дар, который помогает жить, приближаясь к Богу. Когда же речь идет о воцерковлении взрослого человека, то совсем не обязательно нам искать каких-то буйных проявлений, потому что наша вера – не вера экстатическая. Все-таки особые психологические состояния экстаза есть нечто временное, преходящее, не главное в христианстве. Тому свидетельство само Евангелие. Мы никогда не видим Христа Спасителя в состоянии восхищения, исступления, экстаза, Он всегда исключительно трезвенен и ясен. Это очень важное свидетельство. И когда апостол говорит нам о необходимости смотреть на плоды, плоды Духа, мы тогда и узнаем, что действие на нашу человеческую, тленную природу – незримое, тихое действие святыни познается по плодам. «Плод же Духа – любовь, радость, мир, долготерпение, кротость, воздержание».

Преподобный Серафим говорил, что действие Духа Божия может быть ощутимо, как бы, субъективно-психологически, но не делал это абсолютным законом. Мы все должны стремиться к тому, чтобы этот Дух, который в нас посеян, возрел. Но это вовсе не значит, что всегда мы будем переживать то, что пережил Мотовилов в тот момент, когда преподобный Серафим приоткрыл завесу... Они беседовали, как вы все помните, был снежный день, они сидели на улице; и Серафим ему сказал: «А вот что ты чувствуешь сейчас?» И вдруг Мотовилов почувствовал, что его охватило тепло, и он увидел, что лицо преподобного сияет и т. д. Это как бы приоткрылась завеса и тут же она закрылась, это было просто такое свидетельство – возможность заглянуть туда и посмотреть...

Дух действует незаметно и неявственно, а плод его показывает его силу. Подытоживая, могу сказать еще раз, что Дух это Сила. И если человек, слабый нравственно, обретает нравственную силу; если человек робкий обретает нравственное мужество; человек, не способный к молитве, обретает дар молитвы; человек, который не имеет естественных даров, вдруг их получает, – это и есть действие Духа Божия. Поэтому мы говорим «прииди и вселися в ны», т.е. это есть то самое интимное воздействие, которое вождено для каждого христианина.

И Миропомазание есть начало диалога между нами и Творцом, диалога, который может быть обозначен этими словами молитвы, «прииди и вселися в ны». Освящается тело, освящается душа и дух человека силой Духа Божия. Один проповедник нашего времени говорил: Дух Божий дает человеку силу не на необычайные вещи (вроде как говорить иными языками), а дает ему энергию, мощь исполнять то, к чему он призван сейчас. Если это мать – быть хорошей матерью, если это человек, имеющий какое-то призвание, – достойно осуществлять свое призвание, потому что без этой Силы Духа Божия мы не сможем совершить наше земное служение.

И последнее. Могущество Божие, осуществляемое в таинстве Миропомазания, это кенотическое, уменьшенное, сокровенное могущество. И открываться оно может только тогда, когда мы сами

активно пойдем навстречу этому посеянному в нас зерну, которое будет прорастать. Все есть рост, все есть становление. Недаром Господь говорит о Царстве Божьем как о дереве, выросшем из малого зерна.

Вы спрашиваете, с какого времени существует таинство Миропомазания.

С первых же апостольских времен, вслед за Крещением следовал момент нисхождения Духа. И были христиане, которые крестились, но не приняли еще Духа, это означало, что они какой-то полноты не получили. Но позднее апостольское возложение рук для сообщения крещаемым Духа Святого заменило таинство Миропомазания. Уже у ранних христианских писателей упоминается миро. Поскольку епископ был один для общины, он не мог всюду ездить и совершать крещение и миропомазание, когда многие стали креститься, — он поручал это делать священникам и давал им миро. А почему миро? Дело в том, что в средиземноморском ареале оливковое масло (елей) было символом длительности, сохранности, так как это был единственный консервирующий продукт. И при помазании царя возливалось на него из рога миро, елей; и пророк тоже был помазан и т.д. Поэтому и Христос есть Помазанник. И у раннехристианского писателя Тертуллиана в конце 2-го века есть такое сравнение, что мы, христиане, — все помазанники и нас помазывают именно так, как это было в древности. «Вышедши из купели, — говорит Тертуллиан, — мы помазываемся благовонным помазанием по древнему чину, как обыкновенно помазываемы были на священство елеем из рога. Телесное совершается на нас помазание, но духовно плодоносит». Власть епископа символизирована была тем, что он раздавал это миро священникам, как бы некое материальное такое прикосновение. Миро варят из драгоценных масел, обычно на Страстной неделе, с участием Патриарха, епископов, такой особый есть чин. А корень — в библейском символе сохранения, поэтому возливали елей на голову: миропомазание. Отсюда — Помазанник Христос, и мы все как бы помазаны Духом.

Вы спрашиваете, в какой степени Церковь участвует в таинствах.

Я, конечно, не специалист по догматическому богословию, но наиболее авторитетно и подробно об этом говорил покойный отец Николай Афанасьев, один из крупнейших экклезиологов нашего столетия, скончавшийся несколько лет тому назад. Его книги, которые называются «Служение мирян в Церкви», «Трапеза Господня» и главная книга «Церковь Духа Святого», они посвящены этим проблемам, где он с большим серьезным святоотеческим и прочим материалом в руках показывает, что Церковь это есть община посвященных Богу людей, т.е. святых, и таинства – Духом Христовым, который внутри Церкви, – совершает вся Церковь, ибо «вы род святой и царственное священство», мы все священники Богу Вышнему.

Какова же роль клирика? Она служебная. Клирики есть органы Церкви, так сказать, функционально приданные для участия в совершении таинства, – поэтому они не могут быть отрезаны, иначе это была бы уже магия.

Поэтому православные богословы справедливо возражали против так называемых «тихих месс», которые были приняты раньше у католиков. Священник служил один, сам. Я, конечно, не берусь судить, это не моего ума дело, но очевидно – такие мессы не должны быть совершаемы. В них есть некоторая порочность практическая. Правда, католические богословы возражали, что священник, совершающий мессу в одиночестве, как бы мысленно в это время считает, что присутствует здесь вся Церковь, что он предстоит и молится за всех. Конечно, можно такой аргумент принять, поэтому я думаю, что совершаемая в одиночку литургия – действительна, но все-таки в этом есть какая-то аномалия, которой следует, по-видимому, избегать.

Я думаю, это относится ко всем таинствам. В одном из церковных документов нашего века есть такая фраза, что Евхаристия совершается всеми присутствующими – руками священников.

Возникает вопрос, почему таинство совершалось через возложение рук.

Потому что руки человека являются очень важным органом, через который передаются некие силы. Не случайно, что положение рук при молитве играет роль. Не случайно, что испокон века были выработаны определенные формы сложения рук при молитве. Через руки передаются некие токи. Душевные, психические и даже мистические. Силы, неизвестные, скажем, человеку, идут тоже через руки. Христос исцелял словом. Но очень часто Он возлагал руки. Непосредственный контакт, материальное прикосновение. Человек в этот момент становится проводником Духа, проводником почти в физическом, материально осязаемом смысле слова. И поскольку речь идет не о чем-то абстрактном, а о конкретной бытийственной силе, она должна была обязательно иметь своего материального носителя. Потому что речь идет об освящении психофизического и духовного человека, а не просто о каком-то существе отвлеченном. Дух действует и на тело. Печать дара Духа Святого освящает все тело: уши, ноздри, грудь и т. д. Именно на тело апостол, пресвитер должен был возлагать руки. Через руки проходила «электрическая цепь», которая тянется через века. Тут мы уже подходим к понятию рукоположения и преемственности. В преемственности был и такой глубокий физический смысл.

Когда произошел переход от руковозложения к миропомазанию?

Когда выделились три степени священства – они выделились не сразу – епископ был один на очень большую общину. И он должен был совершить тогда миропомазание, т.е., вернее, руковозложение на сотни, а может быть и тысячи людей. Тогда священники становились его помощниками и как бы уполномоченными его власти. Но они уже не возлагали руки, а они помазывали елеем, освященным этим епископом, т.е. он как бы вручал им реальный, материальный символ его епископской власти. Так происходит и сейчас, мы едем в епархию, получаем у епископа миро и совершаем крещение и миропомазание, т.е. мы его представители. Скажем,

в Евхаристии священник выступает сам, он сам член этой общины, а здесь, поскольку миропомазание это специфически такое апостольское таинство, связанное с Пятидесятницей, – сохраняется за епископом некая такая прерогатива, а священник помазывает, использует миро, освященное епископом, призывая Дух Божий на человека: «Печать дара Духа Святого...»

Вы говорите, что крещение существовало и до Пятидесятницы...

Большинство богословов считают, что крещение, которое совершали ученики Спасителя – во время Его земной жизни, – было подготовительным крещением, не тождественным новозаветному крещению. Т.е. это было, вероятно, крещение покаяния или что-нибудь в этом роде. А крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа – только после Воскресения Христова. Заповедь «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» была дана Христом после Воскресения. Так что то раннее крещение было иное, такая посвященность. Но, во всяком случае, Крещение – древний дар Церкви, первоначальный. И Миропомазание, т.е. низведение Духа Святого, призывание Духа.

Вы говорите, а что если бы не было схождения Духа Святого...
...то не было бы Церкви. Церкви не было бы. Я вам скажу, что было бы. Несколько верующих человек, примерно в таком количестве, как мы тут сидим, так бы и жили себе в Иерусалиме, и умерли. Ну, дети бы у них тоже были, был бы крошечный орден, еще меньше, чем иудаизм, поскольку находился бы внутри иудаизма, эта горсточка людей никогда бы не стала вселенской Церковью. Только через сошествие Святого Духа Церкви была придана сила Христова. Заметьте, что апостолы ведь стали проповедовать только после Пятидесятницы, до этого они неспособны были, только свидетельствовали, но очень робко.

Это была предварительная проповедь, не о Христе, и была она только палестинская, «на путь к язычникам не ходите, в город са-

марянский не входите», это было приготовление только израильтян. И после Воскресения (до Пятидесятницы) никто из них не проповедовал, они сидели дома. И вот их Бог призвал на вселенскую проповедь.

Беседа о Евхаристии

...Первое документальное свидетельство о том, что языческий мир заметил христиан, — это письмо Плиния Младшего (61 – ок. 114 гг.) императору Траяну. Плиний очень смущен, что там, в Малой Азии, люди перестали бывать в храмах, что эта секта распространяется. Еще Плиний пишет, что, когда христиан арестовывали, допрашивали, то они говорили, что ничего против закона не делают, только собираются в день Солнечный, т.е. в воскресный день, и поют молитву Христу как Богу и совершают свой обряд. Это – хлебопреломление, евхаристия.

То есть, первое свидетельство римского писателя, историка, — который не имел отношения к Церкви, — о том, что в Церкви совершается **это**.

Так вот, в одних церквях есть органы. Вы, конечно, слышали орган. В других есть статуи. В-третьих не принято никаких изображений — ни икон, ни статуй. Там только крест. А у баптистов и креста нет. В некоторых общинах сохраняются старинные, традиционные облачения. В других они модернизированы. У третьих их вообще нет. Одни признают Предание, другие признают Отцов Церкви. Но всюду, во все времена и во всех Церквях, было Священное Писание, обязательно, и Святая Чаша, т.е. трапеза Евхаристии.

Она могла называться по-разному, сопровождаться различными обрядами, но она всюду была. Т.е. мы можем уверенно сказать, что со времен основания Церкви до сегодняшнего мгновения, по всей земле, Церкви без священной евхаристической трапезы не существует нигде.

Что Библия необходима – это понятно. В ней говорится о Христе, о том, кто пророчествовал о Нем, кто Ему предшествовал, кто Его слово и Его весть понес по миру. А вот почему таинство Евхаристии сохраняется всюду, всегда? Какое оно имеет значение?

Ну, прежде всего, вы знаете, что в Евангелии почти нет никаких заветов обрядового характера. Не сказано там: «делайте то-то и то-то», но о Евхаристии сказано твердо: «Сие творите в Мое воспоминание». Апостол Павел в одном из ранних своих посланий уже пишет, что этой Чашей мы «возвещаем смерть Христову, доколе Он придет», т.е. до конца мира. И хотя мы принимаем это как традицию Церкви, но не всегда бывает ясно, почему это именно так. Здесь важно подчеркнуть, что эта Трапеза освящает человеческий труд, человеческую жизнь – плоть мира, труд мира, радость мира, пищу, которая символизируется хлебом и вином. В нашем Средиземноморском бассейне символом пищи издревле является хлеб, пшеница и виноград, вино. Человек поддерживает свою жизнь принятием пищи, но он этим не только жизнь поддерживает, он поддерживает общение между людьми. Всегда, во все времена трапеза была формой общения людей. Таким образом, значение стола гораздо больше, чем просто место для принятия пищи, а часто он становился жертвенным столом. Почему жертвенным? В иудаизме есть обычай ставить специальную чашу для пророка Илии, который приходит. Есть обычаи оставлять бокал с вином для святого. Есть старинный обычай ставить чашу, рюмку для покойника, – когда поминают его. Так вот, здесь совершалась жертва как пир вместе с Богом. Люди как бы приглашали Его к себе на трапезу, и Он невидимо благословлял эту трапезу, и люди вместе с Ним веселились и пировали. И какая-то чаша, какая-то часть пищи Ему оставлялась, – она-то являлась жертвой. И вот, из всех существующих в человечестве обычаев, Господь избрал этот для заключения Нового Завета.

Два слова насчет Завета. Люди безрелигиозные говорят, что мы сами построим новый мир, мы сами все сделаем. Люди благочестивые, но лишенные чувства человечности говорят: «как Бог

сделает, так и ладно», и при этом опускают руки. Между тем, Священное Писание нас учит о том, что Бог участвует в жизни во взаимодействии с человеком. И поэтому в истории людей, и в истории каждого из нас, наша собственная воля играет немаловажную роль. И суть таинства в том, что Бог действует вместе с человеком, понимаете, – Он к нам приходит и одухотворяет обычное, простое, то, что считалось мирским, – Он делает это таинством.

Завет, т.е. договор, это то, что связывает человека с Богом. В Ветхом Завете кровь жертвенных животных, – которой окроплялись участники трапезы, что делало их единокровными братьями, – означала, что здесь положена в основу жизнь, право распоряжаться которой принадлежит только Богу. И постоянно все жертвоприношения напоминали о Завете, постоянно. Каждая жертва была своего рода повторением Завета; каждая Пасха ветхозаветная была актуализацией этого.

И когда Господь Иисус должен был заключить с человеческим родом Новый Завет, Он избрал именно вот эту форму, форму священной божественной трапезы, на которой присутствовали те же реалии: и агнец, и хлеб, и вино. И Он сказал: так, как вы поддерживаете свою жизнь пищей – а вот пища, она здесь: хлеб и вино – так будет все ваше бытие поддерживаться Моим сердцем. Плоть и кровь это синонимы сердца человеческого, т.е. его существа. Когда Он говорит, что вот – Моя плоть и Моя кровь, эта чаша и этот хлеб, они будут Моей плотью и кровью, Я буду присутствовать среди вас, в вас – это значит, что Он отдает Себя людям.

Не надо трактовать это натуралистически. Потому что плоть и кровь (по-еврейски басар ве-дам) это идиоматическое выражение, означающее живое существо, в данном случае, человека «из плоти и крови». Вот вам пример. Если вы помните, в Евангелии от Матфея, в главе 16-й, Христос говорит Петру: «Блажен ты, Симон, сын Ионы, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, а Отец Мой», т.е. не человек тебе открыл, а Отец.

И это главное, что есть в христианстве – Его присутствие среди нас. Не Его учение, не дело, которое... Знаете, как у нас говорят: кто-то умер, а дело его живет. (Не обязательно того человека, которого вы имеете в виду, но так говорят о многих.) А здесь нет этого «дела», потому что Христос говорит: «Я буду с вами, не Мое дело, а Я буду с вами до скончания века. Я не оставлю вас сиротами, Я остаюсь с вами».

На самом деле, акт Воскресения и Вознесения – что же тут праздновать, если Господь ушел из земли? – это праздник потому, что, уйдя из конкретной локальной местности, Он стал присутствовать всюду. Всюду. Он вошел в нашу жизнь и в ней пребывает. И знаком Его присутствия и является таинство Евхаристии.

Форма евхаристического хлеба может быть разной: круглая плоская облатка – на Западе, небольшой круглый хлеб (просфора) – на Востоке; форма и величина Чаши, или материал, из которого она изготовлена, тоже бывают различными; совершаться это может на огромном престоле или на маленьком столике, – где бы и как бы ни совершалась Трапеза Господня, это всегда творится в Церкви, и мы – на Тайной Вечери, где Христос реально присутствует.

Причащение в нашей церкви сейчас совершается торжественным образом и не всегда уже напоминает о трапезе. Потому что престол с Чашей часто стоит и высоко и далеко от молящихся. Поэтому нам особенно важно самим напоминать себе о том, что происходит. Вы должны понять одну простую вещь, на которой я хотел бы не только закончить, но сосредоточить ваше внимание. Что таинство совершает Христос – для нас очевидно. Но таинство совершает и каждый из вас; каждый – участник этого таинства. И когда священник произносит молитвы евхаристические, он ведь не говорит «я», «мне», а он говорит «мы», «нам». Таким образом, он произносит слова от вашего лица. И, на самом деле, руками его совершается то, что совершаете вы все. Вот почему в момент освящения Святых Даров мы все время пытаемся, тщетно пытаемся, установить тишину в храме, ибо в этот момент вся церковь при-

зывает Духа Божия, участвует в этом таинстве, вся церковь как бы совершает эту Встречу. Поэтому очень важно было бы, чтобы каждый из вас имел евхаристические молитвы, потому что они произносятся тихо (их называют «тайные» молитвы).

Как это получилось, я особенно не могу сейчас в это углубляться. Но, поскольку они, в общем, довольно длинные, то песнопения вытеснили их, вокальная часть растянулась, а поэтому евхаристические молитвы, которые должна повторять вся церковь, скрылись за пением, хотя, правда, мы их читаем в алтаре вслух. Когда совершается служба епископом в сослужении священников, то это все-таки немножко напоминает трапезу, потому что священники стоят вокруг престола, во главе — епископ, как было в первых христианских общинах, и епископ читает вслух анафору, все ее слушают (врата открыты) и молятся.

Понимаете, у нас немножко все сориентировано иначе. В любой храм зайдите, вы увидите там запрестольный образ, и все устремлено туда, за пределы этого престола. Но это эстетическое переосмысление. В древних храмах, даже средневековых, древнерусских храмах никакого запрестольного образа не было. Там была сень над престолом. Центр был — не окно, уходящее куда-то, неизвестно, а центр был престол, вокруг которого собирался народ Божий, и все это было таким вот хороводом вокруг, а за престолом епископ стоял, и это было как бы одно целое.

Дело в том, что иконостас появился значительно позже, и сначала там просто стояли колонны, занавеска на них была. В VII веке появились первые две иконы, потом narosли и загородили все. И царских врат вообще никаких не было.

Реформа литургическая у католиков все это вернула на свои места. Теперь у них священник служит лицом к народу, как и епископ. И часто люди собираются вокруг стола, беседуют, молятся, а потом тут же совершают литургию, все поют.

Так вот, это очень важный момент, центральный, что мы совершаем вместе все это таинство. Мы призываем Христа Спасителя. И богочеловечески соединяется наша воля и Его. Происходит

Встреча. И если ты таинство совершаешь вместе со священником, то и встречу ты переживешь как положено, как она того заслуживает. А если согласишься просто, как в театре там что-то... Мне одна верующая девушка, которая ходила в храм с матерью с детства, говорила: когда «Тебе поем», там священник сидит отдыхает, пока пропоют, — она даже не представляла, что в это время происходит в алтаре. Поскольку все у нас совершенно уже стало странным, то там, где иностранцы часто бывают, епископы разрешили служить при открытых царских вратах вообще. Как начинается литургия, они открываются и закрываются только в конце, независимо от того, имеет священник право служить без закрытия царских врат или нет. Вот так, например, в Ялте. Там много иностранцев, для них можно; а у нас врата закрываются и священнику необходимо иметь зычный голос, чтобы хоть что-то долетело, даже возгласы иногда не доходят из алтаря.

Врата стали такими, развились до таких размеров, — в процессе эволюции этого жанра церковного искусства. Но это есть догматическое нарушение, попирающее наше учение о Евхаристии. Это поругание Евхаристии! Совершенно точно. Я всегда так говорю, так и буду говорить, потому что это правда. Потому что даже слово «литургия» означает «общая молитва», вернее, «общее служение». Никакого общего служения и общей молитвы не происходит, когда там все заблокировано. Но для знающих это не может служить соблазном. Как бы ни были закрыты царские врата, у вас всегда могут быть в кармане эти молитвы, всегда можете их вынуть, читать. Но даже, если у вас их нет с собой и наизусть вы их не знаете, то можете своими словами молиться о том, что происходит в этот момент в Церкви, что вы освящаете, вы — участники этого таинства.

И тогда, как бы ни было в храме: пышно или убого, открыты ли царские врата, закрыты ли, — вы участвуете. В древней Руси в храмах царские врата были маленькие. Священник был виден и алтарь был виден. В Киевском соборе св. Владимира были сделаны такие же врата, до пояса. Но когда я был последний раз в

Киеве, я увидел, что их сняли, – несмотря на живопись Васнецова и Нестерова на них, – и навесили такие, которые закрывают все.

И если веками совершается догматическое нарушение, это не может не сказаться на качестве наших переживаний. Безусловно, сказывается... Каждая литургия в таком «исполнении», или, назовите – «оформлении», она, все-таки попирается, всегда попирается. Потому что попирается Кровь Христова. Ибо когда Господь умер, то завеса Храма разодралась, чтобы показать, что больше ничего не существует... А тут, завесу придумали, всё обратно, понимаете?.. Это обратный ход, к временам ветхозаветным, когда тайна была закрыта, Бог был сокровенный. Я понимаю эту психологию, но она же не соответствует Евангелию. Я понимаю, что народу кажется, что там все таинственно, – и все хорошо. Но Евангелие – другое! Потому и завеса разодралась. Понимаете, даже те, кто не верят, что это случилось, должны быть убеждены, что в Евангелии это описано не случайно, а как символ того, что кончился период, когда человек отделен от Бога непроходимой стеной.

Так же, как и легенда о Божьей Матери, описанная в апокрифах, которую вся церковь признает – Введение во Храм. Что младенцем Ее священник взял и повел в Святая святых, куда никто не входил. Ведь легенда возникла не случайно, а чтобы показать, что отныне нет вот этого средостения. В Иерусалимском Храме люди не молились, там находились только священники. Храмом, как местом молитвы, назывался двор. Там они стояли, толпы. А внутри были жертвенники, светильники, лампы. И потом шла стена. И за стеной было глухое темное помещение, открытое небу, куда как бы с Неба должна была сходить Божественная искра, огонь. Там стоял ковчег. Понимаете, что означало Святая святых? Что означала эта стена? Означала, что Бог непостижим, что люди не могут к Нему прикоснуться, что они отделены стеной. Только маленькая дверь, куда входил священник, и она завешена была завесой. И вот эта завеса лопнула! А раз у нас – опять завеса, опять

стена, опять дверь, – как же не переживать эту ущербность?! Мы изменить ничего не можем, едва ли можем, но мы должны понимать, что полноты переживаний здесь может и не быть. Но вы должны знать и мысленно проникать, разрывать эту завесу. Другого выхода нет.

Христос пребывает с нами незримо. Но поскольку Он является Богочеловеком, Который воплощался на земле, то Его пребывание сопровождается и зримым символом, зримым образом вот этой самой Трапезы. Поэтому Евхаристия имеет прямое отношение к Боговоплощению. Он как бы здесь воплощается вновь, с нами. Но Он воплощается уже не в человеческом облике, а вот эта Трапеза есть Плоть Его воплощения. Иначе Он с нами в Церкви был бы, так сказать, идеалистически, как Дух Божий. А Трапеза делает Его присутствие совершенно реальным. Она символизируется тем, без чего мы жить не можем: пищей и питием. И отец Александр Шмеман покойный напоминал о том, что «человек есть то, что он ест». (Есть такая пословица.)

Пища поддерживает нашу жизнь, именно поэтому, мы, когда едим вот эти все вещи [*указывает на стол*], мы причащаемся. Причащаемся хлебу. Что такое хлеб? Это растение. Растение это земля, это соки земли. Значит, мы причащаемся всей природе. Через все виды пищи мы причащаемся природе. Мы становимся соучастниками. Более того, наш организм является продуктом этого, и если его не питать, он погибнет. Значит, каждую клетку он наращивает за счет калорий и сил природы. Что может быть более прекрасным символом того, как Сила Божия действует на нас? Мы причащаемся природным вещам, а в это время посреди нас присутствует Господь, Который как бы воплощается в этом.

Тейяр де Шарден говорит о вселенском воплощении Христа – после Вознесения, – превращающем мир в «божественную среду», преображающем тварь. Тайна Вознесения связана для Тейяра де Шардена с космическим воплощением Христа. И с этого момента все мироздание стало священным.

И у него есть замечательное эссе, почти стихотворение в прозе, которое называется «Литургия над миром»². Там он оказался в пустыне, не имея возможности совершить литургии, не было у него ни хлеба, ни вина. И вот, он стоял на скале и наблюдал восход солнца над абрисом пустыни. А священный евхаристический хлеб у католиков – круглый, плоский. И подобно этой гостии восходило круглое солнце над пустыней. И тогда он записал эту «Литургию над миром». Он воспринял восход как таинство... (Я хотел, чтобы, когда я уйду, вы прочли. У вас нет текста?) Он показал, как ступени литургии соответствуют пробуждающемуся дню. Вся сила мира и все, что его наполняет, все входит сюда. Человеческий труд здесь, земля здесь, живая жизнь здесь. Все сюда вливается. Все здесь. Я думаю, что если вы прочтете, то многое станет понятным, потому что это такая поэма! И вся вселенная становится, благодаря Вознесению, огромной Святой Чашей, огромным природным резервуаром, куда Дух Божий нисходит, чтобы освящать его. Ведь это действительно так, потому что нету изолированных участков в мироздании. Если Господь воплотился в одном участке, потом Он расплескивается, как искра, как огонь, по всему мирозданию. Вот.

А сейчас я должен уже ехать, причем стремительно.

² Перевод на русский язык с французского (*La Messe sur le Monde*) был сделан в приходе о. Александра. «Вселенская литургия» (пер. З. А. Масленниковой) опубликована в кн. Пьер Тейяр де Шарден «Божественная среда», М., Ренессанс, 1992; в кн. Пьер Тейяр де Шарден «Феномен человека», М., АСТ, 2002. (Прим. ред.)

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ АНДРЕЯ И ЦЕРКОВЬ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Апостол Андрей в Евангелии

Представим на минуту одну из тех древних, сохранившихся лишь во фрагментах, мозаик, которые заполняли собой стены старинных византийских храмов. Предположим, что в одной из них неведомый мастер решил показать историю Воплощения, передав искусно высеченными камешками все содержание Евангелия. Но время оказалось немилосердным к его искусству; мозаика почти не сохранилась; после всех прошедших веков, набегов, грабежей, гонений, запустений большинство мозаичных фрагментов осыпалось и исчезло. Вглядываясь в мозаику, мы можем предположить, что в центре был выложен возвышающийся над всеми образ Христа в окружении двенадцати апостолов. Можно легко угадать стоявших рядом Петра, Иоанна, Иакова, чуть поодаль – Павла. Однако от большинства изображений осталось лишь имя, начертанное внизу, или просто след от камня, немой и одновременно откликающийся в нас эхом – житием, мученичеством, прославлением – не умолкающим в Предании.

Но вот удача! – один образ оказался неповрежденным и сохранился целиком – апостола Андрея. Он невелик, сложен лишь из немногих стихов, выложенных в камне. Или – если взять другой образ – из нескольких витражных стекол, освещенных изнутри и извне падающим на него светом *Солнца Правды* (Мал 4:2), как Писание и наша гимнография называют Спасителя. Икона как умозрение – в красках ли, камне или игре света – не бывает, разумеется, портретом. Изображение апостола передает не столько фигуру галилейского рыбака, сколько спутника Христова и благовестителя, чья роль – быть, прежде всего, устами для Вести, которая посылается через него. И все, что мы узнаем затем об Андрее из

жития – его апостольских странствиях к берегам Черного моря, «в страны Вифинийския и Пропондитския», как сказано у св. Дмитрия Ростовского, благословении будущему Киеву, а затем и мученической смерти в Патрасе – служит словно продолжением и развитием той вести. Вчитываясь в эти отрывки, попробуем выложить их, как камешки, по которым можно сложить недостающие звенья нашей мозаики. Начнем с первой главы Евангелия от Иоанна.

Один из двух, слышавших от Иоанна о Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра.

Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: «Христос».

И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит «камень» (Петр) (Ин 1:40-42).

А если и вправду иных слов, иных изображений у нас не осталось? И судить о Евангелии нам пришлось бы лишь по тому, что несет собой единственно сохранившийся образ – апостола Андрея?

Мы нашли Мессию

Мы не знаем, когда галилеянин Андрей, брат Симона, встретил Иоанна Крестителя и стал его учеником. От него будущий апостол должен был впервые услышать слова, которые станут затем Радостной Вестью: *приблизилось Царство Небесное*. Но что означало это Царство в устах Иоанна? Каким воспринималось оно сердцами его современников? Оставаясь неопишмым, невидимым, неотвратимым, оно грозно стояло перед слушателями, оно было готово миловать и принимать *в чудный свой свет*, но и судить во гневе, который, казалось, горячей темной волной стоял за спиной пророка, готовый вот-вот пролиться. *Порождения ехиднины!* – восклицал Иоанн, обращаясь к пришедшим к нему креститься фарисеям и саддукеям, – *кто внушил вам бежать от буду-*

чего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния (Мф 3:7-8). Покаяние, полное и немедленное, до сотрясения, до убеления души от греха и измены, отверзало двери того Царства Ягве, о котором говорили пророки до Иоанна. Близость, неминуемость Царства Божия была основой их проповеди. И вместе с тем Ягве уже здесь и сейчас царствует над всеми народами. *Престол Его на небесах* (Пс 10:4), Он – *великий Царь над всею землею* (Пс 46:3), Он *облечен величием*, <...> *потому вселенная тверда, не подвигнется* (Пс 92:1). Народ, избранный Им в удел, Он сделал *царством священников и народом святым* (Исх 19:6), и с этим народом Он заключил Свой Завет. Ну, а тех, кто не верен этой данной от Бога святости – а кто может сказать о себе, что верен? – Он сожжет как солому. Но все это – Закон и Пророки, наказания, посылаемые за неверность, и посещения, даруемые в награду, – лишь отблески силы и славы Его, доступные человеческому восприятию. Ибо Господь остается по ту сторону всякого Своего повеления или проявления, Он, по слову Соломона, *благоволит обитать во мгле* (3 Цар 8:12). Но из мглы Своей Господь ищет приблизиться к Своему народу, стать его Пастырем и Царем, народ же устами пророков молит о встрече с Ним. *О, если бы Ты расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего*, – восклицает Исайя (64:1). Знак *близящегося Царства* – Новый Завет, заключаемый с домом Израилевым – *вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его* (Иер 31:33), но также и суд – *Он будет судить вселенную по правде, и народы – по истине Своей* (Пс 95:13), и огонь: *Пред Ним идет огонь, и вокруг попирает врагов Его* (Пс 96:3).

Носителем такого огня и был величайший из пророков, *рожденных женами*, Иоанн Креститель. Его проповедь – о наступающем мессианском Царстве и о суде, время которого, по слову апостола Петра, должно начаться с *дома Божия* (1 Пет 4:17). Однако мы так и не знаем, открылась ли Иоанну в полной мере тайна Иисуса или он не узнал Того, Которого проповедовал? Возможно – но это лишь предположение – что, подобно великому своему предшественнику Илии на горе Хорив, Иоанн ожидал пришествия Царства в землетрясении, буре, пламени, но никак не в *веянии тихого*

ветра (3 Цар 19:12), не в заповедях блаженств. Иисус же явился не как Судия, но как Целитель душ и телес, изгонявший нечистых духов, Царство Его явило себя в сердцах людей и в делах их, прославляющих перед людьми Отца их Небесного.

Приблизилось Царство, и если его приближение не до конца разгадал Иоанн Креститель, его сумел услышать Андрей. Он – первый по времени свидетель величайшего по своему значению преломления или, если прибегнуть к евхаристическому термину, «преложения» взыскующей пророческой веры в веру апостольскую, веру, которая говорит об исполнении всех обетований Царства Ягве в явлении Иисуса из Назарета. В том *гласе хлада тонка*, в котором Иисус явил себя миру, он узнает мессианское Царство и самого Помазанника, ожидаемого столько веков. Опережая Симона, Андрей дает определение апостольской веры. *Мы нашли Мессию, что значит: Христос*. Эта формула примет свою исповедальную завершенность у Петра: *Ты, Христос, Сын Бога Живого*. Исповедание Князя апостолов более дерзновенно и развернуто, исповедание Андрея уже общинно; за себя и за брата он говорит *мы нашли* (*εὐρηκαμεν*). И, думается, следует воспринимать эти два исповедания Андрея и Симона в их единстве, возвещающем о близости Царства, о Законе и Пророках, исполнившихся в Мессии, но также и о Церкви как месте обетования и ожидания.

Однако Иисус, принимая имя Помазанника, знает, что Его помазанничество станет полным исповеданием лишь после Креста. *Тогда (Иисус) запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос* (Мф 16:20). Ему надлежит исполнить другую часть пророчества – стать страждущим Отроком Божиим, Агнцем, ведомым на заклание, *много пострадать*. Все-го этого Андрей, Петр и другие ученики в то время еще не могли ни знать, ни принять. Исповедуя апостольскую веру в пришедшего Мессию, они остаются лишь учениками. Апостолами в полном смысле их сделает сам Иисус.

Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы.

И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков (Мф 4:18-19).

Ловец человеков

Слова Иисуса осуществляются немедленно: Андрей спешит стать тем, кем он назван, и служить тому делу, к которому он призван. *Ловец* (буквально, рыболов), он «улавливает» Петра, затем Филиппа, Филипп же в свою очередь становится «ловцом» Нафанаила. «Апостольские сети» и сегодня остаются символом миссии, даром благовествования. Но в чем же секрет этой «ловли людей»? Откуда у апостолов власть над человеческими душами?

Присмотримся еще раз к призванию Андрея. Оно начинается с посещения Господа. Иоанн Креститель, *увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, ... где живешь? Говорит им: пойдите, и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот.* (Ин 1:36-39). Размышляя об этой встрече бл. Августин говорит: «Один из этих двоих был Андрей. Андрей был брат Петра, и из Евангелия мы знаем, что Господь призвал Петра и Андрея оставить их лодки, сказав: «Я сделаю вас ловцами человеков». Христос показал им, где живет, и они пошли и остались с Ним. Сколь блаженный день должны были они провести! Кто может сказать нам, что услышали они от Господа? Построим же и мы в сердце нашем тот дом, куда Господь мог бы прийти и учить нас, и остаться, чтобы беседовать с нами» (Омелия 9).

«Побыв с Иисусом и научившись всему, чему учил его Иисус, Андрей, – это говорит св. Иоанн Златоуст, – не сокрыл в себе это сокровище, но поспешил к своему брату, дабы сообщить ему о полученном богатстве. Вслушайся хорошенько в то, что он сказал: «Мы нашли Мессию, что значит Христос» (Ин 1:41)». Слова Андрея были словами того, кто с нетерпением ожидал прихода Мес-

сии, Его сошествия с небес, и того, кто был весь пронизан радостью, когда увидел Его приход, так что поспешил сообщить об этом другим» (Омелия 19 на Евангелие от Иоанна) (PG 59, 120–121).

Даже по тем немногим упоминаниям об Андрее, которые можно найти у Отцов, можно проследить внутреннюю структуру его апостольства: ожидание Господа и Царства Его вместе с Предтечей, встреча с Ним лицом к Лицу – радость открытия, твердость исповедания, затем проповедь этой услышанной и усвоенной серцем вести тем, кто в ней нуждается, тем, кто ищет услышать ее. *Вера от слышания, а слышание от слова Божия*, – говорит Павел (Рим 10:17). Вслед за Христом Апостол *отверзает им ум к уразумению Писаний* (Лк 24:45), однако Писания эти записаны не только чернилами и тростью на пергаменте или бумаге, они запечатлены голосом Христовым *на плотных скрижалях сердца* (2 Кор 3:3). Дар апостольства в том, чтобы *услышать Писания* и прочесть их внутри человека, дать ему уразуметь самого себя до конца, до последней доступной глубины в Слове Божиим, ибо только во Христе мы можем до конца познать и увидеть самого себя. Апостол никого не мог бы поймать в сети Христовы, если бы Христос неузнанным, подобно семени из притчи о сеятеле, не был «заброшен» во всякого человека.

Как происходит апостольская «ловля» мы видим по истории Нафанаила. Филипп, который был из *Вифсаиды, одного города с Андреем и Петром*, приводит ко Христу Нафанаила, знающего заранее, что из Назарета ничего доброго прийти не может. Но Христос говорит слова, которые словно пронизывают его каким-то неожиданным знанием. *Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя* (Ин 1:48). И Нафанаил не только что-то вспоминает, но прежде всего узнает себя под взглядом Бога Живого в когда-то только ему и Богу ведомом прошлом *под смоковницею*. Так происходит открывающееся только двум его участникам чудо встречи; узнавая Господа, человек заново узнает и самого себя. *И таким образом тайны сердца его обнаруживаются*, – говорит апостол Павел, – *и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: «истинно с вами Бог»* (1 Кор 14:25).

Ловец человеков подводит человека к тайнам его сердца, таинству узнавания Бога Живого, но сам не касается этих тайн, во встрече Двух не участвует. Он как бы уходит в сторону, как отстраняется Андрей, который лишь приводит кого-то, представляет, знакомит, указывает путь, а во время земной жизни Иисуса просто находится рядом с Ним. Так, увидев однажды большую толпу, собравшуюся послушать Его, и видя, что люди проголодались, Иисус говорит Филиппу-апостолу:

Где нам купить хлебов, чтобы их накормить? Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать...

Один из учеников Его, Андрей, брат Симона Петра, говорит Ему: здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества? (Ин 6:5-6,8)

Умножение хлебов, встреча с эллинами

Еще два существеннейших евангельских отрывка связаны с участием и посредничеством Андрея, и оба они касаются самой сути его апостольского служения. Речь идет об умножении хлебов и первом появлении язычников в истории Благой Вести, тех греков, которые пришли на праздник в Иерусалим и захотели увидеть Иисуса. В обоих случаях роль Андрея предельно скромна, почти неприметна; в одном из них он говорит старшему из апостолов о пище, которая нашлась у одного из мальчиков, в другом он вместе с Филиппом сообщает Иисусу о пришедших эллинах. Однако, если читать Библию испытующими глазами и влюбленным сердцем, как некогда читали ее Отцы, то и за этими двумя отрывками можно услышать то обращенное к нам иносказание, коим, если мы захотим его услышать, отмечена каждая строка Писания. Разве умножение хлебов не несет в себе пророческое видение хлеба, *спешдшего с небес*, каковым называет Себя Христос, не служит прообразом Евхаристии? Иисус насыщает пятью хлебами и двумя рыбками огромную толпу народа; после Своего Воскресения, Он будет насыщать Телом Своим одно поколение христиан за другим.

«Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш», – говорится в священнической молитве литургии Иоанна Златоуста. В исполнении этого пророчества и состоит как раз одно из апостольских призваний: совершать таинство умножения хлеба жизни, когда Христа по плоти уже нет рядом с нами, *творить в воспоминание* о Христе тем хлебом, который становится Его Телом и Его Церковью, при этом устроясь самому. Быть словом Иисуса, жестом Иисуса, вестью Иисуса, чудом, совершаемым Его руками, наконец, самым сакраментальным, таинственным Его присутствием, не заслоняя ни на краешек это присутствие собой.

Евхаристическое умножение хлебов, наряду с возвещением Слова, есть цель и внутренний смысл апостольства, обращенного прежде всего к «умножению» самого Иисуса, Его имени, Его жизни, Его дела спасения. Это «умножение» началось при жизни Спасителя, когда весть об исполнившихся пророчествах, о Мессии, пришедшем на землю, о Слове Божием, заговорившем с людьми устами Иисуса, стала быстро растекаться по земле. Греки, пришедшие на праздник в Иерусалим накануне Пасхи, *подошли к Филиппу... и просили его, говоря: господин! нам хочется видеть Иисуса. Филипп идет и говорит о том Андрею; и потом Андрей и Филипп рассказывают о том Иисусу.*

Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому (Ин 12:21-23).

Иисус знает, что Его земной путь подходит к концу. Посланный Отцом Небесным *только к погибшим овцам дома Израилева*, Мессия, о Котором говорили Закон и пророки, Он идет на Распятие, чтобы *прославиться* затем как Господь всех народов. Встреча с чужеземцами предвещает Его прославление, которое станет действием Духа Святого и делом апостолов. Им предстоит стать свидетелями новой веры, работниками и носителями пасхальной вести. Весть отныне обращена ко всем народам. Исповедание Андрея-Петра заговорит устами их далеких и неведомых потомков. Имя Христово будет услышано до краев земли.

По всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их (Рим 10:18), – как скажет апостол Павел.

И за пределами земли откликнется в Царстве Божиим.

Удел Андрея

Так начинается разделение вселенной на пределы, которые затем станут апостольскими уделами.

«Пределы земли, – читаем мы в «Истории Русской Церкви» Антона Карташева, – это только максимальное задание, цель, направление. От Иерусалима как бы мысленно проведены радиусы, и заключенные между ними секторы круга составили уделы апостольства, превышающие по своим вселенским размерам силы и срок жизни человека. Апостолы, уходя на проповедь в предназначенном каждому направлении... были посланы Духом Святым именно... в данные страны, они принципиально и духовно (а в лице своих продолжателей и преемников и конкретно) становились апостолами именно этих стран и обитающих в них народов, их небесными покровителями в истории навсегда»¹.

Согласно «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского, посещение апостолом Андреем Приднпровья и благословение им имеющего родиться через пять веков Киева, трудно рассматривать в качестве реального события, которое может быть как-то научно удостоверено, однако духовная реальность этого предания остается действенной и живой по сей день. При этом смысл самого предания может меняться со временем, повинаясь тому, что словами Апокалипсиса *Дух говорит Церквам*. Не столько прямое апостольское происхождение христианства на Руси, коим так гордились наши предки, важно для нас сегодня, сколько восприятие Русской Церкви как удела Иерусалима, исторического и небесного. В сущности, те пределы, куда Духом Святым были посланы апостолы,

¹ А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви, М., 1993, т. 1. С. 50–51.

пусть даже физически они не могли прийти до них, становились новыми провинциями Царства Божия, *приблизившегося* в покаянии, о котором возвещал Креститель, обещанного Иисусом, обретенного в мессианской вере Первозванного Андрея и брата его Петра, ставшего скалой Церкви, приоткрывающей свои тайны в видениях Иоанна. Едва ли мы решимся сказать, что наш или иной из апостольских уделов сумел до конца сохранить верность этому Царству, но от нашей неверности близость его становится не более дальней, но лишь по-человечески более трудной. Ибо, как говорит Иисус, *от дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф 11:12).

Восхищение Царства Божия проявляется как цель духовной жизни отдельного христианина и всей Церкви. Оно несет в себе как историческую, так и эсхатологическую память. Царство Божие явило себя во Христе историческом, распятом при Понтии Пилате, пославшем *ловцов человеков* пронести его по всей земле, и оно еще должно достигнуть нас в *Царстве будущего века*, в *Сыне Человеческом, грядущем на облаках небесных* (см. Мф 24:30). Однако оба эти Царства не разделены между собой так, как разделен Запад с Востоком; земной удел Спасителя не отделен от небесного и не противостоит ему — это две реальности одного и того же Царства, которое *восхищается* апостольскими усилиями, коим надлежит проложить путь этому Царству в истории, связать обе его реальности, прошлую и грядущую, в одну, которая станет неописуемым настоящим, жизнью в Боге. Апостолам (и, в силу действия Духа, также их преемникам) дано пространство, *пределы вселенной*, куда они были посланы, но им дается также и все историческое время, весь путь от одного Царства к другому, который им предстоит пройти. И не только пройти, но и пронести по нему весь свой земной удел, дабы включить его в то грядущее Царство Христово, которому не будет конца.

Так что если Русская Церковь остается мистическим уделом Андрея-апостола, то и весь исторический путь этой Церкви, от легендарного благословения I века до вхождения в Царство века грядущего, может считаться временем его апостольства, начавшегося в

Галилее, а затем и в Иерусалиме земном, и возвращающегося к Иерусалиму небесному. И в этом Новом Иерусалиме, наконец, встретятся и соединятся все апостольские уделы со всеми Церквями их. Так в Иерусалиме после Вознесения сошлись вместе ученики Христовы; *взошли в горницу*, – как говорят Деяния, – *где и пребывали Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова*.

И та горница раздвинулась *даже до края земли* (Деян 1:8,13).

Третье тысячелетие

Где она сегодня, эта апостольская горница? И что станет с ней завтра? Иногда мы так любовно, почти страстно вглядываемся в наше прошлое, в наше предание и драгоценное наследие давно минувших веков, чтобы отвести глаза от угрозы будущего. Но будущее не дает нам забыть о себе. Оно приходит, как некогда Иоанн Креститель, и говорит о суде, о покаянии, о гневе Божиим, о близящемся Царстве. Суд может явить себя в гонении, каким было в XX веке гонение Русской Церкви, или в том духовном, нравственном, культурном удушении христианства, которое уже началось. То, что называется сегодня глобализацией, если взять ее психологический, глубинный, почти интимный аспект, – это создание новой человеческой породы, породы, *не имеющей ушей слышать*, как говорит Евангелие, теряющей слух к Слову Божию, теряющей внутреннее зрение для видения Его лица.

Благодаря средствам обмена информацией, земля до самых краев лежит у нас на ладони; как говорит английская пословица, мир становится нашей устрицей (*the world is our oyster*), которую мы можем глотать. Однако та же информация может глотать и переваривать нас, делать нас своим экраном, объектом, энергоносителем. И мы, думаю, присутствуем лишь при первых родовых схватках, возвещающих о рождении мира, который оказывается как бы в полном владении человека. И в нем, этом мире, на наших глазах словно разряжается, улетучивается куда-то сам

воздух, которым дышит христианство. Те слова, которые были полны смысла для нас эти 2000 лет и по которым мы продолжаем понимать и опознавать друг друга: суд, покаяние, надежда, спасение, молитва, страх Божий, предстояние перед Господом, – как-то незаметно ссыхаются, теряют свое душевное наполнение, и потихоньку переходят в разряд почтенных, забавных, забытых, почти никому не нужных экспонатов отправленной в музей души. Что станет со всеми апостольскими уделами и нашими историческими Церквями в этом разреженном воздухе нового тысячелетия? Я не верю, что будущей истории нам больше нечего предложить, кроме скорого кроваво-огненного конца. И если сейчас мы живем во времена кризиса христианства, во времена надвигающейся массовой апостасии, пик которой еще далеко не достигнут, то за ним можно расслышать новое возвращение Благой Вести, которая будет звучать на языке не давно ушедшего, но рождающегося на наших глазах мира, будет понятна ему, будет восприниматься так, как она воспринималась два тысячелетия назад: как радостная весть о спасении. Благая Весть непременно найдет себя и в этом, как будто столь далеко от христианства существовании, сумеет обрести в нем почву под ногами, пройти по земле его *до пределов вселенной*, не в пространственном смысле, ибо для слова пространства больше нет, но в антропологическом – сумеет дойти до новых *пределов вселенной*, уместившейся в человеке.

Какой должна стать Церковь Христова, чтобы пройти этот путь, который ей предстоит? Что останется в ней, а что должно обновиться? Что из ее наследия отмечено нестираемой апостольской печатью? Задавая эти вопросы, вновь обращаюсь мысленно к Первозванному Андрею.

Евангелие от Андрея

Образ его выписан в Евангелии немногими, казалось бы случайными штрихами. Но бывает ли что случайное в Священном Писании? Штрихи эти, точные и тонкие, столь тонкие, что они ка-

жуются почти стирающимися, если взглянуть в них внимательней, создают своего рода икону апостола, источающую свет, как будто освещающий собой все недостающие звенья нашей мозаики.

Ибо то небольшое, что сказано об апостоле Андрее, позволяет не только восстановить его образ, но и как бы прочесть заново Благоую Весть только по тем немногим знакам, которые отмечают его присутствие. Всюду Андрей появляется лишь как посредник, как вестник. Он приводит брата Симона, которому надлежит стать князем апостолов, говорит Иисусу об эллинах, которые хотят Его видеть, доносит до Него слова о рыбах и хлебе, которые накормят толпу людей, и это насыщение совершится накануне Распятия, а вслед за ним – Прославления Иисуса. За всеми этими знаками угадывается *иносказание*: *ловец человеков* делает их учениками Спасителя, хлеб земной становится хлебом небесным, посредничество между Иисусом и иноплемениками делается миссией, миссия несет в себе пасхальную весть. При этом самого апостола мы почти видим; подобно первому своему учителю Иоанну, он мог сказать о себе:

Тебе расти, а мне умиляться.

По немногим камешкам мы можем восстановить всю мозаику. Все необозримое богатство Нового Завета уместается в тот пучок лучей, которые исходят от фигуры лишь одного апостола. И они высвечивают не только двухтысячелетие, оставшееся позади нас, но и то, что обещает едва занявшийся рассвет завтрашнего дня. Иоанн возвещал о суде и о Царстве, но и суд и Царство приближаются всегда, они скрыты в нашей земной истории. Суд или кризис может коснуться всего, даже и того, что мы считаем святым для себя, неотделимым от нашей веры. И все же, думая о судьбе ее в третьем тысячелетии, я часто вспоминаю слова Тейяра де Шардена: после каждого кризиса Христос возвращается обновленным. И вслед за Ним, в каждую эпоху до скончания веков будут проходить люди со словами, в которых присутствие апостола Андрея будет вновь и вновь обновляться, как обновляется икона:

Мы нашли Мессию, что значит: Христос.

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

СЕМЬЯ В ЗАМЫСЛЕ БОЖЬЕМ

Есть ли смысл в человеческой жизни? Иногда, когда нам не нравится честный ответ на этот вопрос относительно себя самих, сам вопрос кажется нам праздным. Но в жизни каждого человека обязательно наступает момент, когда без ответа на него жить дальше невозможно. Иногда мы годами мучаемся бессмысленностью бытия, мучаемся, потому что не видим смысла усилий, которых требует от нас жизнь. И тогда особенно важным оказывается для нас голос Экклезиаста. На первый взгляд Экклезиаст – скептик; что бы он ни испытывал в жизни, он ни в чем не обнаружил подлинного блага, вечного, неизменного, которое может насытить сердце человека. Он говорит, что пробовал жить в богатстве, и в бедности, и во власти, и в безызвестности, и во всем этом нет настоящего, во всем этом нет жизни. Экклезиаст говорит, что человеческое сердце нуждается в пище, но он нигде в мире эту пищу не обнаруживает; и это в самом деле так. Но среди всех разнообразных вещей, которые исследует Экклезиаст и среди которых он не находит истинного блага, называя все «погоней за ветром», есть только одна вещь, которую он считает стоящей. Он говорит: «наслаждайся жизнью с женою, которую любишь»; все остальное с его точки зрения – суета. Экклезиаст не предлагает развернутого обоснования своей позиции; это не входит в его задачи. Но в целом мире единственное, в чем он находит некоторое подобие истинного блага, – это семья, и такова позиция крайнего скептика.

* * *

Священное Писание довольно лаконично в том, что оно говорит о семье; норма здесь скорее подразумевается, чем формулируется в явном виде. Кроме того, Писание фиксирует ряд ясно различимых этапов в эволюции человеческого брака, так что мо-

ногамная семья, которую теперь принято называть традиционной, появляется в нем далеко не сразу. Тем не менее, заповеди, касающиеся семейных отношений и брачного поведения, не слишком поддаются перетолкованию: они всегда требуют абсолютной и нерушимой верности. Библейская позиция настолько определена, что обсуждать тут, собственно, нечего. Но заповеди не только регулируют поведение участников Завета: самый их смысл, по крайней мере, в Декалоге – аподиктической части Закона – дает нам возможность понять нечто важное о Том, Кто дает эти повеления. С этой точки зрения, скажем, первые заповеди, запрещающие поклонение чему бы то ни было, кроме Бога, содержат ясное откровение о единственности Творца, равно как и откровение о человеке, сотворенном для жизни перед Лицом Божиим. Заповедь, запрещающая убийство, несомненно говорит о суверенном праве Бога распоряжаться жизнью, которую Он дает людям. Нарушение этой заповеди очевидно ущемляет это право Творца. Заповеди, запрещающие насильственное присвоение чужого имущества говорят, вероятно, о желании Бога быть единственным источником существования каждого человека. Но что можно сказать о седьмой заповеди, запрещающей нарушение брачной верности? Как ни нелепо это звучит, но в современном мире с его вседозволенностью нам приходится задуматься над тем, что плохого в прелюбодеянии с точки зрения Бога и человека, и каким предстает перед нами в связи с этим замысел Бога о человеке.

Первый, лежащий на поверхности ответ на этот вопрос – верность. Верность Самого Бога, являющаяся Его неотъемлемым свойством, «чертой характера». Верность Божья проявляется в Его отношении к миру и людям, в том, что Он хранит Завет и ожидает от его участников той же верности, являющейся едва ли не главной составляющей библейской веры. Насколько можно судить по бесчисленным указаниям Священного Писания, верность необходима человеку не столько потому, что это хорошо или правильно, сколько потому, что без верности невозможно быть образом и подобием Бога. Бог призывает людей к верности Себе, к верности ближнему и дальнему. Достаточно вспомнить поразительные слова

14-го псалма: «...кто может обитать на святой горе Твоей? Тот, ... кто клянется, хотя бы злему, и не изменяет...». Необходимость быть верным в браке очевидна, таким образом, без дальнейших пояснений. Однако это не единственное основание для того, чтобы требовать от человека верности в браке.

* * *

Священное Писание многократно уподобляет Завет, который Бог заключает с людьми, брачным отношениям. Чаще всего это делается для того, чтобы мы могли представить себе, что такое предательство завета. Библейские авторы – как, например, пророк Осия, уподобляют то, что испытывает Бог, когда мы предаем Его, переживаниям человека, преданного и брошенного супругом. Само по себе это абсолютно бесценное откровение о Боге, которое с большим трудом вмещается в сознание людей. Но то, что брак является иконой Завета, весьма важно и для нашего представления о природе брака. Если считать брак сугубо посюсторонним договором, обусловленным социально и культурно, то что в нем может быть образом Завета? Если считать, что цель брака – благопристойное ограничение непобедимой сексуальности, предотвращение чрезмерного блуда и узаконенное размножение, – что за Завет может быть похож на такой функционально понятый брак? Если Завет не является путем к обожению человека, то чем он отличается от отношений язычников с их идолами? Если брак – только средство держать страсти в узде, то так ли уж он отличается от любых иных отношений? Сущностное сходство брака и Завета в том, что и то, и другое – союз, направленный на экзистенциальное единство жизни его участников. Разрушение такого союза в самом деле мучительно, как сама смерть.

* * *

На древнем Востоке было распространено мнение, что можно разводиться по любой, самой вздорной причине. Достаточно про-

сто вывести жену на улицу, дать ей «разводное письмо» и прогнать ее потому, что она надоела... И вот однажды фарисеи, считавшие, кстати, такую позицию чрезмерной, приступили к Господу Иисусу Христу и спросили Его, по всякой ли причине можно разводиться. И тогда Господь сказал им о том, что единство мужа и жены предусмотрено Богом от начала, от сотворения мира, и не может быть разрушено. «И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так» (Мф 19:3–8). Фарисеи недоумевали, потому что Закон Моисеев не отвергал возможности разрушения брака как таковой. И вот на это Господь говорит, что это не соответствует Божьему замыслу и Моисей допустил такую возможность не потому, что Бог так ему повелел, но уступая человеческому жестокосердию.

Господь Иисус говорит, что семья, будучи создана, уже никак не может быть разрушена: «что Бог соединил, того человек да не разлучает». Ученики поражаются: кто это может вынести? Если такова привязанность человека к жене своей, то, может, лучше вообще не жениться? И тогда Господь Иисус говорит им о единстве семьи, что это – дар Божий, это призвание, на которое мы можем откликнуться. Он говорит о полном единении семьи, и из Его слов следует, что для Него это основополагающий момент в бытии мира.

В самом начале Библии, где говорится о сотворении человека, сказано, что человек состоит из двух частей. В привычном для нас переводе Писания мы находим «хирургический» рассказ о том, как у мужчины изымается ребро и из него сотворяется женщина. Возникло даже такое толкование, что ребро – это единственная кость в организме, в которой нет мозга (это, кстати, не так). Но это неточности перевода. В Септуагинте стоит слово «сторона», *πλευρά* – так перевели александрийские иудеи на греческий язык.

Это далеко не только ребро; также это слово означает бок или сторону; но гораздо важнее, что это – военный термин, обозначающий фланг войска. Надо сказать, что «фланги войска» – древнее и распространенное, даже, может быть, общепринятое иудейское толкование. Итак, разделяя человека на два фланга, Бог разделяет его на две совершенно различные части, очень нужные друг другу и взаимодополняющие.

* * *

Бог сказал: «Сотворим их, мужчину и женщину, по образу и подобию Нашему». «По образу и подобию» означает, что Он творит человека в чем-то похожим на Самого Бога. В чем же заключается эта похожесть, это богоподобие в человеке? Самое невероятное и поразительное в Откровении о Боге, что никогда никем не могло быть выдуманно, – это, конечно то, что Бог – Троица. Он Один, но Его Трое. Это парадоксальное, не поддающееся рационализации Откровение о Едином Боге в Трех разных Лицах. С древности христиане, принимая эту тайну, пытаются все же объяснить, что это значит. Уместность и удачность этих попыток выходят за рамки нашего обсуждения, более того – нам важно помнить, что объяснить (и, следовательно, рационально сформулировать) тайну Троицы в принципе невозможно. Для нас в данном случае важны некоторые следствия из этого Откровения.

Троичность Бога означает, в частности, что Бог может быть сосудом любви и притом сосудом неисчерпаемым. Любовь и жизнь могут существовать в Боге независимо ни от чего. Может быть, поэтому Бог – Творец, создающий мир не потому, что это Ему зачем-то надо, не руководствуясь желаниями и потребностями, а от полноты Своего бытия. Ведь на самом деле Бог вполне самодостаточен, Он ни в чем не нуждается: полнота любви и жизни есть в Нем Самом. И это – жизнь, отданная Другому. Отец отдает свою жизнь Сыну, Сын отдает Отцу, и это происходит в Духе Святом. Для человеческого разума это непостижимо, и не будем в это углубляться.

Но если Бог сотворил человека по Своему образу, то, надо полагать, такая искра любви может пребывать и в самом человеке, между мужчиной и женщиной, как между двумя электродами. Человек, состоящий из мужчины и женщины, является иконой, образом Троицы, не по своей структуре, а потому, что семья – это вместилище любви, в которой можно пребывать.

Мы в силу разных причин думаем, что цель человечества – преобразовывать мир, переделывать: у белки хвост надо сделать короче, океаны надо сделать преснее, одним словом, «нечего ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». На самом деле главная задача человека в мире – пребывание; мы призваны пребывать вместилищем любви, быть образом Божиим на земле и в любви нести ответственность за мир, стоя перед Богом.

Как только мы пытаемся переделывать не себя, а другого, сразу наступает катастрофа, так как это не входит в наши человеческие задачи. Только Богу известно и подвластно человеческое сердце. И когда мы находим в себе достаточно смирения, чтобы просто быть рядом, пребывать, то совершается удивительная тайна Божественного Присутствия. Хотя Бог сотворил человека мужчиной и женщиной, в семье всегда бывает трое, всегда присутствует Бог. И это в ней, конечно, самое удивительное.

Господь Иисус Христос сказал: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20). Он обещал, что если мы вместе не ради себя, своих задач, идей, интересов, а ради Бога, Он будет посреди нас. С не меньшей полнотой, чем к Церкви, это относится и к семье: если мы не изгоняем Христа, семья становится местом Его присутствия. И это оказывается самым главным, что вообще есть в мире, ведь только присутствие Любви Божьей, все созидающей и все поддерживающей, придает миру прочность и ценность. Вот какое место занимает человек и семья, в частности, в Божьем замысле о мире.

* * *

Однажды ученики Христа ночью отплыли в лодке от берега, а Иисус был на берегу. И когда они были на середине озера, Он приблизился к ним по воде. Апостол Петр в полном потрясении сказал тогда: «Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде!» Когда же Господь сказал ему: «Иди», Петр встал, перешагнул через борт лодки, ступил на воду и пошел. И он, Петр, идет по воде! Вот что такое вера. Петр смотрит на Иисуса и идет. Хотя он не воплотившийся сын Божий, а простой рыбак с грубыми руками, средних лет, с довольно простыми представлениями о жизни, с темпераментной натурой. Пока он смотрит на Иисуса, он идет по водам; как только он взглянул на волны, он пришел в ужас и стал тонуть. Такова и жизнь в вере. И, я думаю, такова жизнь в семье; семья – это место, где приходится ходить по водам. Жизнь в семье прекрасна и трудна, и без элементарного доверия прожить в ней невозможно. Поэтому семья для человека – это школа доверия.

Речь идет не о том, чтобы воспитывать доверие в другом человеке. В школе Господа Иисуса ты учишь самого себя. Не то важно, доверяет ли мне другой. Моя ответственность перед Богом – самому научиться доверять. Человек состоит из разных, физически разных людей, ничем не скрепленных, ведь в любой момент один из них может взять и отойти, уйти вовсе. Вот такой, существующий в свободе и доверии хрупкий сосуд и является Присутствием Божьим. И именно здесь рождается новая жизнь.

* * *

Человек появляется на земле в самом конце истории мира. До этого, как пишет Библия, происходят очень длинные и сложные процессы. Материя собирается под твердью небесной, появляется звездная пыль, планетные системы, потом на Земле появляются примитивные существа, потом всякие крокодилы с птицами, и только потом – человек. Но, уже создавая первых животных, Бог имел в виду, что Он создаст существо, которым будет человек, ко-

торое будет состоять из мужчины и женщины, и которое должно будет быть способным давать жизнь. Не случайно так получилось, что половое размножение оказалось одной из «опций» праха земного, из которого Бог творит человека. Нет, с самого начала было задумано, что в человеке должно быть единство разных существ, а эти существа должны быть источником жизни в биологическом отношении и в Духе.

У некоторых глубоководных рыб, живущих буквально во мраке бездны, самцы паразитируют на своих жутковатых с виду самках. Лишенные большей части внутренних органов, не исключая даже и мозга, они сразу после выклева из икры прирастают к самкам, и так и остаются навсегда крохотным довеском, функция которого заключается только в оплодотворении. Все знают, что лебедь инстинктивно создает пару один раз и на всю жизнь. У лебедей абсолютно нет проблемы развода, как нет и свободы выбора. Но не из лебедей сотворяется человек: Бог избрал немощное этого мира, чтобы посрамить сильных. Мы по сравнению с лебедями, в этом отношении, конечно, немощны. Быть вместе для нас не непреодолимый инстинкт, а труд. Мы любим властвовать, и это, похоже, наследие приматов, нашего праха земного. И нам приходится это преодолевать. Это все естественно; однако мы призваны жить сверхъестественным, и это возможно. Сила Духа Святого может входить в нас, в семью, и созидать наше единство; Бог хочет, чтобы главными были Дух и послушная Ему свободная воля человека, а не желудок или еще ниже расположенные в человеке части тела. Если мы отказываемся вести эту битву с собой за единство с другим, – значит, мы дезертируем!

В ночь перед казнью на последней вечере с учениками Господь Иисус молится о них. Евангелист Иоанн пишет, что Иисус обращается к Отцу и говорит: «Да будут все едино, как ты, Отче, во Мне, так и они да будут в Нас едино». Он просит для нас единства, которое есть между Отцом и Сыном, которое имеет такую степень полноты, что мы обращаемся к Троице как к Одному Богу. Христос говорит: «Мое – Твое, а Твое – Мое». И Они действительно принадлежат друг другу и отдают друг другу Свою Жизнь. Вот

о таком единстве Господь Иисус молится на последней вечере. Таково призвание человека, который является иконой Троицы, который призван на земле являть это единство.

* * *

Много раз Господь говорит о том, что мы призваны прощать и любить. «Какая награда вам, если вы будете любить таких же, как вы, не **то же** ли самое делают язычники?» Когда мы любим другого, не такого, как мы, иногда он кажется нам врагом. При соприкосновении с близким человеком возникают раны, кровотечения в течение всей жизни. Но если бы мы были одинаковыми, у нас не было бы возможности научиться любить, и тогда невозможно было бы вторжение Духа Святого в нашу жизнь. Я говорю – «вторжение», потому что сам Господь говорит о битве и победе Бога над злом; в этом мире семья – это плацдарм Святого Духа. Плацдарм – это место, где можно укрепиться для последнего, решающего броска. Семья – плацдарм, где мы можем Богу открываться. Когда мы предоставляем Богу возможность действовать на этом плацдарме, становится возможной победа Бога над нашей мертвостью.

В нашей сегодняшней жизни мы проявляем стремление к унификации (единомыслию). Мы стараемся быть одинаковыми, боимся своей уникальности, хотя и очень по ней скорбим, настаиваем на том, чтобы другие считали нас уникальными, а сами хотим быть как все. На самом деле различие – это очень ценная вещь и, чтобы быть цельной личностью, нам надо научиться эти различия ценить; дорожить тем, что другой человек – другой, не как я. Мужчина – существо довольно примитивное, но зато он способен принимать решения, апеллируя только к голым фактам, абстрагируясь от всех остальных обстоятельств, и эти решения претворять в жизнь, при этом ничего «тонкого» не чувствуя, не слыша, не понимая. Женщина, наоборот, все чувствует и учитывает, но сделать из этого вывод и толком реализовать все это она не в состоянии. Мы действительно дополняем друг друга. Только семья,

состоящая из мужчины и женщины, в состоянии: а) понять, что Бог от нас чего-то ждет, б) сделать из этого выводы, в) реализовать. Мужчину без женщины уводят в сторону обезьяньи инстинкты, а женщина без мужчины, как без рук. Поэтому только вместе можно реализовать полноту человеческого бытия.

* * *

Еще одна очень важная деталь. Апостол Павел писал, сидя в Риме в тюрьме: различие свойств мужчины и женщины должно быть выражено и в различии их функций в семье – ответственности и послушании. В жизни часто бывает так, что ответственность мы, как правило, приписываем себе (это не значит, что мы ее реально несем), а послушание стараемся на кого-то навесить. Но никто не имеет права нарушать чужую свободу, потому что ее даровал Сам Бог. Есть послушание, а есть требование послушания. Первое – прекрасно, второе – ужасно. Есть ответственность, а есть перекалывание ответственности. Первое прекрасно, второе отвратительно. И точно так же, как мы обращаемся друг с другом, так мы относимся и к Богу. Мы (и мужчины, и женщины) требуем от другого человека, чтобы он отвечал, принимал решения, нес пагубные последствия от принятого решения; так же мы ропщем и против Бога, считая, что Он нас сотворил и бросил, и не несет ответственности за нашу жизнь.

Друзья Иова, утешая его, говорят: «Ты не расстраивайся, ты страдаешь, потому что Бог хочет тебя исправить». Это такая дарвинистская позиция, естественный отбор – гибель неправильных и выживание правильных. Нам часто хочется, чтобы «как только мы – в сторону, – Бог нам сразу в ухо». И мы сразу выправимся и будем хорошими. Сами при этом ни за что не отвечаем. Но Бог так не делает никогда. Поэтому нам так трудно жить, поэтому мы тонем в море собственного неверия и грехов, так как Бог приходит только тогда, когда Его зовут. Иисус сказал: «Вот, стою у двери и стучу, кто Мне откроет двери, к тому войду». Это пугающие слова, ведь они означают, что если ты не откроешь двери, Он не вой-

дет. Бог приходит только туда, куда Его зовут, куда Его впускают. Если Он сотворил нас так, чтобы мы были Его образом и Его подобием и в отношениях друг с другом, это означает: мы призваны так себя вести, чтобы не нарушать чужую свободу. Это требует доверия к другому человеку.

В самом деле, в современной жизни часто бывает невозможно определить в семье, где ответственность, а где послушание, и потому не удастся увидеть важность разных функций. Научиться это видеть – и значит жить в единстве. Только в семье и в Церкви Бог дает нам быть едиными, быть вместе, быть одним сердцем; Он Сам сказал о семье: «Да будут двое в плоть едину». В этом единстве послушание обретает удивительный смысл: как Иисус слушается Отца потому, что Ему это нужно, а не потому, что Отец этого требует или ждет, – так же может быть в семье, где сочетаются ответственность и послушание.

* * *

Из-за наших грехов жизнь наша состоит из взлетов и падений. И побыв по-настоящему вместе, пережив это чудо единства – мы пытаемся часто отдохнуть от такой высоты, от такой близости Бога.

Мы любим концентрироваться на том, что плохо в наших отношениях, что плохо в другом человеке. Если вспыхивает конфликт, то можем месяцами не разговаривать. Слова Иисуса «прощайте и вы будете прощены» куда-то вылетают из головы, раздор пережевывается без конца...

На юге Италии в середине XX в. жил знаменитый подвижник, отец Пио ди Пьетрельчина; однажды к нему пришел человек просить благословения на развод и очень долго перечислял недостатки своей жены. Отец Пио ему сказал: «Сейчас я тебя не могу благословить. Ты назвал много недостатков твоей жены; если ты найдешь у нее хотя бы два достоинства, я тебя благословлю на развод». Тот человек пришел к нему через неделю и говорит: «Я смог найти у моей жены не два, а только одно достоинство. Но я решил не разводиться».

Когда в наших отношениях все хорошо, это всегда воспринимается как должное, как будто мы в раю живем. Но мы пока живем в совсем другом месте. И когда в этот ад вторгается свет Любви Христовой – это чудо, это праздник! Это надо ценить. Это вообще проблема нашего отношения к миру. Мы думаем, что Евхаристия, Благодарение – это просто. Но все мы знаем, что первые годы в Церкви надо учиться благодарить. Это очень целительно. Конечно, мир, в котором мы находимся, ужасен. Но когда мы думаем, что же в нем хорошего, и научаемся находить это хорошее в жизни, мир начинает сверкать разными красками. Оказывается, он полярный; есть чудовищное, что происходит от нас, и есть прекрасное, что происходит от Бога.

Точно так же и в семейной жизни. Если мы концентрируемся на конфликтах, тогда жить невозможно. Но семья – это место Царства Божьего, куда это Царство может приходить. Когда нет сил и желания быть вместе, мы клеветаем на Бога, что Он не дает нам благодать, – нет, дает! Просто мы не на то смотрим. Вот как Петр, пока он смотрит на Иисуса – он идет, как только не на Него – начинает тонуть. Когда мы научаемся ценить присутствие Бога в семье, мы становимся гражданами Царства Небесного. Поэтому семья – школа Царства Божьего. Только если ты научишься быть вместе с тем, кого Бог дал тебе полюбить, – ты сможешь принять всех остальных.

* * *

Оказавшись в Царстве Небесном, мы увидим вокруг себя множество людей и множество ангелов. Большую часть этих людей мы там совершенно не ожидали бы увидеть, а они там будут, и их надо будет принять. Поэтому Иисус говорит: «Научитесь прощать, научитесь отдавать». Блаженной отдавать, чем брать. Научитесь этому сейчас, потому что, если мы этому не научимся, то когда попадем в Царство, мы не сможем там быть, – вот в чем дело. И семья – это место, где мы учимся жить в Царстве Небесном.

Но, к сожалению, мы вместо этого пытаемся научиться жить в аду. На это не стоит тратить времени. Мы часто ждем от человека чего-то грандиозного, ну, к примеру, «звезду с неба достать», и все будет хорошо. Но любовь проявляется в очень простых вещах, совершенно на любовь не похожих. Любовь Бога к нам проявилась в позорной унижительной смерти Иисуса на кресте. Там Ему советуют: «Сойди с креста, и мы Тебе поверим, что Ты Сын Божий, соверши чудо!» А чудо проявляется в том, что Он умирает, только бы не нарушить нашу свободу, умирает, только бы разделить полностью человеческого страдания, смерти и разрушения. Когда ты прощаешь и прощаешь, когда больно, – это крест в миниатюре. Как апостол Павел говорит: «Я восполняю в моей плоти недостаток Страстей Христовых».

Христос обещал нам: «Когда тебе будет больно – Я буду с тобой». И Он пребывает с нами. Путь любви – совсем не грандиозный, не величественный. Он проявляется в терпении. Бог проявляется, когда ты уступаешь в мелочах, совсем чуть-чуть, совсем немножечко. Это надо научиться делать.

* * *

Царство Божье – это место, где тебе интересен Бог. В тот момент, когда ты думаешь, что тебе нужен Бог, – это и есть Царство Божье. Точно так же в семье. Когда другой человек интересен тебе не тем, что ты можешь от него получить, а тем, что он сам по себе «другой» человек, – это источник радости, вечный источник чего-то нового. Вечная Жизнь в Царстве – это постоянно все новое, это постоянная встреча с Богом, Который всегда новый. И поэтому в конце Библии Бог нам говорит: «Творю все новое».

Отблеск этой новизны Бог дает нам в семье, когда нам интересен сам человек. Мы каждый день узнаем о нем что-то новое, оставаясь со всем багажом, который у нас есть, со всем пережитым. Я подозреваю, что опыт страдания, который дается в семье, – тоже является бесценным багажом. Семья – это не состояние, это путь, по которому мы призваны двигаться.

* * *

Замысел Бога о человеке в том, чтобы мы были вместе, чтобы учились отдавать свою жизнь полностью, как отдал ее Иисус. «Любите друг друга, как Я возлюбил вас», до последней капли крови. К этому призваны и мы уже сейчас. Самое главное, что роднит семью с Церковью, – Царство Божье. Если Царство Божье представлять себе как отдаленную перспективу, то не хватит никаких сил дождаться. Наше призвание – через пространство, через время протягивать руку и принимать пищу грядущего Царства Божьего. А пища Царства – это Плоть и Кровь Христа, Которой Он питает нас, и возможность бескорыстной любви, которую Он дает нам в первую очередь в семье. Это пища будущего века. Это явление Царства Божьего в нашей жизни сегодня.

И это наша главная работа. Царство Божье не приходит само собой, мы призваны трудиться, чтобы, когда Оно наступит, мы могли бы сказать: «Этот день мы приближали, как могли».

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

ТАИНСТВО МИРОТВОРЕНИЯ

У каждого человека, живущего в этом мире, есть определенный опыт зла, который человеком проживается как страдание.

Евангелист Иоанн Богослов говорит, что мир во зле лежит. Это христианское откровение отличается от восточного видения, суть которого в том, что материальный мир есть зло.

Если восточный человек просто принимает как данность то, что этот мир есть зло и единственное, что человек может делать – убежать от этого мира, т.е. идти в некую недостижимую для понимания сферу бытия, где эти страдания и зло уже его не затрагивают, то христианин, наоборот, призван на определенное служение в этом мире.

Он понимает, что хотя мир и во зле лежит, но в своей основе он есть мир Божий. Христианин призван вырабатывать свое отношение к происходящему в мире, он не может не видеть зла. Зло есть в мире, и ему надо как-то противостоять.

Попытку противостоять злу для того, чтобы оно не становилось беспредельным, а имело какие-то свои границы, делает и государство. Оно старается эти границы положить.

Но в государстве имеется такой изъян: принцип подавления и принцип репрессий, которые лежат в основе государства, и принцип страха человека перед наказанием, перед смертью, не изменяют жизнь к лучшему. Эти принципы могут ограничивать зло, но не могут искоренить его.

Мы знаем из истории, что государство с его механизмами борьбы со злом не раз само становилось воплощением зла.

Иисус Христос, когда приходит в этот мир, принимает его. Он берет на Себя давление всего зла в мире. Он соприкасается со злом во всех проявлениях, какие только возможны: непонимание, ненависть, предательство учеников, несправедливый приговор, мучения перед смертью и, в конце концов, позорная и как бы личность уничтожающая смерть на кресте.

Нас удивляет отношение Иисуса ко злу: «Вы слышали, что сказано: «любите ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:43-48).

Прозрение, которое дает Христос на природу зла, таково: за всеми человеческими проявлениями зла стоит некая духовная сила, которую в Библии называют сатаной и дьяволом, т.е. противником Бога, той силой, которая расчленяет, которая хочет разрушить, разделить, превратить в ничто дело Божие и сам Божий мир.

Действие этой силы проявляется так, что она старается ранить человека и спровоцировать его на то, чтобы энергия зла возросла в этом мире. Зло имеет волевое и энергетическое начала. Волевое начало состоит в том, что человек может выбрать зло, но может и покаяться, и тем самым отвергнуть зло. Однако совершенное им зло уже выпущено в мир, энергия этого зла продолжает действовать в нем, и вопрос всякий раз в том, кто и как сможет остановить это зло.

Если человек следует принципу беспредельной мести, которую видим, например, в образе Ламеха в Ветхом Завете, или если даже он дозирует мщение – «око за око, зуб за зуб», то все равно тяжесть этой духовной энергии, которая изливается в мир, умножается.

Эта сила способна вдохновлять людей на новое зло, она стремится к воплощению, так что могут возникать целые институты, социальные движения и идеологические системы, которые будут являть собой зло.

И вот Христос показывает, что есть только один способ не умножать зло и противостоять разгулу зла в мире – человек должен принять удар на себя или как бы вобрать это зло в себя и совершить что-то внутри своего сердца. Это и есть тот престол, на котором совершается великое таинство – таинство миротворения.

Таинство миротворения не бывает без жертвы, без страдания, без крови – человек должен вольно принять страдания, боль и пропустить их через себя, чтобы родился мир души. Но совершение всякого таинства невозможно чисто человеческими силами, потому что по-человечески на боль хочется ответить либо бегством, либо злом. И даже если во мне имеется добрая воля любить, то без Христа она может превратиться в ненависть. Таинство миротворения возможно совершить только вместе со Христом.

Мир, лежащий во зле, есть творение Божие. Это значит, что зло само по себе не имеет бытия. Все бытие, которое заражено злом, в духовном плане может быть исцелено и приведено обратно в добро, в состояние доброты.

Есть народная притча. Является перед подвижником бес, огромный, и говорит:

– Я тебя сейчас могу проглотить.

– Это не великое дело, – говорит ему подвижник.

Тщеславный бес спрашивает:

– А что великое дело?

– Можешь ты в скорлупу ореха залезть? – говорит подвижник.

– Конечно, могу!

Бес влезает в скорлупу ореха, и подвижник закрывает скорлупу. Через некоторое время бес говорит:

– Ну, теперь выпускай!

– Я тебя выпущу только тогда, – говорит подвижник, – когда ты вспомнишь ту песнь, которую у престола Божия пел.

Бес визжит, скрежещет зубами, но все же потом начинает петь ангельскую песнь. Когда подвижник открывает скорлупу, то уже ангел отправляется на небо.

Каков смысл принятия зла на себя? Зло нужно внутренне, духовно преобразить.

С другой стороны, Христос всегда зло обличал. Христиане должны принять на себя эту смелость обличать зло, обличать все яснее и яснее, глубже и глубже осознавать корни зла, а не просто клеймить и проклинать зло.

Но и одного обличения недостаточно.

Надо трезво сознавать, как побеждали зло первые христиане: стойкостью, молитвой и словом, которое рождалось от Духа Святого. Таким же образом проходили свой подвиг противления злу многие мученики после революции в России.

Самое важное здесь то, что в молитве открывается любовь, плод любви – прощение, а плод прощения – мир.

Этот духовный труд, который человек продельывает – молитвой и любовью, вне противления злу, – в христианской традиции и называется миротворчеством.

Христос о миротворчестве говорит глубокие слова – «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9).

Христианство признает некое насилие над злом, но в плане внутреннем, в прогнании зла от своего сердца, чтобы самому не стать носителем зла. В этом христианство бескомпромиссно и жестко: со злом внутри не может быть никакого компромисса, оно должно быть вытравлено, изгнано из человека.

Псалом¹ говорит о младенцах Вавилона, которые должны быть разбиты о камень. Духовно это означает, что все злые помыслы, все страсти должны быть жесточайшим образом уничтожены в самом их начале. Без этого человек не сможет обрести мир в себе и принести его другим.

Только в той мере, в какой ему удастся стяжать благодать Святого Духа, Духа мирного, он становится способным **быть** и творить мир.

В православной аскетике есть изречение «Стяжи Духа Святого, и возле тебя спасутся тысячи».

Это происходит не так, что человек должен что-то говорить или как-то убеждать, но самое присутствие Святого Духа действует на людей, и зло удаляется от них.

¹ Пс 136:9

В присутствии святости и Духа Святого человек может покаяться и увидеть свою неправоту.

На святого Стефана Пермского, который научился местному наречию для того, чтобы веру Христову принести этому народу, восстали жрецы, хотели остановить его проповедь, и трое из них пришли, чтобы убить его. Но они вернулись, не тронув его. Когда их спросили, почему они не уничтожили этого человека, они сказали: «Мы не могли этого сделать. Он нас встретил с такой любовью, что мы пали на колени и попросили его благословения».

Мой знакомый рассказывал, как он поссорился со своим отцом, который был деспотичным человеком. Они долго спорили.

– Замолчи, – крикнул ему отец.

– Ты мне всю жизнь рот затыкал. Молчать не буду, – ответил сын.

Тогда отец взял пустую бутылку и ударил его так, что она вдребезги разбилась.

«В этот момент, – вспоминал мой собеседник, – со мной случилось что-то необъяснимое. Я схватил его, ударил, он упал на пол, а я его колотил. В один момент я взял его за плечи и сказал:

– Мне тебя убить?

Он ответил:

– А как хочешь, сынок.

И мои руки опустились. Если бы я не почувствовал то, что это действительно беспомощный человек и не услышал его голоса, я бы убил его. Потом никогда не простил бы себе, но в тот момент вспышки гнева я был как безрассудный, ярость поглотила все мое существо».

Что остановило руку сына? Вот это – «Как хочешь, сынок». Отец не сказал ему «сын», а ласковое «сынок», и это слово было услышано не только ухом, а сердцем. «Отец меня любит, несмотря на свою жестокость». В одно мгновение он освободился от ярости. Любовь победила зло.

Милосердие Божие, сначала втайне, а потом явно, приходит к нам, чтобы сотворить с нами то, что мы сами желаем сотворить всем сердцем, всей душой, но не можем.

Чтобы жить, нужно нравственно умиротвориться, ибо мы и в природе видим, что пышный расцвет является следствием тихой и ясной погоды, а не ветра и бури.

Нужно учиться твердо, спокойно и кротно принимать удары зла, не озлобляясь самому, но и не поступаясь ни йотой правды. Каждый, кто хочет идти к добру, не может миновать крестного пути. И мы должны идти по этому пути. Всегда бороться за человека и бороться против зла в нем и вокруг него. Иногда мы поступаем иначе – настроены против человека, играем со злом, оставляем ему место в себе. Но важно развить в себе способность обличать зло и грех по-христиански и никогда не утрачивать этой способности.

Ко Христу в Гефсиманском саду приближаются люди, которые были посланы, чтобы схватить Его. Когда Он говорит: «Азь есмь», они падают ниц. Если бы Христос им не позволил, не дал возможности приблизиться, зло не могло бы прикоснуться к Нему. Только когда Он Своей волей принял крест человечества и страдания, зло, казалось бы, получило власть. Христос это делает добровольно, чтобы победить зло и смерть не силою, а смирением и преданием всего Богу.

Вершина миротворчества совершается на кресте, когда Иисус прощает Своих мучителей и, умирая, говорит «свершилось». Тем самым Он показал крестный путь добра.

Чтобы победить большое зло, надо сначала победить малое. Христос говорит: тот, кто будет верен в малом, тот будет верен в большом.

Что есть малое и большое зло?

Многие христианские подвижники древности говорили: «Тебя гонят – ты не гони, тебя бьют – ты не бей». Зло, которое нападает на нас, – малое зло. Зло, которое исходит из нашего сердца, – большое зло.

Существует духовный закон: Господь никогда не дает человеку испытания больше той меры, какую он может понести. Раньше, чем человек не научится побеждать малое зло, он не может духовно противостоять большому. Если человек не будет бороться с малым злом в себе, то он окажется во власти большого зла. Не в том

плане, что с ним что-то произойдет. Он сам, того не ведая, может стать творителем большего зла.

Когда мы малое зло с помощью Бога побеждаем, то обретаем большую свободу, и Господь вводит нас в уже большую меру служения.

Опыт церковной истории показывает: когда мы не соблюдаем Христову заповедь и начинаем со злом бороться при помощи зла, то это зло проникает в нас и мы сами становимся его носителями.

Мы знаем о борьбе со старообрядцами. Те люди, которые благословляли пытать их, уничтожать, думали, что ревнуют по Богу.

Когда человек заражается злом, грехом, то разрушается не только его духовный строй, но нарушается и его душевное устройство, страдает и его плоть, т.е. он весь попадает под власть зла, испытывает какое-то непрестанное горение, но оно не радостное, а утомляющее и истощающее, оно как голод, как жажда, которые нельзя утолить. Зло само по себе таково, что его никогда нельзя насытить.

Образы адского состояния, которые дает Христос, известны людям, которые попали под власть такого зла и стали его служителями.

Попадая во власть зла, человек проходит три ступени падения. Первая ступень. Человек творит зло и мучается, потом кается.

Вторая ступень. Человек начинает испытывать некую радость от зла, от того, что может доставлять страдания другому человеку. Он радуется как бы своей власти.

Третья ступень. Зло становится внутренней потребностью человека, он совершает зло уже чуть ли не в виде религиозного акта. Небытие, смерть, зло, страдание, абсурд – все это неудержимо влечет его к себе. В служении злу он может стать своего рода аскетом, аскетом тьмы.

Человек ни при каких обстоятельствах не имеет права пропускать зло через себя. На мне оно должно остановиться. Это и есть непримиримое отношение ко злу. Парадоксальная диалектика: непримиримость рождает мир. Мир состоит в том, что я не пустил зло дальше. Я сам не смогу справиться, но Христос, Который во мне, остановит и поглотит это зло. Я не должен его пускать через

себя дальше на ближних и дальних, на родных и чужих, на любимых и нелюбимых.

В этом принципиально отличается Ветхий Завет от Нового. Ветхий Завет знает об этой страшной силе зла, знает, что зло, грех заразны. Это знает и Новый Завет. Распространение зла подобно эпидемии, и самому человеку нет возможности остановить ее. Закон может только оградить зло, но не может уничтожить его. Ветхозаветный закон непримирим ко греху настолько, что в своей непримиримости нередко впадал в слепоту: он был готов уничтожить грех вместе с грешником.

Христос же являет совсем иную парадигму – мирного и непримиримого отношения ко злу: грех ненавидь, а грешника люби.

С грехом нельзя примиряться, грех надо ненавидеть, грешника надо любить и стараться быть с ним в мире, потому что все мы грешники и от них первый «есмь азъ». Христос нас принимает, и потому нет оснований соседа не принимать, ближнего не принимать, он ничем не хуже меня. Христос тоже его любит.

Особое коварство зла в том, что оно часто приходит к нам через самых ближних. Вот один из ближайших учеников Иисуса – Иуда, и через него войдет зло. И к Моисею идет зло через самых ближних. Удивительно поведение Моисея. Он падает на колени, молится за тех, которые говорили на Него «злые слова», потому что понимает, что это бунт не против него, а против Господа.

Зло должно быть введено в какие-то границы. Есть грехи, которые недопустимы, грехи против жизни. Им надо класть предел. Победить зло в этом мире, который лежит во грехе, пока нельзя, но пределы ставить надо.

В личном плане человек не только может, а обязан остановить зло на себе, не пропускать его, он-то и должен стать живой преградой, границей, через которую зло не пройдет. Тогда он действует по образу Иисуса Христа, Который остановил все мировое зло на Себе, принял его на Себя. Сын Божий стоял насмерть, но мирно, и нам тем самым заповедал идти путем миротворчества. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими» (Мф 5:9). Достоинство и блаженство быть сыном Божиим дается тому, кто

остановил на себе зло, – миротворцу. Сейчас, увы, слово «миротворец» политизировалось и потому выветрилось.

Если Сын Божий, Христос примирил Собой, кровью Своей, и народы земли, и небо с землею, то и те, кто идет вслед Ему, – миротворцы – блаженны.

Мир, данный Христом, связан с единством. Апостол призывает: старайтесь «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф 4:3).

Вот сила Церкви, вот сила христианства. Настоящая сила. Не внешнее единение, которому Достоевский не верил и просил нас не верить, а единство духа в союзе мира, которое становится возможным лишь постольку, поскольку мы Дух Христов имеем в своем сердце.

Истинное служение истинному миру будет вызывать у людей непонимание, отталкивание и вражду. Так бывает и с любовью. По слову Сергея Аверинцева, для ада Христос – сущий ад. Явление настоящей любви поляризует сердца людей, они или влекутся духом любви, или, наоборот, ожесточаются и стремятся к разрушению Духа Божьего. Мы не должны бояться приступить к служению примирения, нести слово примирения, примирения с Богом, с людьми и с миром. Апостол назвал примирение одним из служений, к которому все мы призваны.

Главное орудие этого служения – молитва. Молитва помогает нам сохранять разум в чистоте, не поддаваться заблуждениям, преодолевать в себе мелочность и гнев, избегать иллюзий и не попадать во власть жажды мести. Мы просим Господа наделить нас благодатью молитвы не для того, чтобы мы смогли лучше молиться, но для того, чтобы мы научились больше любить.

Господи милосердный,
Тебя называют любовью,
Любовью Ты создал вселенную.
Любовь эту Ты подтвердил на кресте.
Благослови нас, чтобы мы смогли научиться
Твоей любви
И принести ее туда, где она пока встречает отторжение.

Миротворец должен заботиться о своем противнике так же, как и о самом себе, должен помочь ему освободиться от того образа мыслей, вследствие которого притеснение и насилие стали для него привлекательны. Следование принципам ненасилия в его высшем проявлении принесет обеим сторонам победу.

Евангелие и вся ранняя христианская традиция требовали от своих последователей отказаться от насилия.

По словам Климента Александрийского, последователь Христа – это воин мира, член той армии, которая не проливает крови. Иустин Мученик говорил, что христианин не отнимает жизнь у другого, но во имя Христа отдает свою собственную.

Самое действенное противостояние немирности – это то, что я храню мир в себе, моя семья хранит мир, община хранит мир и Церковь хранит мир.

Противодействовать злу мы можем только храня мир, т.е. наша непримиримость ко злу – это и есть хранение мира, пребывание в мире с самим собой и с Богом. Это единственное, что может победить зло.

Зло пытается, прежде всего, лишить нас этого мира. Мы можем поддаться на искушение борьбы со злом и погубить в себе мирный дух. Когда кто-то ищет врагов как внутри церковной ограды, так и вне ее, это означает, что человек что-то не преодолел в себе.

Все время мы находимся в этом искушении начать борьбу со злом его же средствами, средствами вражды. Но на всякое понижение нравственного, духовного уровня христианин отвечает только его повышением.

Надо являть другую жизнь, она состоит именно в том, что я мирен. Я начинаю с себя. По словам Семена Франка, «в ужасающей бойне, хаосе и бесчеловечности, царящих ныне в мире, победит, в конечном счете, тот, кто первым начнет прощать». Я должен примириться с Богом, с собой, с ближним.

С этого начинается все. Надо открыть важную для нас вещь: миротворчество – это не состояние, а действие, т.е. человек не просто ожидает какого-то мира для себя, а он трудится. Но чтобы это

действие стало возможным, человек должен стяжать внутренний мир. Церковь – это община миротворцев. Господь заповедал нам, как ученикам Его, быть миротворцами. Если в общине мир творится, значит, там есть Церковь, там есть Господь, там Царство.

Любовь к врагам является частью миротворчества. За врагов надо молиться, потому что об этом просит Сам любвеобильный Господь, Которому их очень жалко. И нам как их не жалеть, если они из-за нашей худости и скверности соблазнились и допустили злобу в свою нежную, богоподобную душу. Если разобраться, то они не нам враги, а себе.

Заповедь Иисуса Христа о любви к врагам и благословение проклинающих, благотворение ненавидящим, молитва за обижающих и гонящих нас является высшей точкой миротворчества.

Эта заповедь служит для примирения с Богом как добрых, так и злых.

Миротворчество в библейском понимании не заканчивается примирением Бога с творением, но продолжается как некая реальность нового творения. Думается, что миротворчество не прекратится и после второго пришествия, как некий образ сотворчества Бога и человека и дальше, в новом творении. Миротворчество можно назвать способом жизни и в Царстве Небесном.

В Церкви и обществе мы сталкиваемся с двумя разными способами жизни. В обществе мы можем жить, как в Церкви, но в Церкви мы не должны жить, как в обществе, в социуме, как некоей проявленности этого падшего мира.

Если в Церкви жить и бороться со злом по законам этого мира, то происходит ее обмирщение, как потеря измерения мистического, измерения Царства Небесного.

Бороться со злом, быть непримиримым ко злу в Церкви можно только одним способом – жить в Боге, т.е. жить по законам Царства Небесного.

Мы знаем, что закон Царства Небесного есть закон жертвы, отдачи себя. Это не установление границ, не установление неких рубежей, за которые злу нельзя двигаться, а именно способ жизни в Боге.

Перед человеком, живущим в Боге, зло останавливается само, как перед Аароном. Или же, если зло чрезвычайно агрессивно, оно убивает этого человека, как оно убило Иисуса и многих его учеников, например, апостола Иакова, а недавно брата Роже из Тэзе.

Но оно проигрывает, даже когда убивает. Зло, смерть только внешним образом добиваются своего. Нет ничего общего у Христа с Велиаром, нет ничего общего у Бога и у смерти.

Истинная победа над злом достигается через то, что человек начинает жить, а не бороться, начинает жить с Богом, заключая завет с Ним, входя в общение.

Жизнь в миротворчестве, с Богом – это способность общения с Богом, потому что общение и есть плод мира, благоденствия.

Способность и возможность общения и есть плод примиренности, плод мира и мирного противостояния злу, плод жизни в мире и, как следствие этого, общение является признаком Царства Небесного. Мы участие в Евхаристии называем *приобщением*. Говорим: приобщились, т.е. мы соединились через причастие со Христом и друг с другом.

Так через способность сохранять общение с каждым в этом мире, с каждым из этого общества, мы преодолеваем зло, потому что зло и как конечное проявление зла – смерть, есть разрушение общения, разрушение отношений или их прекращение.

Уходя от общения, от диалога, мы уступаем силе зла. Только через общение Церкви с обществом, если Церковь живет по законам Церкви, мы можем противостоять злу этого мира.

Миротворение – это всегда жертва. Мир приобретен жертвой Христа. Часто у миротворца возникает мысль о том, что все его усилия бесполезны, не помогают, мир не становится лучше. Но, как ни странно, именно этим погружением в кажущуюся тщетность, умалением достигается мир. Если для человека становится что-то невозможным, значит, время действовать Господу, время творить мир.

Об этом мире всего мира молился Шарль де Фуко:

«Отче, Ты хочешь, чтобы между Твоими детьми царила неистребимая любовь, чтобы они терпели друг друга с нежностью и

упорством, дабы сохранить мир, чтобы они без сопротивления принимали насилие, оскорбления, даже самую смерть, чтобы они предпочитали умереть, лишь бы не нанести брату раны, не бороться против него.

Отче, в какой же любви, в каком мире, в каком нежном единении Ты хотел бы видеть Своих детей.

В Твоем свете ясно, как день, что малейшее умножение любви среди детей Божиих в тысячу раз ценнее, чем все материальные блага мира.

Не будем защищаться, когда нас обижают, поставим горло, как агнцы, чтобы нам не вступать в спор с братьями, но побеждать их добротой, чтобы мы подражали божественному Агнцу, Который позволял бить Себя, оплевывать, ругать, завязывать Себе глаза и бичевать Себя, надеть на Себя терновый венец и возложить на себя Крест.

Будем же переносить все оскорбления, все несправедливости, издевательства, насилия, пощечины, удары, раны, оковы и смерть. И будем молиться за тех, кто ненавидит нас: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». И возблагодарим Бога, что Он удостаивает нас, столь недостойных, такого сходства с Собой. Аминь».

ВЛАДИМИР ИЛЮШЕНКО

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ: «ЗЛО ПРЕВРАТИТСЯ В ПЫЛЬ»¹

XX век как чума пронесся над миром. Ни в одном другом веке зло не проявляло себя в таких масштабах, с такой жестокостью и беспощадностью. Век геноцида, мировых войн и тоталитарных империй, он был беспрецедентным по числу жертв. Никогда в истории на Земле не было пролито столько крови. Силы зла будто сорвались с цепи. Фактически XX век – это гигантская антропологическая катастрофа, последствия которой выходят далеко за пределы одного столетия, а то и тысячелетия. В этом веке зло сделало качественный скачок: человечество впервые обрело возможность уничтожить самое себя и все живое на земле. Вместе с тем, XX век – это век духовного сопротивления безумию и распаду. Одним из тех, кто олицетворял это сопротивление, был Александр Мень.

Если внимательно прочесть последние работы отца Александра – его статьи и выступления конца 80-х и 90-го года – то увидишь, что в них содержится предупреждение. В них постоянно повторяется одна и та же мысль: человечество стоит на краю катастрофы; покров, накинутый над бездной, очень тонок, и он в любой момент может прорваться.

Что же говорил отец Александр?

Он говорил: «Мы стали свидетелями мировой гражданской войны всех «детей Адама», терзающей его единое тело». Он говорил, что если человек не имеет представления о духовном начале, «в нем вылезает зверь. Хуже зверя – демон». Он говорил, что мы должны со всей серьезностью задуматься над тем, куда ведет раздумие «образа врага». Он говорил, что, «культивируя ненависть

¹ Выступление на Международной научно-богословской конференции «О мирном и непримиримом противостоянии злу в Церкви и в обществе» 28 сентября 2005 г. Москва, Институт философии РАН.

– религиозную, политическую, национальную, человечество раздирает самое себя. Приближает тот рубеж, где маячит призрак апокалиптической катастрофы». И в связи с этим он задавал вопрос: «Можем ли мы, столь разные, жить вместе на одной земле?» И отвечал: «Если не сможем – неизбежно погибнем».

Алик Мень научился читать и писать в четыре года. Первая фраза, которую он написал, была такая: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». Эти слова апостола Павла он пронес через всю жизнь, они стали для него своего рода девизом.

Скажу сразу: отец Александр – это воин Христов. Он противостоял злу с той же силой, с какой любил Христа, – всем сердцем, всей душой, всем разумением. Это не было пассивным противостоянием – это была борьба, никогда не прекращавшаяся. Последнее 15 лет его жизни я был свидетелем этой борьбы. Прежде чем перейти к этому свидетельству, скажу о том, что понимал сам о. Александр под злом, как он его определял.

Он говорил, что зло – это духовная болезнь, это темная стихия, абсолютно иррациональная. «В иррациональном хаос шевелится. В этом хаосе человек соприкасается с духовными измерениями, столь же больными, как и он сам». Я не раз слышал от о. Александра, что попытки логически, рационально объяснить зло – бесполезны и бессмысленны: «Воля к злу – абсурдная, противоестественная... Воля, противящаяся гармонии, противящаяся бытию, – самоубийственная воля. Одна из причин, почему нельзя объяснить происхождение зла: потому что оно совершенно вне категорий объяснения, потому что оно есть темное до конца, до последней глубины... Иррациональное не может быть рационально объяснимо. Объяснить зло, дать логически ясную теодицею – значит сделать зло обоснованным. А оно необоснованно, как слепая стихия бунта, как стремление против света».

Отец Александр говорил и о формах существования, бытования зла. Он специально остановился на этом в одной из бесед с прихожанами. Предоставлю слово ему самому:

«В каких формах в мире существует зло? Я сказал бы, пожалуй, что в трех формах или четырех. Первая, элементарная форма –

это хаос, это всякое разложение, умерщвление, дезинтеграция. Все то, что препятствует совершенствованию мира, совершенствованию жизни. Это смерть. В Писании называется самым большим врагом – смерть. Так на уровне природы.

Второе зло, на уровне человека, – это зло нравственное.

И, наконец, на уровне чисто духовном – то, что мы называем демоническим злом. Здесь человек соприкасается с теми таинственными измерениями бытия, в которых тоже происходит какой-то сбой, какой-то дефект. Человек в эти измерения окунается, инфицируется ими. Отсюда демоническая одержимость людей – носителей зла, людей, зло для которых становится второй природой, людей, отравленных злом».

Однажды в разговоре со мной о. Александр сказал: «Дьявол – это реальная личность». Все попытки отрицать его существование – это ухищрения самого дьявола. «Я не только уверен, что он существует, – говорил отец, – но думаю, что в жизни это можно всегда увидеть. Есть зло... которое не имеет природного происхождения, сатанизм, сидящий в человеке, который пытался описать Достоевский». Силы сатаны – это силы, которые ведут к распаду, к смерти, к гибели, на уровне сознания – к греху, на уровне истории – к антихристу. Они носят личностный характер, как и все духовное».

Вместе с тем о. Александр не склонен был винить во всех наших грехах сатану. В них виноват прежде всего сам человек: «...осатанение человека происходит не путем непосредственного заражения... а путем открытия собственной воли навстречу этим темным силам. Всякий грех сначала человеком допускается, он открывает ему ворота, а когда сатана в нем поселяется и правит бал – тогда и рождается одержимость».

Поэтому все доводы типа «бес меня попутал» о. Александр отвергал. «Нечего, – говорил он шутливо, – на дьявола пенять, коли рожа крива», лучше пенять на себя. Если уж бесы действительно так влияют на нас, то это потому, что мы подставились. И, кстати, все увлечения метафизикой зла он не одобрял: он был убежден, что сейчас мы не подготовлены к тому, чтобы изучать темный мир.

Попытки заигрывать со злом, пусть даже с надеждой обхитрить его, попытки проникнуть в демонический мир с помощью всяких оккультных практик он считал опасными для души человека. И недаром он однажды сказал: «...может быть самые отвратительные из разрушений, которые творятся антибожественной силой, — это искажения и разрушения души. Наиболее преступные. Потому что когда разрушается организм, или гора, или микроб, это одно. А когда разрушается дух, душа — это самый страшный из всех видов разрушения, который мы знаем».

И еще одно, очень важное замечание о. Александра: «Христос учит нас не тому, как произошло зло в мире... а учит тому, как жить в мире, где есть зло. Он сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». О. Александр следовал за Христом: он воевал со злом. Он утверждал: «Кто не воюет, тот не побеждает». И своих прихожан он ориентировал именно так: объяснять зло не надо, но противостоять ему необходимо, потому что оно разрушительно, потому что это бунт против света, против установленного Богом миропорядка.

Как же он сам противостоял злу? Главным и универсальным способом противодействия он считал соединение с Богом — источником жизни, света, любви. И он не только так считал — он так жил и потому имел право учить нас этому. Его слово никогда не расходилось с делом. Он был образцом христианина, а значит образом Христа. Вслед за Спасителем он сеял на земле семена Царства Божия и делал это многообразно: своими книгами, лекциями, беседами, пламенным словом проповедника, пастыря, духовного отца, но прежде всего примером собственной жизни. Почвой были наши души (а позднее — души миллионов его читателей и слушателей).

Он не раз говорил нам, что христианство — это риск и ответственность, а не комфортное и уютное существование, не теплая лежанка, не тихая пристань. Это трудная и опасная экспедиция, которая требует от нас мужества, активности и предельной ответственности. Глядя на него, мы понимали, что трус, эгоцентрик и любитель кайфа не может стать христианином. Он трудился для Христа каждую минуту своей жизни (по-моему, даже во сне).

Иногда о. Александр говорил вещи, по видимости, парадоксальные, но на самом деле точные и проверенные его собственным опытом. Например: «Враг дан нам для испытания нашей прочности». Или: «Через трудности и зло все равно открывается нам Божия любовь». Или: «Мир лежит во зле», – говорит нам Священное Писание. Но мы и без этих слов знаем, что зло кругом царствует и властвует. И Господь его не отменяет! Господь его не уничтожает! Он поступает иначе! Он посылает в мир нас, христиан, чтобы мы, пользуясь поддержкой Его благодати, боролись со злом, сеяли добро, светили в темноте. «Так да светит свет ваш пред человеком», – говорит Господь. Наша жизнь – это жизнь посланников Божиих. Каждый человек, самая немощная больная старушка может быть светильником в своем доме, в своей семье, среди своих близких. Все имеют эту возможность, но мы этого не хотим. Много ли света и тепла мы вносим в тот мир, в котором мы живем?»

Привожу эти примеры для того, чтобы показать, что одним из способов борьбы о. Александра со злом были постоянные усилия по искоренению зла в сердцах его прихожан. Он много раз напоминал нам, что первое зло – внутри нас. Поэтому начинать надо с себя. Мы завистливые, черствые, нетерпеливые, грубые, раздраженные. Мы всегда сосредоточены на себе, всегда заняты только своими чувствами, мыслями, заботами и интересами. Мы равнодушны, глухи и слепы к окружающему нас миру. Будучи злы, мы и вокруг себя видим только зло. Наши грехи – свидетельства злой, самоутверждающейся воли. Мы погружены в суету. Мы заполняем наши души всяким мусором, а не словом Божиим. Мы не стали светом для людей. Мы отдалились от Бога.

Надо сказать, что, слушая это, мы испытывали жгучий стыд, потому что это была правда. Говорить правду о нас самих, правду о мире, ушедшем от Бога, – это тоже было проявлением борьбы о. Александра со злом. Он, как библейские пророки, не лыстил нам. Но если бы он ограничился только обличениями (которые мы вполне заслужили), мы не испытывали бы после его проповедей и его исповедей духовного подъема. А он вселял в нас веру и надежду. Его собственная вера была непоколебимой, она давала ему энергию сопротивления, и такую же веру он воспитывал в нас.

О. Александр в высшей степени обладал способностью различения духов, и нас он учил отличать добро от зла, поясняя, что «когда мы учимся в себе находить вот это поле битвы, как говорил Достоевский, тогда и начинается работа по выращиванию нашей духовности. Это дело каждого человека. Это величайшее творчество. Каждый человек творит свою душу, каждый созидает свою личность. Но созидает ее не в пустом пространстве, а в соотношении с другими «Я» и с вечным «Я» божественным».

Вот эта последняя мысль была очень дорога о. Александру, и он ее развивал неоднократно. На прямой вопрос «Нужно ли бороться со злом?» он однажды ответил так: «Творение осуществляется сейчас. Бог действует в природе каждую секунду, и Его творческая сила все время противостоит силам зла и разрушения. И мы – Его союзники, соработники. Я думаю, что если лишить человека возможности этого противостояния, этой борьбы, то его участие в Творении кончится. Человек призван быть активным. Каждый на своем уровне, по своим возможностям и способностям, но внутренне он должен быть активным. Эта борьба не есть нечто разовое, а это наше дыхание, наше существование, наша жизнь».

Вопрос, надо ли бороться со злом, для о. Александра вообще не стоял. Он говорил, что Христос никогда не отрицал борьбы со злом, и Его борьба была суровой и очень острой. Но мы, если мы хотим идти за Христом, должны понимать, что методы этой борьбы не могут быть любимыми. «Побеждай зло добром», говорил о. Александр, – это главный христианский принцип. И «это трудный, конечно, способ, потому что твое добро должно быть таким сильным, чтобы оно сломило это зло». Да, зло пока господствует в нашем мире. Оно идет явно, как танк... Но тем не менее сила добра все равно оказывается побеждающей. И в этом смысл евангельского изречения: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

О. Александр так пояснял свою мысль: «Подумайте, ведь не сказал евангелист: свет побеждает тьму. Это совсем не то, что призыв Пушкина «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» В Евангелии так не сказано, потому что иллюзий нет, тьма остается пока в этом мире. Но света уничтожить она не может. Свет неуничто-

жим, он светит во тьме. Подобно звездам, которые в черном космосе не могут разогнать его черноту, но не гаснут, а горят. И в этом противостояние света, добра и правды. Если бы добро оделось в латы зла и стало бы крушить все направо и налево, проявляя свою силу, оно очень быстро перестало бы быть добром. Оно стало бы злом». Из этого ясно, что популярное изречение «Добро должно быть с кулаками» – это ложная максима. Добро не может побеждать так грубо и наглядно, как зло, иначе оно само становится злом.

О. Александр, безусловно, различал зло космическое, вселенское и зло социальное и бытовое. Но он знал, что в основе и первого, и второго, и третьего лежит противление Высшей воле, поэтому он боролся против любого из них. Он знал, что зло коренится в безумии твари, которая стремится уйти от истины и Бога. Он призывал нас «бороться со злом вместе с Богом». На этом он настаивал. Он сам так и действовал. Он знал, что в конечном счете все решает Божественная воля. Именно она из мрака делает свет, из зла делает добро. Но он знал и другое: да, «Мне возмездие, и Аз воздам», но зло погашается не справедливым возмездием, а любовью.

Есть две силы, сравнимые с внутриядерными. Это ненависть и любовь. Ненависть взрывает человечество. Ненависть – это отталкивание, разъединение, это центробежная сила. Соединяет людей – любовь. Она есть главная энергия человечества, она сильнее внутриядерных сил. Но «любовь у нас в тяжком дефиците», – говорил о. Александр, а это значит, что Бог у нас в тяжком дефиците, потому что Бог есть любовь.

Потому и бушуют центробежные силы, разделяющие людей. А между тем человечество – это единый организм, и в физическом, и в духовном смысле. Таково было убеждение Александра Меня. Он учил тому, что любовь побеждает злобное разделение мира. Он говорил: «Если человек не умеет любить, значит он не умеет жить. Потому что живет только тот, кто любит».

Могу свидетельствовать, что сам о. Александр был генератором любви: она из него просто изливалась. Поэтому жизнь его была исполнена глубокого смысла.

На вопрос о том, как понимать достаточно трудную заповедь о любви к врагам, он отвечал так: «Никогда не думайте, друзья мои, что в Евангелии содержится такая глупость, что человек должен относиться к какому-нибудь негодяю, который причинил ему зло, так же, как к своему ребенку, к своей жене или к своему мужу. Ничего подобного! Такого бреда в Евангелии нет. Любить своих врагов – это значит относиться с доброжелательностью даже к противнику, желать ему добра, желать, чтобы он раскаялся, чтобы он одумался».

Десятилетиями о. Александр находился под надзором «Органов», где ему дали кличку Миссионер. Нападки на него начались с первых шагов его служения и сопровождали его всю жизнь. С течением времени они становились все более яростными и многочисленными, причем исходили они не только от функционеров КГБ, но и от религиозных фундаменталистов, неоязычников, антисемитов, псевдолиберальных интеллектуалов, типиконщиков, большевиков и т.п. Князь мира сего явно избрал его своей постоянной мишенью. Полярные и нередко враждебные друг другу общественные силы дышали одной страстью – ненавистью, когда речь заходила об о. Александре. Почему? Ответ прост: потому что он был истинным служителем Христовым, избранником Божиим.

В 1986 г., уже во время перестройки, в газете «Труд» появилась гнусная статья, обливающая грязью о. Александра, обрисовывающая его как злобного антисоветчика, создающего «подпольную церковь» по указке Запада. А после статьи началась серия допросов в КГБ. Они были изнурительными, многочасовыми и очень частыми. Любой в этой ситуации пал бы духом. Но не отец! После допросов он иногда звонил мне, давая знать, что все у него в порядке. Однажды прямо с Лубянки он пришел ко мне, однако не усталый, не измученный, а полный кипящей энергии, бодрый и даже довольный тем, как провел «беседу». Он не уклонялся от разговоров с ними. И хотя много раз чекисты пытались уловить его в слове, ничего у них не получалось. Он пользовался случаем, чтобы даже этих людей наставить на путь добра, и они это чувствовали. Они читали его книги. По некоторым беглым деталям я

понял, что он вызывал у них не просто уважение, но даже некий пиетет. Им как бы хотелось оправдаться перед ним.

Недавно стало известно, что еще в 1980 г. Андропов, который был тогда председателем КГБ, писал своим подчиненным: «Наш главный враг – священник Александр Мень». Об этом рассказал в начале сентября 2005 г. на конференции памяти о. Александра Вячеслав Всеволодович Иванов. В 1991 г., после провала ГКЧП, ему, как депутату, был предоставлен этот документ. Поскольку Андропов был начальником богопротивного ведомства, то его характеристику надо признать верной. Но что вытекало из этой дефиниции? Известно ведь, что следовало делать с врагом, который не сдается. А о. Александр, хоть он и относился к врагам доброжелательно, ни на какие компромиссы со злом не шел. Само его отношение к тем, кто противостоял злу тоталитаризма – к матери Марии (Скобцовой), Дитриху Бонхёфферу, Максимилиану Кольбе – знаменательно и символично. Известно, как высоко он оценивал их подвиг.

Под конец жизни о. Александра чрезвычайно тревожило нарастание деструктивных тенденций – взрыв ксенофобии, шовинизма, национальной ненависти. Он говорил, что это «первобытные стихии, очень вредные для человека, очень низменные, они противостоят и патриотизму».

В своем последнем интервью (5 и 7 сентября 1990 г.) с необычайной для него резкостью и суровостью он говорил о наиболее тревожном явлении – рождении русского фашизма, который «очень активно поддерживают очень многие церковные деятели». Он сказал буквально следующее: «Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной».

Через несколько дней, 9 сентября, андроповский приговор был приведен в исполнение. Отец Александр убит за веру, за чистоту и святость своей жизни. Как истинный служитель Господень он противостоял злу всем своим существом. Он говорил: «Библия никогда не проповедовала примиренчества по отношению к злу. Христос сопротивлялся злу – потому Его и распяли. Но меча Он не поднял». Оружием о. Александра тоже был не меч, но слово. Он

не звал Русь к топору – он звал ее к нравственному очищению, к принятию правды, земной и небесной.

По многим признакам могу сказать, что о. Александр знал, что его ожидает, в начале сентября 1990 г. знал точно, но не сделал ничего, чтобы чаша сия прошла мимо него. Воины-афганцы, которых он крестил, предлагали ему охрану. Он отклонил это предложение. Он абсолютно осознанно принес себя в жертву. Жертва – наивысший акт борьбы со злом. Отец Александр прошел свой путь за Христом, свой крестный путь – до конца.

Борьба добра и зла – это не только метафора. Это реальное противоборство полярных духовных сил. Отец Александр противостоял злу, как мало кто в этом мире. Он был центром кристаллизации восходящих духовных сил, и это было оценено противной стороной в полной мере. Расправа над ним есть признание его выдающейся роли в борьбе со злом. И это не просто убийство, а казнь по приговору тайного трибунала.

Понятно, что за убийцами стояли враги Христа, враги христианства. Именно для них проповедь о. Александра была наиболее страшна. Именно для них его общественное служение, его обращение к массовой аудитории было нестерпимо. Конгломерат темных сил объединился, чтобы пресечь это служение. Мстительная, бессовестная, злая сила не могла простить вестнику Царства его духовного подвига. Убийство было призвано остановить развитие России по пути живого христианства. Остановить не удалось: Господь воздвигает новых добрых пастырей, а Александр Мень приводит людей ко Христу и после своей физической смерти.

Отец Александр любил повторять вслед за Альбертом Швейцером: «Мое знание пессимистично, но моя вера оптимистична». Он говорил: «Этот оптимизм я не черпаю из фактов, а только из того, что убежден в творческом, божественном происхождении добра. Зло есть карикатура на Божье творение, и все, что мучило и мучает человечество – тоталитаризм, фанатизм, шовинизм, узость, косность, леность, чванство, нежелание создавать, а желание как-то ловко перераспределить, – все это лопнет, как мыльный пузырь. Хотя веками эти болезни существовали, возрождались, но

все равно они мертвые. Сегодня, когда напряженность в обществе достигла точки почти критической, я не хотел бы давать людям никаких поводов полагать, что у меня есть иллюзии, — я человек без иллюзий, — но я верю, что Промысел Божий не даст нам погибнуть, и всех, у кого есть искра Божия в сердце, я призываю к тому, чтобы твердо стоять и не поддаваться ужасу и панике: мы пройдем через все эти полосы в конце концов, пройдем, я уверен. Все было: мы видели и войны, и катастрофы, пройдем и через это».

И еще он говорил: «...надежды мои чисто мистические, потому что я все равно верю в победу светлых сил. Я убежден, что сила зла базируется на нашей трусости и тупости, но то, что на протяжении эры беззаконий всегда находились стойкие люди, праведники, мученики, — такие, как архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, психиатр Дмитрий Евгеньевич Мелехов, Андрей Дмитриевич Сахаров, — утешает, это залог того, что дух непобедим и черные призраки все равно рассеются рано или поздно».

Отец Александр и сам был из таких праведников и мучеников. Он принял все ниспосланное ему безропотно, с терпением и мужеством. Он был рыцарем Добра. Добро, «оно — как жизнь среди мертвых. Оно маленькое, оно слабое, но в нем суть и ось мироздания. И самого человека. Вся эта громада зла в конце концов превратится в пыль, потому что она ничего не стоит. А добро будет заполнять весь мир».

**Памяти митрополита Леонида (Полякова) –
к 40-летию назначения
архиепископом Рижским и Латвийским**

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

«ТАКОВ НАМ ПОДОБАЕТ АРХИЕРЕЙ...»

Во время гонений на Церковь я вынужден был в 1980 году, в июле месяце, на день апостолов Петра и Павла, покинуть Почаевскую Свято-Успенскую Лавру, куда я был принят послушником и желал быть там навсегда. Но у Господа были другие планы обо мне.

Я приехал в село Ракитное к старцу Серафиму (Тяпочкину), который служил в Свято-Никольском храме, куда часто приезжал владыка Леонид (Поляков). Отец Серафим был духовником владыки. Владыка Леонид и сам был духовником старца – отец Серафим желал всегда открыть душу любимому архипастырю.

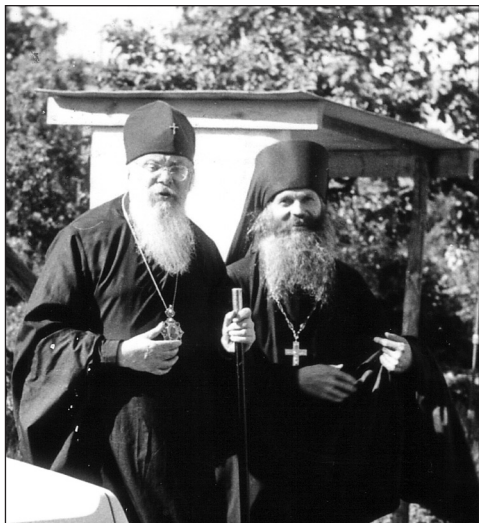
Я рассказал отцу Серафиму, в каком положении нахожусь – изгнан, ни работы, ни прописки, власти в любой момент могут обвинить в тунеядстве, что грозило известными последствиями.

Отец Серафим после беседы со мной сказал: «Поезжайте в Ригу к владыке Леониду, он будет вам как отец». Дал письмо, в котором написал обо мне, благословил, поцеловал, и вот я уже в Риге, в Троице-Сергиевом монастыре, в покоях архиерейского дома владыки.

Владыка решает меня рукополагать. Я понимал, какие препятствия могут возникнуть. У меня высшее образование, степень кандидата филологических наук. Но владыка взял на себя смелость – продвигать мою кандидатуру через все препоны. Он отправляет меня в Спасо-Преображенскую Пустынь – подальше от глаз властей, а сам начинает готовить мое рукоположение.

Митрополит Леонид у храма Рождества Пресвятой Богородицы
в г. Резекне в сопровождении протодьякона Бориса Голубкина
(слева) и иподиакона Ивана Бородин (справа)

Митрополит Леонид и
архимандрит Виктор
(Мамонтов), г. Карсава.
Сентябрь 1985 г.
Фото Владимира Моисеева

В Пустыньке я не только молился, но и трудился. Нужно было вокруг Спасо-Преображенского каменного храма положить бетонные плитки. Я быстро научился работать на бетономешалке, заливал раствором ячейки будущих плит, утрамбовывал их, работа удалась. И когда я сейчас приезжаю иногда в Пустыньку и хожу по этим плитам, вспоминаю то время и владыку Леонид.

На престольный праздник Пустыньки – Преображение Господне – приехал владыка Леонид. После причащения, когда я подошел целовать крест, сказал мне: «Ждем положительного результата». В ожидании пребываю до Успения. Накануне праздника, после причащения, алтарница, старенькая монахиня Нектария, говорит мне: «Владыка просит вас приехать к нему».

В Риге владыка сообщает мне, что 31 августа, в воскресенье, в Свято-Троицком кафедральном соборе он будет рукополагать меня во диакона.

Неделю я служил диаконом, а 7 сентября 1980 г. владыка рукополагает меня во иерея. Тепло поздравил меня перед всем народом, а затем сказал: «А наставление – в проповеди». В тот день на службе читался отрывок из послания к Коринфянам. Владыка, повернувшись ко мне, сказал: «Вы гонимы, но не оставлены», т.е. он предвидел все тернии моего пастырского служения в тяжелых условиях гонения на Церковь. «Не оставлены... т.е. Бог защитит тебя, и я буду всегда молиться о тебе». И я реально чувствовал эту молитву владыки, и сколько раз она помогала мне.

12 февраля 1982 года владыка постриг меня в монахи в своем домовом храме преподобного Серафима Саровского с именем Виктор. Отец Серафим (Тяпочкин) просил владыку дать мне имя Мелетий, святителя, мощи которого находятся в Харьковском кафедральном соборе, но владыка оставил мое имя, только переименовал святого.

Владыка Леонид был назначен архиепископом Рижским и Латвийским в 1966 году. Он нес свой архипастырский подвиг в очень трудное для Церкви время, время господства атеизма и воинствующего материализма. Многие храмы были разорены или закрыты, а кафедральный собор, в котором служил до войны архиепископ –

мученик Иоанн Поммер, по повелению Фурцевой был закрыт и превращен в планетарий в 1961 г. Власти намеревались закрыть Рижский Свято-Троицкий женский монастырь. Воля чиновников атеистического государства вторгалась в каноническую жизнь Церкви чуть ли не законодательным путем.

В эти годы владыка Леонид сумел сохранить для нас живое Предание Церкви в тайниках своего сердца.

Когда владыка приехал в Латвию, ему было 53 года.

Лев Львович Поляков родился 19 февраля 1913 года в Санкт-Петербурге в семье врача.

Он осиротел, когда ему было четыре дня. Его мать, Ольга, сказала своей сестре Елизавете: «Лиза, я чувствую, что умру, ты его не оставь».

Это как Рахиль, которая, рождая Вениамина, когда душа ее оставляла тело, успела дать ему имя Бен Они, что значит – сын моей силы.

Несмотря на страдания, которые привели ее к смерти, мать владыки дала ему жизнь и любовь. Все люди, общавшиеся с владыкой, принимая его любовь, как бы принимали любовь его матери.

Это напоминает последние минуты жизни Иисуса Христа, Который умирая на Кресте, передал Иоанну Богослову Свою мать, сказав, чтобы он заботился о Ней.

Во владыке было что-то материнское в отношении к людям. Он переживал за людей так, будто он их родил. Он очень беспокоился за одного священника, который пил. Встречаясь с ним, он плакал и молчал, а потом говорил: «Ты себя убиваешь». Так только мать может болеть за свое чадо.

Владыка всегда был доступен людям, внимателен к ним, они имели возможность открыть ему свою душу и получить нужный совет. Во вторник и пятницу с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ каждый мог прийти к нему в епархиальный кабинет.

Однажды он спрашивал о здоровье своего посетителя, и тот почувствовал, что это был вопрос не светской вежливости, а заботливого врача. «Он участливо кивнул головой, когда я сказал о своих

немощих, и я понял и ощутил, что он взял меня в свою молитву», — так вспоминал свое общение с владыкой его духовный сын.

Владыка унаследовал профессию отца. По окончании средней школы учился в Ленинградском медицинском педиатрическом институте. По окончании института с 1939 года работал врачом-терапевтом. Когда началась советско-финляндская война 1939—1940 гг., а затем Великая Отечественная, молодой врач ушел на фронт и работал хирургом. Он спас жизнь многим людям. За самоотверженный труд получил четыре правительственные награды — ордена и медали.

Потом он почувствовал в себе призыв на новое служение — пастырское. 13 ноября 1949 года в Ленинградском Свято-Владимирском соборе митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) он был рукоположен во диакона, а 20 ноября — во иерея. Отец Леонид начал служить в ленинградских храмах. Затем совершалось его восхождение на новые ступени архиерейского служения — хиротония во епископа (1959 г.), возведение в сан архиепископа (1962 г.) и митрополита (1979 г.).

Владыка ежегодно объезжал всю епархию — около 120 приходов. Везде подробно интересовался отоплением храмов, ибо во многих из них отопления не было, просил состоятельные храмы помочь бедным приходам.

Так как наш Карсавский приход был немногочислен и беден, владыка всегда старался чем-нибудь помочь.

Зная, как врач, о пользе козьего молока, он благословил привезти из Пустыньки несколько молодых коз. Во двор въехала монастырская машина, в окна которой вместо людей показались козьи мордочки. Все встречавшие смеялись и умилялись.

Владыка проявлял особое внимание и любовь к своей тете Елизавете, которая воспитывала его, сироту, заменив ему умершую мать. Он взял ее из Ленинграда к себе в Ригу, и она жила в его покоях. Она была очень добрая, образованная, училась вместе с сестрой Ольгой в Смольном. Владыка и Елизавета всегда были вместе — как мать с сыном. Если иногда его долго не было, она спрашивала: «Где владыка?»

Она тяжело болела – сердце. Каждый день вызывали скорую помощь. Владыка постриг ее в схиму с именем Паисия. Он глубоко почитал старца Паисия Величковского, защитил магистерскую диссертацию «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературное наследие», за которую ему было присвоено звание профессора.

В 1974 году 1 июня схимонахиня Паисия отошла ко Господу. Отпевал ее владыка в Троицком кафедральном соборе. Похоронена в Спасо-Преображенской Пустыньке. Владыка Леонид ежегодно в день ее кончины приезжал в Пустыньку служить литию на ее могиле.

Из Москвы к владыке каждое лето, а иногда и на Рождество Христово приезжала Надежда Александровна Павлович, поэт, ученица Александра Блока. Небольшого роста, полная. Она была интереснейшим человеком, знала многих выдающихся людей и умела о них хорошо рассказывать. Будучи членом Союза писателей, она доставала путевку в Дом творчества писателей в Дубулты и приезжала в Латвию. Она же в годы служения на Рижской кафедре митрополита Вениамина (Федченкова) приезжала и к нему.

Когда Павлович впервые увидела владыку Леонида, то была потрясена. На нее он произвел сильное духовное впечатление. Она очень хотела попасть к нему на прием – такая у нее была личная потребность. Попала. Очень волновалась перед встречей. Владыка как врач это заметил.

Сказал: «Надежда Александровна, дайте Вашу руку. У Вас пульс учащенный». Эта встреча была началом их знакомства и долголетнего общения. Она стала духовной дочерью владыки и воспринимала его на уровне оптинского старца. Исповедовалась у него и причащалась. Переписывалась с ним.

«У меня, – как потом она рассказывала, – появилось к этому человеку абсолютное доверие». Удивительно, что это говорит человек большого критического ума.

Надежда Александровна была духовной дочерью последнего оптинского старца Нектария и спасла ценнейшую оптинскую библиотеку духовной литературы. Она была стойким человеком. С

годами здоровье ее ухудшилось, она ходила с палочкой, потом появилась сильная близорукость. Говорила: «Я совсем слепая».

Очень любила посещать службы в нижнем храме собора. Владыка там не служил, но присутствовал. Она шла туда, зная, что будет иметь возможность встретиться с ним, что для нее было радостью и духовным утешением.

Владыка любил непременно быть в храме ежедневно, даже если не служил Евхаристию. Тогда он нес клиросное послушание, читал канон и пел вместе с народом, иногда сам выносил свечу. У него был очень звонкий голос, красивый тембр, но не музыкальный слух. Любил после службы петь с народом «Царица моя Всеблагая...» и «Слава в вышних Богу». Начиная сам, а народ подхватывал.

Молиться рядом с ним в храме было радостно. Это была не бурлящая радость, а тихая и очень прочная.

В кафедральном соборе он сам читал шестопсалмие в полной тишине, в подряснике, на нем не было ни панагии, ни креста, с обнаженной головой. Читал удивительно внятно.

«Я был потрясен тем, как он читает, – вспоминал эту службу его духовный сын, москвич. – Я тогда не понимал церковно-славянского языка, но то, что он читал, я понял. Это не просто отчитал, механически, как нередко делают чтецы, или играют голосом. А он спокойным, ровным тихим голосом читал так, что это пронзало.

С такой же силой внутреннего проживания я воспринимал чтение владыки Антония Сурожского. Когда он читал в московском храме на службе трисвятое, меня каждое слово пронзало так, как будто меня охватывало огнем.

Однажды я присутствовал на монашеском постриге. Это было удивительно. Что меня поразило? Такое было впечатление, что в этом таинстве участвуют трое: он (владыка), сестра и Господь.

Он был полностью погружен в происходящее и абсолютно нелицеприятен, т.е. как будто вокруг никого нет.

Обычно на постриге стараются все делать красиво в расчете на присутствующих, а он все совершал, никого не принимая в расчет. Он как бы свидетельствовал сестре: «Ты сейчас предстоишь

пред Господом, научись жить в предстоянии Ему, не обращая внимания на обстоятельства».

Потом я понял, что это была проповедь сестре и научение, но не словами, а действием. Он ей как бы показал, как монашествующий должен жить.

Как-то, читая египетский патерик, я нашел слова великого старца, который сказал: «Что такое монах? Душа и Бог. Вот и весь монах».

Когда я это прочел, предо мною встала эта картина пострига. Я понял, что владыка учил сестру именно этому».

Владыка Леонид был очень хорошим проповедником. Имел большой опыт. Будучи инспектором Московских духовных академии и семинарии, он ввел традицию – в воскресенье проповедь в храме произносили студенты.

Проповеди владыки были короткими, но очень глубокими. Часто он говорил слово после литургии, молебна.

«В храме сто человек, а причастились только семнадцать. Подумайте, что Вы делаете? Дни лукавы суть, и никто не знает, сможем ли мы еще раз подойти к Чаше. Одни не причастились, потому что считали себя недостаточно подготовленными, а другие – по небрежению ко очищению своей души».

О рукоположенном на Литургии во иерея двадцатишестилетнем М. К. сказал:

«Он еще только форма священника, которого сейчас хиротонисали. Чтобы стать священником, он должен очистить свое сердце от греха, чтобы оно стало вместилищем Христа. Без этого нет ни пастыря, ни христианина».

После чтения на Литургии отрывка из Евангелия от Матфея, где говорилось о покаянии «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 4:17), он сказал: «Исповедание своих грехов – это только начало. Покаяние – это изменение жизни».

На молебне владыка читал отрывок из Евангелия от Матфея:

«Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, – ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти

погибшее. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?»

Когда он начал читать этот отрывок, неожиданно заплакал. Думалось, что, когда в тишине своего уединения он читал это место, умиление и слезы уже приходили к нему. Ведь это, можно сказать, раскрытие тайны его святительского омофора, его особого пастырского послушания.

Потом, после окончания молебна, была проповедь на тему дня: «До тех пор, пока мы будем вести себя как язычники, торжества Православия не будет. Торжество Православия будет тогда, когда мы станем христианами».

Затем владыка послал иподиакона в алтарь. Тот принес папку и коробочку. Когда владыка увидел их, вдруг сильно расплакался, как ребенок, и не мог остановить слез. Начали читать указ о награждении протодиакона Бориса Голубкина орденом. Владыка все время плакал, отвернувшись от народа. Протодиакон тоже.

Владыка всегда плакал во время рукоположения новых пастырей для Церкви (в это время нисходит на них обильная благодать нашего Утешителя – Духа Святого), казалось, владыка хотел омыть все предыдущие и последующие грехи малоподготовленных ставленников, чтобы ожило их сердце, согретое сострадательной любовью Господа, греющего и питающего Свою Церковь, чтобы еще один делатель вышел на обильную жатву, собирая потерянные души.

У одного ставленника он спросил перед рукоположением: «Чем отличается священник от актера?» И сам ответил: «Священник живет, а актер играет».

В проповеди владыка пояснил: «Священнослужитель должен непрестанно работать над собой, возделывать почву своего сердца, чтобы семья благодатных даров, полученных из церковной сокровищницы, дала добрые плоды, от которых он мог бы питаться сам, живя полноценной духовной жизнью, и питал бы своих пасомых. Если у священника нет этого труда, нет трезвения и молитвы, то он духовно засыхает и не имеет жизни в себе».

«Верующие бегают из храма в храм в поисках истинного пастыря, а священникам нечего им дать: они потеряли благоговение перед престолом – перед жертвенником Любви Божией. Терния подавили пшеницу в их сердце, и они сами топчут робкие всходы веры в душах своих прихожан», – говорил владыка народу.

Во вторую неделю Великого Поста, в день памяти святителя Григория Паламы, после чтения евангельского отрывка об исцелении расслабленного, когда его друзья разобрали крышу, чтобы опустить его к ногам Иисуса Христа, владыка говорил о свойствах греха: «Грех заразителен, он расслабляет нашу волю. Мы признаем, что делаем недолжное, порочное, но наша воля расслаблена, и мы грешим. Что же нам делать? Сейчас Пост, т.е. воздержание. Сегодня день памяти Григория Паламы, учителя умной молитвы.

Это простая молитва, которую можно повторять всегда и везде, призывая Господа.

Это простая молитва, но она – опасная молитва. Злая сила нападает на нас через наше окружение, т.е. через людей. Не они на нас нападают, но злая сила, вселившаяся в них. Но значит ли это, что мы должны оставить молитву? Если мы оставим молитву, то грех будет прогрессировать, и мы будем заражать окружающих, уже не замечая этого».

Когда в Троице-Задвинском храме рукополагали Н. во диаконы, владыка сказал: «Священство – это не профессия, а крестношение. Но, к сожалению, к нам приходят люди, желающие принять сан, с иными мыслями».

Сказал, что в нашем инославном крае нам особенно надо думать о исповедании православной веры, т.е. воздержание, непрестанная молитва, соблюдение церковного устава, ежедневное чтение Священного Писания.

Когда Слово Божие станет нашим образом мыслей, тогда наше вероисповедание будет православным.

В четвертую Неделю Поста после чтения евангельского отрывка: «Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк 9:29) владыка говорил: «Мы озлоблены, т.е. дух злобы живет в нас.

Это проявляется дома, в семье, на работе и здесь, в храме. Что нам делать? Род сей исходит молитвой и постом. Пост – внутреннее воздержание от зла, молитва – непрестанное освящение себя через призывание имени Господа Иисуса». Сказал: «Почему мало причастников? Может быть, за дверьми храма нас ждет смерть».

В шестую Неделю Поста – Вход Господень в Иерусалим – владыка говорил: «Евреи приветствовали Христа как царя. Они ждали, что Он избавит их от внешнего гнета, от римского владычества. Но Он пришел не для этого. Он пришел, чтобы избавить их от власти греха. И вот мы празднуем праздник радостный и вместе скорбный.

И мы ветвями, как древние евреи, встречаем Христа, восклицаем: «Осанна».

Когда мы приходим в храм, исповедуемся, причащаемся, то это наша «Осанна» Христу. Но когда мы потом возвращаемся к нашей прежней порочной жизни, то этой жизнью мы говорим: «Распни Его, распни!»

Потом владыка говорил о предстоящем юбилейном поместном Соборе (1000-летие крещения Руси), о прославлении новых святых. Он заплакал, когда перечислял их имена и добавил: «Не все будут прославлены, но и они святые».

На второй день Пасхи вечером на общеградском богослужении владыка в своем слове делал упор на внимании за своим сердцем. Нужно препятствовать злым мыслям переходить в злодеяния, стараться быть всегда в общении со Христом. Тогда сохранится пасхальная радость и сердце наше, как у преподобного Серафима Саровского, всегда – и зимой и летом – будет петь: «Христос Воскресе!»

В Неделю о Фоме, говоря о затворенных дверях, которыми вошел Иисус Христос к Своим ученикам, владыка объяснял народу: «Затвори двери сердца своего от плоти, мира и дьявола. Да явится в сердце Христос Воскресший. Что значит затворить двери сердца? Это поведение – внутреннее и внешнее».

Говоря о Страшном Суде, владыка заметил: «Страшный Суд страшен для того, кто не может взглянуть в глаза Любви Божьей».

В Неделю пятую по Пятидесятнице, когда читается евангельский отрывок о гергесинских бесноватых, владыка начал проповедь так: «Мы все, возлюбленные, бесноватые. Это видно из того, что мы грешим. У нас слишком мало сил на добро, и слишком много сил на зло. Мы стремимся к греху и услаждаемся этим стремлением. Потом мы горько каемся, и хорошо еще, если горько».

В восьмую Неделю по Пятидесятнице после чтения отрывка из Евангелия от Матфея: «Ученики, увидев Его, идущего по морю, встревожились и говорили: Это призрак», владыка говорил проповедь: «Есть люди, для которых нет Христа, и они не хотят Его знать. Есть люди, для которых Христос – это призрак. Надо очистить свое сердце, и тогда вы узнаете силу Христа. Дух действует в чистом сердце. Никто не может произнести плохое на Иисуса, если в нем говорит Дух Святой. И никто не может исповедать Иисуса Господом, как только в Духе Святом».

В Слове на Рождество Христово владыка отметил: «Мы любим добро, но мы любим и грех. Всякое стремление наше к добру есть стремление к Богу. Надо искать прикосновения к Богу. Но Господь заповедал нам всецелое обращение к Нему – всем сердцем, всей душой и всей силой прилепляться к Нему. Без Бога в сердце нет покоя, сердце болит».

Незадолго до кончины, владыка при встрече со мною сказал, что, видимо, скоро уже его не будет.

Когда у него случился первый микроинсульт, отказала правая рука, нарушилась речь, но все равно он просил иподиакона Ивана Александровича приезжать утром в монастырь, в его покои, чтобы идти с ним в храм.

Потом было ухудшение здоровья, владыка с большим страхом передвигался, причащался в нижнем храме, потому что там легче было идти по ступенькам вниз.

В августе 1990 г. ему стало очень плохо. Болел. На праздник Преображения всегда был в Пустыньке, но на этот раз не смог. Переживал. 8 сентября 1990 года в 9 часов вечера у владыки опять был инсульт. В этот день его душа разлучилась с телом.

Иподиакон Иван Александрович Бородин рассказывал мне: «Перед смертью в Дубулты на даче владыка меня долго не отпускал, крепко держал мою правую руку, лежа в постели, и так тихо говорил, что я усиленно прислушивался. Давал мне напутствие: «Живи с Богом и будь предан Ему». Дал устное завещание: «Я хотел бы, чтобы дом, где я жил в Асари, был тебе». В этом доме был устроен домашний храм на втором этаже, где владыка любил молиться. Я тоже там бывал и в этот храм привез в дар владыке икону мученика Леонида, младенца, брошенного в огонь, икону написал архимандрит Зинов по моей просьбе. В этом храме часто сослужили владыке ныне покойный протоиерей Борис Голубкин, протоиерей Леонид Морозов, диакон Василий Санников, иподиакон Иван Александрович Бородин.

Отпевание владыки было совершено 11 сентября в Риге в Троицком соборе Свято-Троице-Сергиева монастыря при большом стечении верующих. Многие стояли на улице и через раскрытые двери слышали пение. Хор пел очень хорошо. Пришли на отпевание двенадцать семинаристов – католиков. Они встали полукругом в изголовье владыки в черных сутанах и чистыми отрешенными голосами спели на латинском языке псалмы. Пели молитвенно, от сердца, в благоговейной тишине. Все слушающие прослезились.

Это был их дар владыке, которого они очень уважали и даже просили его преподавать у них в католической семинарии. Владыка часто бывал на приемах в семинарии, приглашался на трапезу.

Чин отпевания был совершен архиепископом Курским и Белгородским Ювеналием в сослужении епископа Подольского Виктора и епископа Даугавпилсского Александра. Погребен владыка в Спасо-Преображенской Пустыни (Валгунда) под Елгавой у алтаря Преображенского храма.

У владыки Леонида были удивительные отношения с духовником Пустыни архимандритом Таврионом. Всем было видно, какая у них взаимная искренняя любовь.

Однажды в храме на празднике Преображения Господня в Пустыне отец Таврион стоял, как полагается перед архиереем, но владыка Леонид всячески старался уступить ему честь первенства на

службе. Был такой момент. После чтения Евангелия владыка протянул руку в сторону отца Тавриона, что было знаком: «Скажите слово». Старец поклонился ему и протянул обе руки, тем самым попросил, чтобы владыка сказал проповедь. Владыка улыбнулся только кончиками губ, смиренно выйдя, сказал слово.

Всем стало ясно, что между ними были взаимная приязнь, почтение и любовь.

И не случайно, что в Пустыньке они покоятся рядом.

Незадолго до кончины владыки моя сестра Раиса видела сон. Владыка стоял с ней рядом и вдруг стал очень высокого роста, у него был величественный вид. Сестра во сне думает: «Может быть, владыка патриархом станет?»

Узнав о кончине владыки, она вспомнила и рассказала мне этот сон, как знак, что он уже собирался перейти из этой жизни.

А духовная дочь протоиерея Александра Меня, побывавшая у него накануне его гибели, во время беседы услышала от него: «Скоро владыка Леонид умрет, и вам всем будет очень трудно». Рассказывая об этом, она вспомнила, что удивилась этим словам. Оказалось, что о. Александр предсказал близкую кончину владыки, – беседа происходила днем 8-го сентября 1990 г.

Помню, как мне с горечью говорили некоторые клирики: «Как же мы не понимали, что у нас было такое сокровище. Мы считали, что так и должно быть. И только тогда, когда не стало владыки, мы поняли, кого мы потеряли».

Владыка Леонид был духовно одаренным архипастырем; одна из прихожанок сказала, что владыка даже стареет красиво. Как светел и священнически благодатен был его облик.

После службы владыка обычно приглашал сослужащих ему к столу. Его стол был простым и скромным. Келейница монахиня Марфа подавала рыбу с картофелем, цветную капусту, которую любил владыка, щи, гречневую кашу. Келейнице владыки помогала монахиня Илария, которая в свое время готовила для владыки – мученика Иоанна Поммера на его даче в Озолкальне.

Владыка утром никогда ничего не ел, даже если не служил. Возьмет кусочек антидора, выпьет святой воды. Любил выпить

стакан черного кофе, в непостные дни со сливками. Кофе предпочитал молотый. В течение дня ел сухие фрукты – изюм, чернослив, курагу. В посту все это всегда стояло на столе. Вечером пил чай со свежими рогадиками.

Он был настолько скромен в еде, что смущался, когда устраивали для него на приходах роскошные трапезы. Он говорил: «Я – монах и для меня картошки и винегрета достаточно. Зачем вы приготовили столько дорогих блюд?»

Он еще говорил, что епископ не должен объедать епархию.

В общении владыка всегда был очень скромен и доброжелателен. Как-то после исповеди в монастыре иподиакон, как обычно, позвал меня к нему на чай. Владыка вдруг встал из-за стола и куда-то пошел; вскоре я услышал звон посуды, обернувшись, увидел его, стоящего на коленях у буфета и выбирающего тарелку. Я быстро подошел, чтобы помочь. Но он мягко отклонил мою просьбу, сказав: «Нет, нет, я тоже должен послужить». Такое отношение к людям я видел и у владыки Антония Сурожского. Подобный же образ смиренного владыки я видел в бенедиктинском монастыре в Шеветони (Бельгия). Католический епископ после Евхаристии, после трапезы надел сатиновый халат и мыл пол в вестибюле монастыря, где бывает много паломников и посетителей.

В один из дней рождения владыки я приехал в монастырь исповедовать сестер, так как я, по его благословению, был назначен духовником Рижского женского монастыря. Только после окончания исповеди я смог пойти к владыке. Его уже все поздравили, и вот я, наконец, присоединяюсь к поздравителям. Владыка был очень утомлен и на мое извинение о его утруждении очень тепло сказал: «Двери моего сердца всегда открыты вам».

По моим наблюдениям, владыка не жаловал наущничества. Если кого-то пытались очернить, то он спокойно говорил: «Весьма достойный человек, весьма». И, естественно, пристыженный наущник немедленно исчезал.

Владыка любил юмор. Шутил всегда с серьезным лицом. В один из осенних епархиальных объездов он обедал в нашем доме. Входя, он сказал моей сестре, встречавшей его с хлебом и солью:

«Мамонтов не хочет меня кормить». На что сестра ответила: «Не беспокойтесь, владыка, Вас Моисеевы покормят».

Анастасия Ивановна Цветаева, зная владыку по моим рассказам, имела к нему глубокое уважение. Она передала ему через меня свои «Воспоминания» с теплой дарственной надписью.

Книгу он принял с искренней благодарностью, и она хранилась в его большой библиотеке. А меня благословил на духовное творчество. С того времени я стараюсь исполнять его завет. В вышедшей в Москве моей книге «Сердце пустыни» (2001 г.) о трех старцах – схииеримандрите Косме (Смирнове), архимандрите Таврионе (Батозском), архимандрите Серафиме (Тяпочкине) отмечено это: «По благословению Высокопреосвященнейшего Леонида, митрополита Рижского и Латвийского».

Я знал, что Аркадий Райкин был одноклассником владыки, и они сохранили дружбу на всю жизнь. Иногда он приезжал на отдых к владыке. Однажды я спросил владыку: «Об Аркадии можно молиться?» Он ответил: «Можно».

Владыка Леонид был открыт людям всех конфессий. Он встречался не с конфессией, а с человеком, образом Божиим, который имеется в каждом из нас. Любил общаться с покойным кардиналом Вайводсом, с лютеранским епископом Турсом. На официальных приемах у владыки были представители разных конфессий – католики, лютеране, баптисты, старообрядцы. Однажды на прием пришел раввин из хоральной еврейской синагоги. В то время приехал из Нью-Йорка главный раввин. Приглашая владыку, он сказал: «Меня и Вас ждут в синагоге».

Уполномоченный по делам религии, находившийся на приеме, пояснил владыке: «Знаете, нет согласования о том, чтобы Вы посетили синагогу». Потом сказал переводчице: «Можете с Бородиным (иподиакonom) туда его привезти». Владыка приехал. В синагоге было много молящихся. Раввин говорил на английском языке, его слово переводили на русский. Владыка внимательно выслушал проповедь.

В 1989 году владыка Леонид принимал в Риге архиепископа парижского, кардинала Жана-Мари Люстиже.

Могила митрополита Леонида у алтаря Спасо—Преображенского храма в Пустыньке.

В 1978 году владыку посетил Святейший патриарх всея Грузии Блаженнейший Илия II. «Я прибыл к Вам как ученик к учителю», — сказал католикос-патриарх после торжественного молебна в Рижском кафедральном соборе.

Владыка поддерживал открытие в Латвии школ национальных меньшинств, в 1989 году послал поздравительную телеграмму директору Рижской еврейской школы в связи с ее открытием.

Апостол Павел в своем послании дал образ истинного архипастыря Церкви Христовой: «Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес» (Евр 7:26).

Владыка Леонид всей жизнью воплотил этот образ, с мужеством и любовью ради нас и нашего ради спасения пронес свой крест вечной жизни.

«ВСТУПЛЕНИЕ В СВЕТ»
Из писем сестры Иоанны
(Юлии Николаевны Рейтлингер) Эллы Семенцовой

О КРУГОВОЙ ПОРУКЕ ДУХА

Отрывки из писем Ю. Н. Рейтлингер (в монашестве сестры Иоанны) к Элле Львовне Семенцовой (с 1983 г. по мужу Лаевской, 1942–1997) продолжают публикацию эпистолярного наследия¹ поразительной иконописицы, духовной дочери отца Сергия Булгакова (с 1918 по 1944) и отца Александра Меня (с 1973 по 1988). Распределенная после репатриации на жительство в Ташкент, она не только освоила среднеазиатскую духовную пустыню (обросла разновозрастной средой общения), но и поддерживала регулярную связь с московско-питерским кругом, который тянулся еще из дореволюционной России и из эмиграции. Этот круг постоянно расширялся благодаря общине отца Андрея Сергеенко, молодежи, получавшей духовную поддержку в доме Ведерниковых, а затем прихожанам о. Александра Меня. К этой же духовной среде обитания принадлежала и Элла.

Родители Эллы были музыкантами: мама – пианистка, всю жизнь учила детишек игре на фортепьяно, папа – скрипач Светлановского оркестра. Неверующие. Евреи. В 1965–66 гг. Элла закончила искусствоведческое отделение исторического факультета Московского университета, затем было несколько мест работы, в том числе – Третьяковская галерея, Исторический музей, филиал ГИМа – церковь Троицы в Никитниках (экскурсовод). Наконец, в 1971 г. Элла была зачислена в штат Института искусствознания (тогда еще Институт истории искусств), где могла в полной мере заниматься научной работой в сфере, особенно ее интересовав-

¹ Умное небо: Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер). М., Фонд имени Александра Меня, 2002. Сестра Иоанна. Из писем к московской молодежи // Вестник РХД, 1988 г., № 154. С. 198–201.

шей, – искусство Древнего мира. К этому времени она пережила религиозный кризис, крестилась с именем Елена. Это произошло в сентябре 1969 г. в Александрове, в доме протоиерея Андрея Сергеенко.

Андрей Александрович Сергеенко (1902 – 17 декабря 1973) детство провел в Киеве. Эмигрировал, вероятно, с врангелевскими частями из Крыма в ноябре 1920 г. По легенде, в составе санитарной части 1-го Армейского корпуса. Учился в Пражском университете, затем был вольнослушателем в Сорбонне. В 1928 г., студентом Свято-Сергиевского Богословского института (Париж, выпуск 1931 г.) был рукоположен митрополитом Евлогием во иерея. В 1929 г. владыка назначил о. Андрея, священника «незаурядного <...>, склонного к мистической жизни», но и «деятельного работника»², настоятелем только что построенного храма св. Иоанна Воина в Медоне.³ Именно о. Андрей выбрал для росписи храма оригинальную в своем творчестве Ю. Н. Рейтлингер. Он знал ее по выставкам Общества «Икона» и по воссозданной ею в 1929 г. иконографии XVI в. «Не рыдай Мене, Мати», названной «Русской Пьетой». Не всем понравились медонские «фрески» Юлии Николаевны: *«Старики ворчали: «Мы в изгнании ведем трудную жизнь, приходим в храм, чтобы забыться, зачем нам эта роспись?» Отец Андрей, конечно, возмущался таким отношением к храму и к росписи и поддерживал ее. Ел. Яковл. Браславская (в будущем – Ведерникова – познакомилась с ней впервые) помогала, чем могла»*⁴. Это строки из «Автобиографии» Ю. Н., они говорят о людях, ко-

² Митр. Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., Московский рабочий, 1994. С. 437–438.

³ Медон – городок в предместье Парижа (департамент Seine (Сены), который облюбовала русская эмиграция: жизнь здесь была гораздо дешевле столичной.

⁴ Сестра Иоанна (Рейтлингер). Автобиография // Умное небо: Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер). М., Фонд имени Александра Меня, 2002. С. 478.

торые с этой поры будут связаны нитями дружбы до конца своих дней.

Елена Яковлевна Браславская (1899 – 9 января 1982) среди многочисленных русских беженцев после революции оказалась за границей. Муж и отец ее детей Гоги и Аси – Михаил Гинзбург, был белым офицером. Елена Яковлевна рассталась с ним и вышла замуж за англичанина, пять лет жила в Англии. В 1930 году – она вновь в Париже, одна с двумя детьми. В этот кризисный момент своей жизни она впервые встретила с о. Андреем на отпевании родственницы. Подошла к нему сама. Он положил ей руку на голову: «Кто Вы?» – «Я еврейка.» – «Жду Вас в Медоне через неделю». С той поры она всегда рядом с о. Андреем, который крестил ее в реке Окс под Парижем. За ним она и в Россию вернулась...

Деятельность о. Андрея во Франции была весьма многообразна. Еще будучи студентом Богословского института, он – редактор Сергиевских листков (начали выходить 31 декабря 1927 г.) Главной целью этого издания было поддержание и распространение христианских знаний в помощь верующим. Молодой иерей построил скит для «людей, увлеченных идеалом монашества».⁵ Он существует до сих пор и стал знаменит фресками монаха-иконописца отца Григория Круга. О. Андрей организовал детский приют (человек на 40) и давал там уроки Закона Божия. Он вел миссионерскую работу с баптистами, изучал иврит и Тору для духовно-просветительской деятельности среди евреев. И в годы войны он спас многих из них: выдавал справки о крещении, прятал, снабжал деньгами. А Елена Яковлевна, надевшая желтую звезду, ходила по Парижу между впереди шествовавшим в рясе о. Андреем и замыкавшей матушкой Валерией Яковлевной.

С ноября 1945 г. в Медоне начал выходить церковный еженесячник «Духовные беседы» с благословения митр. Евлогия и под редакцией о. Андрея Сергеенко.

⁵ Митр. Евлогий. Путь моей жизни. М., Московский рабочий, 1994. С. 438.

Будучи с 1945 г. в подчинении Московской патриархии, о. Андрей стал в 1946 г. членом Епархиального совета Экзархата западноевропейских русских церквей, а в 1947 г. редактором первых номеров Вестника Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. В это же время он преподавал литургику на пастырских курсах Экзархата.

В феврале – апреле 1947 г. о. Андрей был в составе делегации Западноевропейского Экзархата в СССР. Эта поездка была «подверстана» советскими властями к празднованию 800-летия Москвы и имела целью изобразить Западу «человеческое», веротерпимое лицо кремлевского режима.

В 1948 г. о. Андрея пригласили на Московское совещание глав и представителей поместных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Оно состоялось в июле. После этого совещания о. Андрей во Францию уже не вернулся.

На Родине о. Андрей был назначен в Ленинградскую духовную академию преподавателем догматического, пастырского и нравственного богословия и древнееврейского языка. За сочинение о старокатоличестве он получил в 1955 г. степень кандидата богословия. А в 1958 г. началось новое обострение государственно-церковных отношений, связанное с желанием Хрущева не только разоблачить культ личности Сталина, но и культовую жизнь вообще. Прокатившиеся по всей стране гонения на Церковь для о. Андрея вылились в удаление его из Ленинграда и назначение приходским священником сначала в Иваново (настоятелем кафедрального Свято-Преображенского собора), затем в Горький и, наконец, в Александров. Какое-то время он служил в Троицком соборе, затем был отправлен за штат. В этом городе он с матушкой прожил до конца своих дней. В 1966 г. о. Андрея вернули к преподаванию уже в Московской духовной семинарии, а затем и в Академии, где он до самой кончины вел курсы нравственного и догматического богословия и историю западных исповеданий. В 1969 г. он защитил магистерскую диссертацию «Старокатоличество. История и основные положения» и был утвержден в должности профессора Академии.

Вот с такой биографией человек встречал в Александрове людей, нуждающихся в духовной поддержке. Большею частью они присылались Еленой Яковлевной, которая тоже вернулась в Россию году в 1955. Остановилась в Москве у брата. Ее познакомили с А. В. Ведерниковым, тогда ответственным секретарем журнала «Московская Патриархия», и вскоре они поженились.

Анатолий Васильевич Ведерников (1901 – 30 октября 1992) в начале 1920-х годов закончил Институт слова, где профессорами были Н. А. Бердяев, протоиерей Александр Глаголев, Г. Г. Шпет, С. Л. Франк etc., многих из которых он и провожал в 1922 г. из России. Во время войны его, с маленьким сыном Колей, бросила жена. Анатолий Васильевич тогда работал при Московской консерватории, а Коля⁶ учился в музыкальной школе по классу скрипки. Мобилизация миновала Анатолия Васильевича чудом. Когда в 1943 г. был избран Патриарх (митрополит Сергей Страгородский) и начали функционировать Академия и Издательство Московской Патриархии, он стал на развалинах налаживать издание Журнала Московской Патриархии и сделался его многолетним ответственным секретарем. (Как потом вспоминал о. Александр Мень, именно благодаря Анатолию Васильевичу он получил возможность с 1959 г. печатать свои статьи в ЖМП, а затем, с 1960 г., и главы «Сына Человеческого».) А. В. Ведерников был инспектором Московской Духовной Семинарии, читал курс истории русской религиозной мысли в Академии, которая после войны помещалась в Новодевичьем монастыре. Долгие годы он был референтом митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (одновременно управляющего делами Московской Патриархии и председателя Учебного комитета)⁷. А. В. Ведерников был близким человеком патриарху Алексию I (Симанскому, 1876-1970). Ему патриарх рассказал о событиях ночной встречи Сталина 4 сентября 1943 г. с ним и митрополитами Сергием и Николаем (Ярушевичем) на предмет устройства в СССР патриаршества.

⁶ Протоиерей Николай, служащий в храме св. Иоанна Воина, что на Якиманке.

⁷ Нынешний патриарх Алексий II.

В доме Ведерниковых, начиная с 1959 г., стала бывать и сестра Иоанна, когда летом приезжала из Ташкента в Москву. Именно тогда Елена Яковлевна, сама пробовавшая писать иконы (она даже училась у о. Григория Круга), вернула к иконописи Юлию Николаевну, у которой в этом был большой перерыв: долгие годы в ЧССР ее мастерство в русле православной иконы не было востребовано. Елена Яковлевна сначала просила поправить свои иконы, потом что-то дописать, а затем Юлия Николаевна разохотилась сама.

У Ведерниковых в разных сочетаниях находили внимание как не уезжавшие остатки христианской интеллигенции старшего поколения (А. Э. Краснов-Левитин, Н. А. Павлович, А. Ф. Лосев), чудом возникшее среднее (Н. А. Иофан, С. С. Аверинцев, К. Г. Кириченко, Е. Л. и Т. Л. Майданович, И. Б. Роднянская, Ю. М. Эдельштейн), так и неофитные мальчики-девочки, ставшие потом известными и неизвестными священниками, писателями, учеными, реставраторами, искусствоведами. Атмосфера дома Ведерниковых была особенная: уже не существовало разницы характеров, профессий, учености – все были близки одним, через Него. Поэтому в этом доме так легко говорилось, елось, молчалось. Проходили головная и сердечные боли, напряжение.

Небольшая, но с высоченными потолками комната в Плотниковом переулке была перегорожена стеллажами и таким образом разделена на две половины: «гостиную», где главное место занимал круглый стол, и закуток Елены Яковлевны – «девичью». За столом шел общий духовно-интеллектуальный разговор с трапезой. В «девичьей» происходили посиделки только с Е. Я. Сколько личных драм и радостей девочек и мальчиков прошло через ее сердце!

Элла попала к Ведерниковым, вероятно, через Киру Георгиевну Тихомирову, однокурсницу, старшую по возрасту, авторитетного друга и наставника. Кира была верующей, хотя крестилась поздно, в 1961 г.⁸ Потом состоялось знакомство Эллы с о. Андреем.

⁸ Кира Георгиевна из семьи известного историка Михаила Николаевича Тихомирова (1893-1965). Вышла замуж за Вадима Васильевича Кириченко и долгие годы работала с ним вместе в Музее древнерусского

Тогда уже наладились поездки в Александров, где о. Андрей служил на дому Всенощную и Литургию. Естественно, это было запрещено. В том, как мы весело себя вели, когда останавливались в Александровской гостинице, что стояла напротив дома о. Андрея, был некий кураж антисоветского фрондерства. Но беседы на политические темы о. Андрей не поддерживал. Внутри Александровской общины была теплота родственных отношений, но были и какие-то трения. Элле не всегда хотелось существовать коллективно и открыто, отголоски этих неудобств звучали в разговорах с с. Иоанной, а строки из дневника Эллы передают реакцию монахини.

«6/VIII- 73 г. 23.10

Про Александров (то, что я поняла после вчерашнего разговора с Юлией Николаевной): кроме главного, все остальное – для терпения. Ю. Н. сказала: «Вам приходится терпеть друг друга, как в монастыре. <...> Оценится, когда отнимется. Нельзя бросаться не только Александровом, но и окружающими. Терпение и любовь... Любовь – почти недосыгаемое, а терпение возможно, при молитве и помощи».

Сублимированная оценка о. Андрея звучит в строках дневника Эллы уже после его смерти:

«24/III – 1974 г.

Отец Андрей стоит у начала моей христианской дороги как эталон, как наглядный и высокий пример ч е л о в е к а. Я не была с ним близка, я не знала его в расчлененности и в его тончайших особенностях. Он вообще мало раскрывался во вне. Он был дан как образец, как образ, из которого каждый может черпать ему необходимое и для него пригодное»;

и через год, 1–5 апреля 1975 г.:

«Он был очень высок для меня тогда, я не дотянулась. И хотя он сделал из нечеловека, каким я пришла к нему, человека, я так и не знаю, как он это сделал».

искусства им. Андрея Рублева. У них двое сыновей. Кира Георгиевна – реставратор и иконописец. В 1970–80-е годы Кириченки жили очень бедно, поэтому Ю. Н. часто пересылала им краски и кисти.

То, что Элла попала в это реэмигрантское логово, было для нее подарком судьбы, как, впрочем, и для всех нас. Мы, живущие в удручающей атмосфере застойных лет, вдруг узнали через человеческое общение закваску ушедшей России, получили исторические ориентиры и географическое расширение: в лицах предстал исход русской интеллигенции и воинства, эмигрантские пути (Париж и Медон стали близкими городами), имена, запрещенные в СССР, сделались известными и, благодаря библиотекам о. Андрея и А. В. Ведерникова, изучаемыми.

Элла проходила муки поисков своей темы в искусствоведении. Ее всегда привлекала древность. Приход к вере и ее осмысление вывели ее на дорогу реконструкции религиозных оснований доисторического искусства и, в конечном итоге, к софиологии искусства. В лице Ю. Н. она нашла не только духовно помогающего ей человека, но и специалиста, понимающего всю проблематику взаимодействия искусства и веры, в иконописи решавшего те же задачи.

О. Андрей умер 17 декабря 1973 г. Встал вопрос о новом духовном руководителе. Характерна запись в дневнике Эллы, вновь после разговора с Ю. Н.

«19/V–75 г. 10.15 вечера.

Сегодня была у Юлии Николаевны. <...>

Нельзя столько чувства обрушивать на личность священника – за ней не видится Христос. Большие исповедоваться совсем чужим <...>, («подходит – не подходит» – это же не выбор невесты). Нигде в православии не сказано, что духовный отец обязателен. Есть – хорошо, нет – ну нет. <...>

Послушанием в миру не достигается личное преображение. Это механический момент, а надо свободное, личностное отношение. <...> желать монашества, послушания – это духовная гордыня, «духовная мечтательность», как сказала Ю. Н. (это – мечтательность о многом и не делать малого). Если нужно будет – дастся; а пока не дается – не надо ломаться и изыскивать. Важно думать о том конкретном, что предлагается. И во всем –

труд, во всем – аскетика, т.е. отсечение каких-то вещей. Без этого – пути нет».

А на сокровенное мечтание Эллы о христианском браке Ю. Н. парадоксально заметила: *«Брак – это мученичество, это несчастье (где Вы видели христианский брак?) Девство – это не только телесное сохранение, это – нерастраченность «вина души» (выражение Ю. Н.). Темперамент – это и хорошо, если его направить. Это тоже «вино души».*

В конце концов духовником Эллы стал о. Александр Мень. Все дороги вели к нему: дружеские отношения с Ведерниковыми, Юлией Николаевной, масштаб личности, соотносимый с о. Андреем. Под его духовным руководством Элла вырабатывала свой особенный научный путь – исследователя религиозной основы искусства. С другой стороны, она часто консультировала о. Александра по вопросам древней истории и культуры, тем самым помогая и ему в его трудах. Элле был по силам взгляд на мировой культурный процесс с высоты птичьего полета – общего замысла и общего постижения Творца. В ней была широта культурной эрудиции: от IV тысячелетия до н.э. – до Пушкина и русских символистов. Она профессионально занималась искусством Англии, Швеции, Норвегии и Палестины. В Библейско-Богословском институте им. апостола Андрея вела занятия по проблемам изобразительного творчества времени Великого переселения народов и раннего христианства. Ее первая и последняя книга «Мир мегалитов и мир керамики» (1997) была посвящена анализу духовного мироощущения доантичного человечества, выразившегося в большекаменном и гончарном искусстве, и доказательству того, что «с IV тысячелетия до н.э. восточный и западный варианты художественного развития существуют рядом, и в их взаимодействии и взаимоотталкивании появляется и исчезает, растворяется и возрождается в новом качестве единая творческая линия...» постижения Абсолюта.

Знакомство Эллы с Ю. Н. состоялось, судя по письмам, в 1970–1971 гг. Эпистолярная их связь не прекращалась до последних зрчих дней жизни Ю. Н. (1985 г.)

В Ташкент Ю. Н. приехала с семьей сестры. Екатерина Николаевна скоро потеряла мужа – Алексея Киста. Сначала жили все вместе, затем, в январе 1972 г., Ю. Н. получила отдельную однокомнатную квартиру на окраине города в массиве Юнус-Абад. В то время семья сестры состояла из сына Е. Н. – Александра Киста, его жены, внучки и внука. Сестры очень боялись своим происхождением повредить карьере Александра – он был талантливым физиком, ставшим впоследствии директором академического института. Поэтому и, конечно, не только поэтому в письмах соблюдались все законы конспирации: о. Александр Мень именовался Аликом, или Ал. Вл., или просто отцом, Елена Яковлевна Ведерникова – Е. Я., большая часть друзей помечалась известными Элле инициалами, иконы назывались подарками или фото. Кстати, Ю. Н. владела всеми этапами изготовления фотографий: «шелкала», проявляла и печатала сама, а потом посылала снимки Элле. Это – пейзажи, родственники и их собака.

В письмах из Ташкента – житейские и духовные реалии обеих корреспонденток. Юлия Николаевна и Элла разговаривают о путях искусства (в частности, Ю. Н. высказывает свою приверженность домонгольской иконописи, реализму до XV века, отстаивает допустимость психологизма в иконах нашего времени), об одиночестве (*«Одиночество надо как-то «взять» с другого конца, за «шиворот».* Тогда и с людьми потом хорошо, и опять в одиночество стремишься!» – советует Ю. Н.), передают вести о друзьях, обмениваются книжными впечатлениями (Элла часто посылала Ю. Н. стихи своих любимых поэтов: В. Иванова, О. Мандельштама, М. Волошина). Ю. Н. рассказывает историю своего пострига, тяжело переживает смерть собачки Чарли (вопрошает о бессмертии души животного), мучается вопросом несоответствия чистой жизни и наполненной страшными страданиями старости. Трогательны оправдания Ю. Н., что не написала «завещания»: не нашлось времени, т.к. опекала больных старушек. Бесконечны распоряжения Ю. Н. о передаче икон, каких-то вещей нуждающимся, ею вязанных изделий. Большое место занимают размышления о

молитве и заверения о молитвенной памяти. Характерен для Ю. Н. совет навыйкнуть в молитве: для этого совсем не обязательно специально молиться, достаточно «молитвенного вздоха». Очень часты выражения, подобные следующему: *«В[аши] настроения мне очень близки и понятны»*. Как духовно опытный человек Ю. Н. знает, как необходимо разделить с человеком его переживания. Она всякий раз настаивает на необходимости подниматься после очередного падения и не отчаиваться. По сути дела, весь пафос писем Ю. Н. в: *«Все трудно!.. «Царствие Божие нудится». Идите и идите! А я буду с вами!»*

Афористически звучат высказывания Ю. Н.: *«Святость вовсе не безгрешность», «в реализме жизни есть такая огромная правда и прелесть...», «вся жизнь только «стараюсь», «когда Вам очень плохо, – сейчас же думайте о других»*.

Драгоценны и поучительны сомнения самой Ю. Н., например, в отношении собственного творчества. Так об одной сделанной ею иконе она говорит: *«по заданию вдохновенна, но по выполнению – халтурна!! Это поймут только те, кто не только смотрел, как Вы, но и кисть в руках держал. И я так реально поняла все презрение ко мне моих худож[нических] врагов, вроде Успенского⁹ и т.д.»*, а в другом письме: о роке всего их рода – дилетантизме, однако с уверенностью: *«Но факт, что я и мастер, и халтурищик, и дилетант. И все же своего не отдам, и с Успенск[им], и даже Кругом, местом не поменяюсь!»* Это самооценка почти 80-летней, плохо видящей художницы.

Живя в далеком Ташкенте, Ю. Н. недостаток общения восполняла эпистолярно. И всегда настойчиво просила писать. Элла была, пожалуй, самой добросовестной ее корреспонденткой.

Наталья Белевцева

⁹ Л. А. Успенский (1902–1987), художник, иконописец Русского зарубежья. Работал в традиционной манере. Ю. Н. всегда с ним творчески полемизировала.

Р.С. Некоторые сокращения в письмах Юлии Николаевны раскрыты в квадратных скобках, а некоторые публикуются без изменения.

«2/X 71¹⁰

Итак, дорогая моя Элечка, пишу Вам обещанное письмо. Еще раз благодарю за Ваше. Очень понимаю Вашу любовь к Крыму и сравнение его с Грецией. Я в молодости тоже им увлекалась, когда меня туда занесла судьба, и жила я «у самого моря». Вспомнилась мне еще под впечатлением Вашего письма одна наша знакомая тех времен – впрочем, скорей именно не тех, а раньше, еще в Питере, но, попав в Крым, я еще больше ее поняла. В Питере – она была увлеченной ученицей проф. Зелинского и тоже была «вся в Греции». Создала такую группу приятельниц, которые жили тем же, но, конечно, она была вдохновительницей. Они ходили в греческих одеждах (древнегр[еческих], конечно) и танцевали древнегреч[еские] танцы. Конечно, не всегда они были в этих одеждах. Но в Крыму, на фоне пейзажа, напomin[ающего] Грецию, они были, вероятно, очень уместны.

Я-то в Крым попала, когда все это разрушилось, но т.к. у меня были друзья – соседи по имению с одной из них – то всегда слышала об этом разговоры. У них были ученицы совсем молодые (по этим танцам). Не обошлось без трагедии: одна из этих молоденьких учениц танцевала по вдохновению, замечательно была талантлива. И вот однажды она испугалась, что на нее больше не найдется это вдохновение – и покончила собой! Так нам рассказывали. Мы были еще очень молоды, но, помню, один раз нас пригласили на выступление этих учениц – очень было красиво. <...>

Стихи, котор[ые] Вы мне выписали, мне очень понравились. Прямо «пахнут» Крымом! Но скорей не приморским, а более глубоким. Кстати – потом мне однажды привелось съездить из Симферополя в Сюрень и Мангуб-Кале, это вроде Чуфут, по-моему.

¹⁰ Все письма находятся в архиве Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» – Фонд Ю. Н. Рейтлингер № 36, опись 2, ед. хр. 1 и 2. – Н. Б.

Там и остатки готского подземного города, и пещеры совсем древние – просто сплошной «запах истории», веков! Кстати – возвращаясь к воспоминаниям об «Эфигениях» (так мы их звали – этих 6-стерых девушек – они дружили больше по парам, но группа была в 6 человек) – главная их вдохновительница – Стеня Руднева <...>

<...> Вам все хотелось знать обо мне. <...> За 73 года жизни, чего только не было! И многое было шиворот навыворот – то, что у других в старости – у меня в молодости и наоборот немного даже. Но, в общем, все же линия одна, хотя пришлось-таки от нее отступить временно – воздух такой... Но слава Богу, теперь это позади... <...> В данное время, по-моему, в «воздухе» много утешительного, и мб. это сыграло известную роль, чтоб я вернулась к прежним интересам. Знаете ли Вы немного Шардэна?¹¹ Мне подарили кое-какие книги, и хотя я их еще не читала – только одну, маленькую – очень вдохновляет.

Дата на московском штемпеле: 9.11.71.

«Дорогая Элечка!

<...> Все это время я понемногу рисовала, это большое счастье, что будет дальше – не знаю, ведь мы знаем только прошлое – каждый настоящий момент через минуту превращается в прошлое. Стихотворение, переписанное Вами в письме, мне очень понравилось, я показала сестре – и ей также очень понравилось. Она, кстати, в свое время писала стихи, но знакомство (в 20-х годах) с Мар. Цветаевой ее совсем «убило» – и она перестала этим заниматься, преклоняясь перед талантом Марины. <...>

Кроме Шард[ена], которого понемногу больше узнаю (его надо изучать!) – прочла Мориака в переводе – «Избранное», кое-что не понравилось, другое – очень хорошо. Жаль, что не [в] оригинале, я не люблю переводы. А как Вы его воспринимаете? Что читали? <...>

¹¹ Тейяр де Шарден, Пьер (1881–1955), французский палеонтолог, философ, католический священник, теолог. Главная работа: «Феномен человека». В 1970-е годы ходила в самиздате. – Н. Б.

Для Ванечки я связала еще одну пару сапожек – голубую. Это больше подойдет. <...> Хочу опять сделать посылку, подарок о. А[лександру], книгу Тане Майд[анович], сапожки Ванечке и Жениному сынишке <...>»

Всем корреспондентам Ю. Н. хорошо известен ее странный ташкентский адрес: массив Юнус-Абад. Это окраина Ташкента. Ю. Н. туда переехала в начале 1972 года и стала жить отдельно от семьи сестры. Вот ее первые впечатления от новой квартиры.

«26/I 72

Дорогая Эллочка!

Спешу Вам сообщить свой новый адрес (на конверте). Когда я получила эту квартиру, мы ее еще не видели и были в ужасе, что так далеко от всего, что до ближайш[его] автобуса 25 мин. ходьбы по (сейчас – снег, и чудно, когда подмерзает, но когда тает – прямо вода!) либо непролазной грязи, либо по палящему солнцу, и стали вести переговоры с одним челов[еком], кот[орый] живет очень центрально, но, конечно, кварт[ира] так себе, и дико захламлена. Показали ему эту новую кварт[иру] и предложили – не обменяет ли (квартира прямо прекрасная!) Ему она понравилась (сестра его привезла на такси, в тот день была хорош[ая] погода, так что мб. он не очень себе отдал отчет о трудности сюда добираться. Это совсем новый микрорайон на пустырях (сейчас снег всюду кругом и даже очень красиво). Но ответа сразу не дал. Его кварт[ира] в старом домике, дико захламлена, но свой вход и т.д. (одноэтажный дом) и очень центрально. Теперь мы сами начинаем сомневаться – менять ли? Во всяком случае, сейчас о переезде не может быть речи, поживу здесь, а там решим.

Пока я совсем не страдаю от одиночества, а даже скорее наоборот – наслаждаюсь тем, что могу делать, что хочу, свободна от бесконечного мытья посуды за 6 человек и т.д. Мб. помогает то, что я все время очень занята – разбираю свои вещи, до которых не могла толком добраться в течение 4-х лет, любуюсь снегом, которым покрыто все кругом. А мб. мне это послано?.. и сейчас так

нужно... Очень трудно пока с магазинами, но обещают, что все понемногу будет. <...>

Следующее письмо начинается фотографией зимней безлистной ветки на фоне неба. Название написано на нотных линейках и предварено скрипичным ключом: «Зимняя музыка».

«10/XI 73

Дорогая моя Элечка!

<...> Когда увидите Наташу И[офан], скажите ей, что думаю о ней ежедневно, так же, как и о Вас, и как-то и Ваш и ея внутренний мир мне близок и по некотор[ым] В[ашим] словам во время наших бесед личных я представила себе главные трудности и их храню в сердце (думаю, что и ея). Писала я В[ам] о своем одиночестве. На него пожаловаться не могу, да и не хочу, путь свой я сама избрала давно-давно, без всякого опыта жизни, но с тем же опытом, каким живу и сейчас, и думаю, что оно, хоть порой бывает и тяжело, но во многом нужнее и лучше, и я его благословляю и стараюсь оправдать, т.к. ведь многим оно было бы желательно, и они его не имеют. Тяжело то, что из-за своей хронической болезни оно увеличено, часто не давая возможности даже нужного общения с людьми. Но ведь что самое нужное и мне и им?.. То я имею именно в одиночестве в лучшей возможности... К тому же часто общение напр[имер] с соседями – меня мало интересует, и болезнь меня освобождает от него. <...> Сейчас были праздники, очень не люблю всяких праздников, избегаю нос показывать на улицу, чтоб не видеть бегущих из магазина людей с бутылками, сидела дома, но все же эта атмосфера к[а]к-то невольно действует. <...> Вообще угнетает вся эта обстановка совр[еменной] жизни. А друзей, живущих содержательно, мало очень и к[а]к-то все меньше у меня. <...> Рисовала и кое-чего добилась (очень много скоблила, и это прекрасный выход для того настроения, о кот[ором] Вам писала – что не нужны наши произведения никому). Вот бы и Е. Я. должна была так же делать, я ей говорила. Но ей это труднее, т.к. она сама не знает заранее – к а к н е х у д о ж н и ц а – чего хочет. Когда светло (солнце у нас

почти всю осень) – рисую с утра, но не больше 2-х часов, а когда пасмурно – затемняю и занимаюсь фото-печатанием (над организацией затемнения много потрудились, т.к. по старости могу фото заниматься только с утра, а значит трудно затемнять). <...>»

5.12.73 – дата ташкентского штемпеля.

«Дорогая Элечка!

<...>О «Патмосе»¹² ни минуты не забывала, но как-то пока не могу вдохновиться, не вяжется у меня чувство, кот[орое] есть об этом, с тем изображ[ением], кот[орое] знаю... Надо подождать, выносить... М.б. что-ниб[удь] придет в голову. Вот напр[имер] 2 строчки об Ил[ие] («и не в ветре...» и т.д.) к[а]к-то меня вдохновили и я стала его рисовать, не знаю, что выйдет. <...>»

«21/XII 73

Дорогая Элечка!

Спасибо за письмо, получила вчера! Прямо в восторге от него! Во-перв[ых] все о Патмосе к[а]к раз соответствует моему восприятию, но мне было очень важно узнать, что именно это Вас интересует.»

Приписка на эту же тему:

«Ваше письмо не только подтвердило мои собственные мысли, но дало очень много толчков для дальнейших мыслей! Спасибо! Но не ждите шедевра! Старушка я! И все больше старею!»

Продолжение письма.

«С Н[овым] Г[одом] я Вас не поздравляю, т.к. я этого не делаю никому, просто сняла с себя лишнюю обузу условностей жизни, вероятно, по лени или нигилизму, т.к. у многих это все же внима-

¹² «Патмосом» Ю. Н. называет из конспиративных соображений икону «Иоанн Богослов, пишущий Откровение на острове Патмос». – Н. Б.

ние к людям и какие-то переключки друзей, но часто это создает большую суету, котор[ой] я избегаю, а не дает почти ничего в общении – краткий привет, а про то, чем люди заняты, к[а]к живут, здоровы ли даже – из этих поздравлений не узнаешь. Другое дело было, когда переживала очень интенсивно больш[ие] ц[ерковные] пр[аздники], но тогда заранее, так чтоб поздра[вление] пришло ко дню – не могла того ощутить, что ощущала в день, а тогда писать было уже вроде поздно. <...>»

17 декабря 1973 г. умер о. Андрей

«10/I 74

[*Вопрошание о Валерии Яковлевне (вдове о. Андрея) – Н. Б.*] Кто с ней? Как Ел. Як.? Боюсь, что после первого большого дух[овного] подъема от торжества смерти и похорон, кот[орый] я тоже в свое время пережила, у нее упадок. <...> Не знаю, что будут делать с библиотекой о. А[ндрея], но у него есть совсем маленькая книжечка об одном замечательном враче – докт[оре] Газе¹³, написана адвокатом Кони. Она меньше чем эта страничка, т.е. короче и совсем тонкая, в темном переплете. Она никому не нужна, а мне бы очень ее хотелось хоть на время иметь <...>».

«18/VIII 74 г.

<...> мне кажется, Вы Тэяра¹⁴ просто не знаете, может быть, и поэтому судите о его сухости. Некоторые его не любят за какую-то, по их словам, слишком большую «одержимость». Но, во всяком случае, по-моему, сравнивать их двоих (Ч. и Т.)¹⁵ совсем нет смысла. Они берут вещи совсем к[а]к бы в другом разрезе. Какой-то совсем другой тонус».

¹³ Гааз, Федор Петрович (1780-1863), российский врач-гуманист. Как главный врач московских тюрем (с 1828) добился улучшения содержания заключенных, организации тюремной больницы (1832), школ для детей арестантов. – Н. Б.

¹⁴ Тейяр де Шарден. – Н. Б.

¹⁵ Честертон (?) и Тейяр. – Н. Б.

«18/X 74

<...> К[а]к странно – я никогда не любила болгарские иконы, и пожалуй, и продолжаю не любить, но после Вашего (я-то ведь там не была!) путешествия – книга, кот[орую] Вы мне давно подарили – для меня ожила, и Бояны к[а]к-то стали мне очень нужны.<...>

«27/X 74

Эллечка, моя дорогая!

<...> В[аши] настроения мне очень близки и понятны, это все наше человеческое, общее всем. Главное – не отчаиваться! Помните к[а]к в отечнике: «авва! я пал!» – «встань и иди опять!» «авва, я опять пал!» – «встань и иди опять!» Это главное, главное! Еще про 2-х других, кот[орые] вышли из м[онасты]ря и оба согрешили. Но один – решил «идти дальше» в смысле духовном, и главное не отчаиваться, а другой – вот значит, какой я плохой, никуда не го-жусь, и покатился все ниже и ниже – и пропал. Это почти притча обо всех нас, к[а]к мы себя презираем за все наши отступления от того, что считаем правильным, к[а]к мечемся, к[а]к становимся себе противны, а вот тут-то и надо молиться и «идти», а мы хотим быть собой довольны, да еще чтоб люди нас хвалили и любили. Вот!

<...> Все трудно! ... «Ц[арствие] Б[ожие] нудится». Идите и идите! А я буду с вами!»

«1/XI 74

<...> завтра, в суб[боту], поминальн[ый] день, и значит в нашем хр[аме] весь хр[ам] будет уставлен столами с булками, рисом и проч. «кутьями», что я совершенно не переносу, и конечно не поеду (бывает ли это также и в М[оскве]? Я это здесь только, и именно там, где выбрала себе подход[ящего] мне бат[юшку] и вообще атмосфер[у], не знаю – есть ли это в других, впервые за всю жизнь встретила! <...> мне о. Ал. советовал почаще причащ[аться], а я из этого сама себе сделала вывод, что для этого (если хоть раз в месяц) надо посещать литург[ию], чтоб была этим некая подготовка к таинству, и его более частое переживание. Впрочем, знаю по опыту,

что сколько бы мы не готовились и к таинству, и к молитве даже – мы всегда снова и снова не готовы и пусты! <...> будние утра – священное время для рисования! <...> отец [Александр – Н. Б.] просил сделать небольшую серию, и к ней в эту посылку я включить хотела (уже сделала) Сер[афима] Сар[овского] Олиной знакомой и по собственной инициативе – подарок отцу на ту же тему, что делала первую (не последн[ую]) Анд[рею] Ал[ександровичу]¹⁶ – она тоже у Вас. Задумала с больш[им] вдохновением, компоновала также, все без очков, писала и была очень собой довольна! А к[а]к дошло дело до деталей – так все пошло прахом, и так собой недовольна, что не знаю, что и делать. Но больше ни одной линии решила не делать т.к. надо чтоб 5–6 дней сохло, потом – олифа, потом и она должна сохнуть, а он ждет свою серию, и получается, что вместо сюрприза выходит – обман, я его обманываю, что так долго не посылаю!! А между тем вся халтурность всей моей жизни на меня навалилась, ведь и та, что у Катеньки – хоть по заданию вдохновенна, но по выполнению – халтурна!! Это поймут только те, кто не только смотрел, к[а]к Вы, но и кисть в руках держал. И я так реально поняла все презрение ко мне моих худож[нических] врагов, вроде Успенского и т.д. Ну, вот, и с этим недовольством собой все равно надо продолжать жить, а мб. к[а]к Е. Я, – сойти со сцены? А отец-то к[а]к раз только начал «просить»!! <...>

Самое главное в вопросе о мол[ит]ве конечно то, что и темные силы определенно делают все, что б нас отвратить от этого, и второе – что мы себя обманываем в счете времени!! У о. А[лександра] Ельчан[инова] есть один такой совет – посвятить одну минуту! Ну, если мы можем – 5 минут! Если бы мы посмотрели на часы – то эта минута или эти 5 мин. длились бы без конца! А нам все кажется – что «нет времени». Еще по своему старческому опыту знаю, что лучше не откладывать до последней минуты перед сном, когда уже все в голове путается, а заранее посвятить – вот так, к[а]к пишу выше, этому ну, хоть 1 или 3 минуты, пока голова светлая. Что касается казенщины – то, во-перв[ых], если есть свои слова –

¹⁶ О. Андрей Сергеенко. – Н. Б.

то это прекрасно! Лучше быть не может! И надо всегда этим пользоваться! Но ведь это не всегда бывает. И тогда «казенщина» помогает просто, к[а]к форма для этого «занятия». А если слова этих молитв (чужих и старых) не переживаешь достаточно внимательно, то отец мне недавно говорил, что это ничего – что даже такая молитва имеет силу, и приводил слова (говор[ил] так: мол[итва] даже рассеянная имеет силу, слова попадают помимо сознания в глубину духа.) А Каррель, известн[ый] медик: «даже когда молитва слаба и состоит главн[ым] образ[ом] из механических повторений фраз, она оказывает влияние на поведение, ибо она усиливает в человеке чувство священного и нравственное чувство». Главная наша беда, что мы отделяем жизнь от молитвы, что не молимся хоть одним вздохом, среди гуши нашей жизни, перед и во время кажд[ого] нашего дела и даже разговора, а все откладываем на «правило» утренн[их] и вечерн[их] молитв. <...>

Вот у католиков все это разложено по полочкам, классифицировано – где meditation, где oraison и т.д. У нас этого нет, по существу-то в общей каше – есть: есть просто молитвен[ый] вздох, есть «память Божия», есть «богомыслие» – и не надо бояться, что часто одно заменяет другое, и мы считаем, что «мы не молимся». А по существу-то мб. и молимся? Знаете, к[а]к в бессоннице – часто кажется, что все еще не спишь, а оказывается – уже спишь! Так и тут – иногда думаешь, что не молишься, а на самом деле одна уже минутная память о Б[оге] или взывание к Нему – уже больше многих мол[итвосло]вий. А что темн[ые] силы непрерывно нас от этого отвлекают – это безусловно верно!»

«17/XI 74

<...> На днях собираюсь, наконец, послать посылку подарков мною исполненных по просьбе отца. Но я, грешным делом, задумала сделать и ему самому подарок на ту тему, кот[орую] делала первую, что у Вас теперь <...>, конечно в новой трактовке. Это, к[а]к я вам кажется уже писала, сильно задержало посылку его просьб, но я не могла отказаться от своего желания сделать ему это – так что вышло вместо сюрприза – обман!! <...>

Что касается Лариной просьбы, то <...> предполагаю завтра же (и уже начала вчера – распилила сама, не очень удачно, загрунтованную доску, и компоновала: решила сделать Касперовскую <...>, а на полях – Ал[ександр] Нев[ский] и Фамарь) начинать писать. Если мне к концу недели удастся ее закончить, потом дней 5 на высыхание (олифить сразу нельзя!), потом – олифа, потом сохнет олифа – то недели через 3 мб. ее и получите.<...> не можете ли В[ы] сами отвезти все к отцу? <...> – Вы увидите, к[а]к он отреагирует, тут для меня через Вас, которая так понимает мою работу, была бы какая-то флюида и т.д. <...> А мб. это не важно! И важнее – другое... Ел. Як. меня все пугает, что у него нет вкуса, а я ей отвечаю, что во 1) я делаю не «ему», а «вообще», во 2) думаю, что в этом смысле он в состоянии становления и мб. в этом «я» немного «его» буду вести. Или к[а]к бы «сотрудничество».

<...> очень меня огорчает то, что пишете о Нат[аше]! Неужели мы все вместе не можем ее спасти?! Впрочем – жизнь трагична, о! к[а]к трагична! И к[а]к мы и сильные, и бессильны!...

Сколько вокруг трагедий, то у одних, то у других, т.к. что сердце болит за всех... Сейчас еще за наших деток – умерла наша дорогая собачка Чарли, это горе для них большое, и не только для них – и я, а особенно сестра, очень его любили, к[а]к-то совсем пусто без него будет. Помните, я вам его фото посылала и писала, что это самый ласковый член семьи. <...> Чарли 2 дня пропал, и потом пришел в ужасном виде – окровавленная голова, и умер, и его закопали. <...> я ведь этого Чарли даже изобразила, и внучку Катюшу (в голубом платье крайняя слева) и Андрюшу (впереди, где Чарли).

Мне так грустно, что трудно объяснить. <...> Мне очень трудно осмыслить религиозно это свое горе – даже хотелось бы спросить об этом отца? Мб. все-таки и напишу ему об этом! Но стыдно к[а]к-то!? Мне говорили, что он очень любит животных, отчасти потому я ему и затеяла этот свой подарок. Мб. он поймет меня и даст свое, к[а]к всегда, умное и уместное толкование. <...>

Мне говорили, что Берд[яев] говорил, что не мыслит рая без своего кота! Когда, бывало, Чарли тяжело болел – я даже решалась за него молиться. <...>

«21/XI 74

<...> А я все грущу о нашем псе, и к[а]к-то не нахожу, к[а]к это осмыслить с точки зр[ения] нашей веры. Но к[а]к только встану на молитву – так первая мысль о нем! Почему-то? Конечно, я живу одна, без впечатлений внешних, людей почти не вижу и потому очень впечатлительна. Но все же – что-то мне бы хотелось здесь понять! А сестра моя удивительно без всяких теорий просто с внуками, кот[орые] очень плакали, много говорила о душе Чарли, и они даже за него помолились! Она это сделала все так просто и непосредственно, и я почувствовала, что в этом большая правда. <...> А мать (внуков) сказала Катюше, что когда она вечером того дня возвращалась домой и выходила из авт[обуса] – она еще ничего не знала, что дома произошло – то она видела к[а]к бежал Чарли (а он в это время уже лежал закопанный в земле), и что это хороший признак – значит ему хорошо, так считается. (Она – уйгурка, мусульманка, без особых традиций, конечно, но меня очень тронул ея рассказ Катюше.) <...>

P.S. Элечка дорогая! Еще 2 слова – на Ваши «утешения» о моем недовольстве работой своей! Знаю я себя дов[ольно] хорошо. И знаю, что, несмотря на иногда интересные задания, все же во мне есть халтурщик в исполнении – и уж поздно (хоть и стараюсь немного!) себя преодолеть. Вот из всех последних работ в Люсином Алексее, в Вячеславе, в 103 псалме и, пожалуй, и в Вашем Патмосе – не было халтуры! В последнем была какая-то ошибка в самом задании – это уж от бездарности, что-то вышло, к[а]к большая миниатюра, а не икона – почему – я не могу понять, но халтуры – не было, а в Успении что-то сорвалось под конец, а вот в последн[ем] «Всяк[ое] Дых[ание]» – халтура в исполнении, но на такую вещь надо 2–3 месяца, а я спешила. Но, в общем, просто уж мое послушание, и унывать не приходится, есть ремесло. Да! В Преображ[ении] Олином тоже нет халтуры!»

«23/XI 74

Дорогая Элечка!

Сию минуту, вернувшись от своей слепой Н. Николаевны (а перед ней – храм, люблю по субботам, т.к. очень тихо и спокойно, народу совсем мало, к тому же наш транспорт таков, что лучше поменьше вылезать из дома, к тому же из хр[ама] ex press к[а]к раз прямо до нее, а ноги болят, хожу с палочкой, вот и сейчас легла, конечно, чтоб дать им отдых. По всей вероятности сочетание болезней – и отложение солей, и нервы, и ревмат[изм], и старая поломка – все сказывается на 8-ом десятке!) Получила Ваше письмо <...>. Пишу Вам сейчас, хотя мой эпистолярный день завтра, <...> т.к. поджидаю завтра с утра сестру <...>. И выходит, что я «помню день субботний» и по Ветх[ому] и по Нов[ому] Зав[ету]! Особенно соблюдаю второй, не позволяю себе ни шить, ни особенно возиться по хоз[яйст]ву, а т.к. в суб[боту] еду в хр[ам] вместо воскр[есенья] – выходит 2 «субботы», или, по современ[ному], 2 выходных!»

[Дальше о неудовлетворительной ситуации в одной семье – Н. Б.] «О. Андрей в таких случаях говорил мне, что главное молиться, и это очень, очень важно и верно. Мы всегда хотим что-то изменить в поведении наших ближних, а изменить можно только молитвой, и в чужую семейную жизнь лучше к[а]к можно меньше вмешиваться! А уж если, то только делом – там, где мы можем помочь, а не словом. <...> Помните, в чине венчания «святыя мученицы подвигом добрым подвизашеся, молитесь ко Господу спастися душам нашим» <...>!»

«1/XII 74

<...> я таки все же уже сшила Кире платье из той фланели (оч[ень] хорошей), что дала мне для этого Ел. Як. <...>. Совсем закончить его я боялась, чтоб что-нибудь не было впору (не такая я портниха, чтоб шить заглазно без примерки) <...>

Читаю я дов[ольно] мало: утро – рисую, после обеда почти всегда какое-то шитье, [нрзб.] хоз[яйст]во, слава Богу, что дело всегда есть, вечером – немного, но рано иду спать. <...>

P.S. Элечка, дорогая! Решила я отцу [Александр – Н. Б.] не писать о помрачении ума моей подруги, Вы сами понимаете, что поскольку я 26 лет ее уже не видела (а от переписки она отказалась, т.к. «все равно по-настоящему писать нельзя», а знала только внешние факты ее жизни из писем ее сестры), то весть о ее смерти, которую уже давно жду, для меня к[а]к-то не так остра, но вот факт этого помрачения ума и такого конца для такой праведницы воспринимаю ужасно, и к[а]к новую загадку и проблему и испытание веры – и очень бы хотела его об этом спросить, и его словечко для меня было бы большим утешением. <...> Она (м. Бланд[ина]) была исключительно тонкий человек, любимая дух[овная] дочь о. С[ергия]. Мы с ней все тогда вместе переживали, она была очень одаренная, писала о. С[ерги]ю замечательные письма со своими богословскими мыслями – он называл «эпистолярное богословие», постриглась (совсем, а не так, к[а]к я) вскоре после постр[ига] м. Марии. Что скажет отец?».

11.12. 74 – дата на ташкентском штемпеле.

«<...> надо и попросить помолиться, не расстраиваться неудачами, их всегда полно, утешаться к р у п и ц а м и знаете, к[а]к в песке золот[ые] крупы – другого и не может быть. И... «силоу берется», и все время падать и все снова вставать и т.д. <...> Главное – мол[ите]сь среди дня, среди искушений, а не только утр[ом] и веч[ером]. Чем чаще, тем лучше – хоть бы только «память Б[ога]», вздох, 2 слова, просьба о помощи и т.д. Вот и вступите в свет. <...>»

14.01.75 – дата на ташкентском штемпеле.

«Дорогая Элечка!

Сию минуту получила В[аше] письмо от 7/1, и тотчас отвечаю, хотя очень устала – и пишу лежа: с утра пришлось ехать в хр[ам], т.к. вчера ездила – и поцеловала замок, а откладывать боялась – уже пора (стараюсь раз в месяц главное [причастие – Н. Б.], а еженедельно – посещение) <...> Так вот о «чине». Это так наз[ываемый] первый постр[иг]. При нем никаких обетов не дают, «служ-

ба» заключается только в одной молитве, в котор[ой] говорится о том, что данное лицо имеет такое намерение, желание посв[ятить] себя Б[огу]. Это к[а]к бы искус. Наз[ывается] этот «чин» – послушница, послушничество. Оно не связывает никакими обетами, и после него даже можно при желании выйти замуж, если увидишь и признаешь выбор своего пути ошибочным. Поскольку раньше все это было связано с учрежден[иями], назыв[аемыми] монаст[ыря]-ми, там этот искус и проходил. Помните, мб. Вы читали, в ж[итии] преп. Сераф[има], к[а]к он Мотовил[ову] взял невесту из мон[асты]ря («к[а]к монастырка воспитана»). И я знала одну замужнюю хор[ошую] женщину, кот[орая] была в свое время послушн[ицей]. Но сейчас все иначе в том смысле, что учрежд[ений] мало и они во многом анахроничны, и удается все это провести без них – либо в тайном, либо – к[а]к было со мной – это было просто исключение: мне надо было добиться, чтоб я могла остаться делать свою худ[ожническую] работу + помогать семье о. С[ергия] по хозяйству. Но иногда даже при этом постр[иге] меняют имя (к[а]к было со мной) – это редко. Мб. в силу этого или по каким-либо другим причинам, но я пережила этот момент более чем значительно – просто к[а]к самый счастливый день своей жизни. Вот и все. И поскольку все это все меньше и меньше связано с учрежд[ениями] – могут быть бесконечные варианты, подсказанные биографией и творчеством жизни, и дух[овни]ка. Обязательства также решаются совместно с ним. Главное – послуш[ничество], но это очень растяжимое (и интересное!) понятие, о нем мб. лучше в другом письме. <...>

P.S. Что касается чисто биографически, то после смерти о. С[ергия] я моталась, о. А[ндрей] пытался (пока была физ[ическая] возможность этого) меня пригреть, но ни внутренне, ни внешне (мы были уже разлучены разн[ыми] странами) это мало выходило, а по многим причинам я даже совсем отходила от Ц[еркви]. Но этот опыт, по-моему, был не случаен, и мб. дал мне возможность понимать тех, кто «приходит» или «ищет».

«29/I 75

Дорогая моя Эллочка!

<...> Вы <...> теперь просите даты дней рожд[ений] и т.д. Не придаю значения первой (и мы с сестрой даже не празднуем) и сама никого не поздравляю с этим днем. <...> Иоанна – это Предтеча <...> и самый счастл[ивый] день был именно на Усекновение т. е. 29/VIII ст. ст. Но это опять-таки день сугубо постн[ый], и как обычные «именины» я его не праздную. Вообще должна сознаться, что празднование именин не люблю и у других! Суета! День рожд[ения] о. С[ергия] не знаю, день смерти – 13/VII н. ст. т.е. 30/VI ст. ст. – на след[ующий] день после П[етра] и П[авла], «соброр 12-ти апост[олов]». Именины его всегда праздновали 8/X нов. ст., т.е. 25/IX ст. ст., а не летом<...>»

«1/II 75

Моя дорогая Эллочка!

<...> Хотела более подробно дать вам картину (это уже «история» – 50 лет!) к[а]к сложились мои отн[ошения] с Ел. Як., мб. В[ам] это неясно. Когда она познакомилась с о. А[ндреєм], он ее никуда не пускал, и они жили в предместь¹⁷, я тогда ее еще не знала. Мы жили своей жизнью в П[ариже], они – своей, не общались. Потом я вздумала там делать роспись, и тогда там и бывала. А после смерти моего Отца – они пытались меня приглубить, но отчасти мы уже скоро жили в разн[ых] странах¹⁸, отчасти «замены» для меня не могло быть. Тут был мой период отхода вообще. Но основное [*причастие* – Н. Б.], когда было нужно – я все же от него [о. Андрея – Н. Б.] получала, но очень редко (потом уже, когда была физическая возможность).¹⁹ Потом я гостила у них в Переделк[ине], но настоящей дружбы с Ел. Як. у меня никогда не было <...>, хотя она была ко мне очень добра, и отношения прекрасные <...>

Что касается критики – то тут дело еще в том, что в этом рисовании может быть эстетическое направл[ение] в ущерб духов-

¹⁷ Медоне – Н. Б.

¹⁸ О. Андрей с 1948 г. – в СССР, Елена Яковлевна – в Берлине – Н. Б.

¹⁹ Когда приезжала в Москву из Ташкента – Н. Б.

н[ому], и вот к[а]к раз прошл[ым] летом я на нем себя поймала, и поэтому мне так много дали Бояны, домонгольск[ая] в Трет[ьяковке] и сдвиг, котор[ый] произошел у Волк-ва после его поездки в Киев и после этой домонгольской в Трет[ьяковке]. Сперва я даже с ним не соглашалась, а теперь вижу, что он был очень и очень прав. И эту зиму я очень много думаю о том реализме, кот[орый] был до 15-го века (а не после 17-го!!) и к нему чувствую себя (и нас вообще) ближе! Еще 2 года тому назад кто-то сказ[ал] про Дионисия, что он «эстет», не религиозен, и сейчас я все это переосмысливаю и хочу, чтоб Вы меня поняли. <...>

2/II

...Хочу Вам немного продолжить тему биографическую. Все началось с идеи «мон[ашеств]а в миру», это тогда носилось в воздухе и отец был этим также заряжен (было внутрен[нее] мон[ашес]кое направл[ение]). У меня даже нашлась партнерша для этих идей (хотя она не жила там, где я, но приезжала) и отец нас «посестрил» (потом она к сожал[ению] все же вышла замуж, у нее был сын, и умер трагически 8-ми лет, она сейчас в Л(енингра)де и ведет прямо подвижнический обр[аз] жизни – муж ее давно бросил и у него своя семья в Польше).²⁰ Была еще другая – тоже не выдержала, но теперь уже умерла. Давно все это было. Долго я в таком настр[оении] жила, а потом к[а]к-то стало мне трудно, к[а]к-то не было опоры, тут как раз был пример м. М[арии], котор[ый] произвел на меня впечатление, и вот с отцом решили, к[а]к он говорил, – «вырвать твой постриг из истор[ической] Ц[еркви]». Но жила я тогда в одном с семьей отца доме и помогала по хоз[яйств]у. Матушка его повредила ногу в Конст[антинопо]ле при переезде, и не справлялась. Вот наш мудрый м. Евлог[ий] сказал, что полн[ый] постр[иг] не подойдет для моего положения, т.к.. она (мат[ушка]) старая, а я молод[ая], и то что ж она меня «мать такая-то» будет величать – нехорошо. Но поскольку это для меня внутренне очень значит[ельно] – переименовал имя, что бывает при первом тоже. И

²⁰ Речь идет о Елене Ивановне Казимирчак-Полонской – Н. Б.

выбрал и день, и того св[ято]го, кот[орого] мы с отцом особенно чтили (знаете его книгу?). Все это было очень замечательно. Да, надо еще сказать, что перед этим, когда я начала к[а]к-то шататься, начинался у меня роман, и это особенно меня еще больше убедило, что нужно оформление. А Ел. Як. знала хорошо этого челов[ека], и ничего об этом не знала (только недавно это выяснилось, он теперь уже умер). <...> Но меня оставили жить там, где я жила, исполнять те же обязанности и заниматься иск[усст]вом. А моя дорогая м. Бл[андина] была больше связана с м. М[арией] <...>, но я была всегда на отлете и под крылышком отца, и с ними не жила. <...>»

«16/II 75

Дорогая моя Элечка!

Спасибо за письма! и за Макс[имилиана]²¹ Конечно это потрясает, и в основном все так, но я предубеждена против демагогии и иезуитства катол[иков]. Один раз я читала какую-то книгу о какой-то их праведнице, и они приводили записи ее дневников, и чтоб доказать, что она была вполне нормальна и здорова, в этих записях то и дело: «Santé!» Она сама про себя в дневнике пишет, что она здорова и все время упоминает об этом. Это до такой степени неестественно, что почти смешно! Зачем вообще засахаривать все, люди, а они особенно, любят. Вот даже и про м. М[арию] – то, что написал Хакель²², он пишет, что ее можно вроде святой считать, «хотя она была 2 раза замужем»!!! – во-первых – неужели это мешает? <...> Но ведь вообще-то святость вовсе не безгрешность. И в реализме жизни есть такая огромная правда и прелесть, а от засахаривания и от этих Сэн-Сюльпизских (это в Париже есть такой храм и около него целый квартал магазинов со всякими свящ[енными] статуэтками, от которых с души воротит, и Сэн-Сюльпиз сделался уже почти нарицательным мещанского вкуса, там даже продаются статуэтки Vierge и написано: “la Vable” (т.е. можно

²¹ Кольбе. – Н. Б.

²² Книга о. Сергия Гаккеля «Мать Мария». – Н. Б.

мыть) [*предложение не закончено – Н. Б.*] Ну, это я отвлеклась в сторону. Но, конечно, меня Макс[имилиан] потряс, и я очень В[ам] благодарна, что написали. Что касается В[ашего] письма о Дион[исии] и вообще размышлений на эту тему, то все это очень интересно, и В[ы] во многом правы, а я многое обострила. [*На обороте конверта от предыдущего письма Элла написала тезис ответа: «Дионисий твердо выработ[анная] иконогр[афия] – но внутри!» – Н. Б.*] Но вот в чем В[аша] ошибка – В[ы] думаете, что я с п е ц! А между тем я – увы! – дилетант! Хотя и в каком-то смысле – мастер, т.к. давно очень занимаюсь (опять-таки – с большим перерывом!) этим делом, практически. А теоретически – тоже, только потому, что я давно этим занимаюсь, но я никогда никакой истории иск[усств] не изучала <...> и ко всему подхожу только, к[а]к худ[ожни]к хотя бы в душе, а практически – дилетант: у индусов есть такое понятие «карма», это «судьба рода». И вот дилетантизм – карма нашего рода, и я его особенно в своей жизни осуществила, а сестра хоть и очень добросовестна (и не такой халтурщик, к[а]к я), но обстоятельства жизни ее все время выбивали из седла! Вот тебе и карма! Пока дов[ольно] об этом. Но факт, что я и мастер, и халтурщик, и дилетант. И все же своего не отдам, и с Успенск[им], и даже Кругом, местом не поменяюсь! <...>

Возвращаясь к Дион[исию] – конечно же В[ы] правы, что он не просто эстет – тут просто больше и меньше и т.д. <....>»

«23/II 75

Моя дорогая Элечка!

<...> как можно так ставить вопрос «все стараюсь – где же результат?» – вся жизнь только «стараюсь», все только крупички, не будем ни говорить, ни думать о результатах, а только «стараться»!»

18.09.75 – дата на ташкентском штемпеле.

«Дорогая Элечка!

<...> Очень тронул меня В[аш] вопрос – к[а]к я заново устраиваюсь на зиму! Мало у кого хватает воображения подумать об

этом. Спасибо! Слава Богу – в этом году к[а]к-то все прошло хорошо, правда я весной не поленилась все оставить в хорошем порядке и спрятать все чистое в шкаф (у меня ведь народные вышивки заменяют и мебель и шторы – все *style rustique* и очень к[а]к-то быстро, понемногу кажд[ый] день, все наладила. Да еще и, к[а]к видите, спешный подарок почти успела сделать за эти 9 дней, что приехала. Правда – к[а]к всегда сестричка оказала громадную услугу – привезла ту доску, кот[орую] я послала давно на ея адрес и гов[орила], что не спешно, ан вышло – спешно! И я с понед[ельника] 8/IX уже мочила клей и т.д.

P.S. Мне трудно говорить «во весь голос» об Израиле, т.к. я не в курсе современного употребления этого слова; сейчас есть какой-то жаргон в связи с политич[ескими] событиями, которых я почти не знаю; однако Нат. меня (мб. именно в связи с этим?) правильно одернула – когда я распространялась на эту тему – она сказала, что все это верно, но она не любит и не считает правильным какую-то «исключительность». Права ли она? Мб. – да, и мб. именно это должно быть, чтоб не перегибать палку в другую сторону. Однако – религиозно-исторически исключительность не вычеркнешь; однако – «несть эллин, ни иудей...» после Христа уже так».

«19/X 75

Элечка, моя дорогая!

<...> Ах! К[а]к бы хотелось с Вами посидеть!

Одиночество надо к[а]к-то «взять» с другого конца, за «шиворот». Тогда и с людьми потом хорошо, и опять в одиночество стремишься! А «внешние» дела, которыми В[ы] «спасаетесь» – презрительно об этом говоря – тоже вовсе не безразличная вещь, в них своя онтология, и в них тоже Бог! <...>

О ребенке – все же ищите главное: в чем воля Б[о]жия Вашей жизни. Цель только это. Помните – «жизнь для жизни нам дана, жизнь от Бога нам дана» – к[а]к Филарет отвечал Пушкину на его стихи «дар случайный, дар напрасный». Целую Ю. Р.»

27.10.75 – дата на ташкентском штемпеле.

«<...> Господь пришел нам помочь в этом заколдованном кругу, но не он его создал... А путь нам указал и указывает... Дай Вам Бог силы... У Вас большие данные идти тем путем, о котор[ом] говорит Алик! И сердце у Вас милующее, и с большими потенци-ями, чем только на свою семью, если бы она была... А кто знает – мб. еще и будет?!²³ <...>»

О том, почему написание «завещания» «не двинулось ни на шаг»: «А не двинулось «завещание» отчасти из-за посещений, против кот[орых] Вы возражаете, но я хочу объяснить – к[а]к они важны! 1 – слепая Н. Н., сами понимаете к[а]к нужно. 2 – наша хор[ошая] знакомая даже на 10 лет моложе меня, у кот[орой] был удар ле-том, парализована правая рука, но не очень сильно. Она – в от-чаянии, ее надо поддерживать, мы с сестрой делаем что можем, а посл[едний] месяц сестра не могла ездить к ней. 3 – очень одино-кая стар[ушка], моих лет постоянно болеет и изнемогает от одино-чества. То, что я даю – капля в море, но все же».

«2/XI 75

Дорогая моя Элечка!

<...> ворочая в голове и сердце В[ашу] проблему – у меня есть чувство, что в Вашем решении ея (предполагаемом) есть какая-то, к[а]к бы я сказала «моральная безвкусица» (даже отвлекаясь от тех решений, о кот. говорит Алик, те. об отношении к этому Ц[еркви]). Есть испытанный веками выход – о приемных детях. И в нем много правды. Иногда это даже к[а]к-то посылается Богом – кто ниб. из близких детей остается без родителей, и женщ[ина] берет их себе и усыновляет. В этом столько прекрасного, жертвен-ного, высокого. Иногда – особенно после войны – брали сирот из детдомов. Вот пока все, что могу сказать. Еще прибавлю – что м.б. есть еще какая-то воля Б[ога] о Вас в том положении, в котором вы сейчас находитесь и очутились?.. То, что такое (Ваше) решение вам подсказывало сердце к[а]к раз в моменты, к[а]к Вы пишете,

²³ Элла вышла замуж в 1983 г. – Н. Б.

особой В[ашей] близости к Б[огу] – это еще надо проверить! Впервые – не годится нам мерить, когда мы к Нему ближе или нет? Часто – это не Его голос, а наша самость. Впрочем – вы к[а]к раз пишете, что в лучшие минуты – Вы именно готовы на послушание и на отказ <...>. Так и слава Богу, что так! «Блаженны нищие духом, яко тех есть Ц[арство] Н[ебесное]!»! Благо вам!! От страданий и отказов не разваливаются, если все их приносить Богу. И не бойтесь, что пожалеете, что будет поздно – к[а]к раз для того выхода, о кот. я пишу выше – поздно не будет!

А «делаете» Вы жизнь «своими руками» и без того, и если Бог посылает все так, что отказываетесь от «своего» (его достаточно хватит!), то ведь это благо! «Не к тому живу аз, но живет во мне Христос»!

Что касается храма – очень и очень понимаю Вас. У нас с Аликом об этом отчасти даже переписка <...> Конечно его рассуждения – это то, что мы должны «говорить себе», чтоб «терпеть» этих старух и баб и т.д. Очень верные и интересные мысли. Но часто ум не приказывает сердцу. А вот сердцем – конечно первым делом (как всегда во всем!) не в лоб (искать выхода), а как-то обходом. Мне конечно вполне тут В[ам] советовать трудно, т.к. у меня все это еще осложняется глухотой. Но мб. мой совет – все же поможет. Вот я сейчас на себе испытала, что в наш[ем] хр[аме] неск[олько] случаев было, что ко мне вдруг проявили ласковое внимание. Меня это тронуло до слез, и вдруг эти люди к[а]к-то совсем перестали мне мешать. М.б. попробовать Вам к кому-то из них проявить внимание – и м.б. они Вам ответят тем же и перестанут быть для Вас мешающими старухами, а В[ы] найдете внутренне что-то общее с ними – в любви и предстоянии к Богу. Иногда – к[а]к к детям. Конечно – внешне, по-моему, надо искать всех способов, чтоб не мешало – становиться впереди и т.д. – у каждого свое. И укорять себя непрерывно на невозможности сосредоточиться – ведь все же это и наша вина!! А к ним – необходимо найти общее даже в их языке. Где-то читала, что когда дикарь молится идолу – он, в сущности, молится Единому Богу! Пишу то, что не достигнуто, но в порядке достижения!

«4/XI 75

Эллечка, дорогая!

<...> если обрести внутреннюю сосредоточенность, то ничто не мешает, а вот это и есть самое трудное. И опять таки, к[а]к во всякой нашей внутренней работе – борьба идет не в лоб, а победа дается к[а]к результат целого умонастроения. Заметили ли Вы, что бывает, когда к[а]к-то наполняешься духовно – то вдруг видишь и внешние вещи в ином свете. Душа наша попадает в какие-то иные планы бытия, и обретает какие-то иные глаза. Вот и при стоянии в храме. Мне кажется надо к[а]к можно глубже воспринимать символику литургии, и видеть всякими действиями их внутренний смысл, отвлекаясь от видимости. Для этого очень помогает прочесть и читать объяснение литург[ии]. Кажется есть оно у Гоголя, а также в известной книге «Н[ебо] на з[емле]». <...> Вот часто теперь думаю все на ту же тему о Ц[арствии] Н[ебесном]. К[а]к неверны эти категории наказаний и наград – блаженство (где-то было сказано, что Хр[истос] нигде не обещает счастье, а блаженство!) есть следствие, так же как и так называемый «ад». <...> Теперь перепишу одно из писем Алика на нашу тему <...> – ответ на то, что я ему написала, что в день Усекнов[ения] Гл[авы] И[оанна] Пр[едтечи] не иду в хр[ам], хотя день этот для меня особенно значителен – день пострига, день имен[ин], день нашего (неудавшегося!) сестричества, т.к. там будут столы с кутьями.

«... Увы, я так сочувствую Вам в ваших переживаниях «языческого» в наших храмовых торжествах. Но здесь есть один аспект, который не следует забывать. Сейчас дуют сильные и холодные ветры. Возможности выращивать много хрупких и прекрасных цветов почти нет. Весьма важно, чтоб хранились корни. А они – иррациональны, темны, народны, по-язычески грубы и чувственны. Однако всякая культура, в том числе и церковная, вырастает на этой почве. Будем же терпеливы. Пусть толкнутся, носят пироги в храм, пусть все это копошится: придет день, когда вновь поднимутся деревья, раскроются цветы и вызреют плоды. Корни всегда безобразны. Если бы остались одни цветы и плоды – они не долго бы выжили. Люди только устроенные плохо выживают в таких

обстоятельствах (я имею в виду нечто массовое. Один историк сказал, что культура вырождается, когда отрывается от земли. Грубые крестьяне – та почва, из которой выходят Эсхилы и Цицероны, хотя сами эти крестьяне культуры не создают (или создают лишь ее зачатки). То же самое можно сказать о Церкви. В годы безвременщины на темных «язычниках» – старухах многое удержалось. Это не культ «народа». Глупо отождествлять корни с цветами и плодами. Но все же...»

«7/XI 75

<...> Вы спрашиваете, что я имела в виду говоря об «упражнениях» Алика – это о его рекомендации богомыслия – над какой-нибудь фразой из текста либо Еванг[елия], либо литург[ии] и т.д., а также четки, с размышлением над каждой десятой. <...> такое богомыслие необходимо для нашего утверждения в вере, <...> где-то было сказано, что только неофиты берут религию (а ведь хр[и]стианст[во] даже не религия, а факт!) всерьез, и это нас устыжает <...>

Второе письмо [*о. Александра Меня – Н. Б.*]: <...> Разумеется, Вам нужно приспособливаться к своим нуждам и совсем не обязательно идти в толкучку. Я писал о нашем «язычестве» в общем порядке, и не для того чтобы предложить Вам постоянно подвергать себя мучениям. Я хорошо знаю психологию настырных бабок: они считают себя хозяевами и немного ревнуют к неофитам. Им хочется показать, что они «свои», все знают, а на самом деле – ничего. Вот и выходит, что они пристают к мелочам – единственным, что сохранилось в их бедных головах. Будем к ним снисходительны <...>».

«7/XII 75

<...> У меня остается сомнение – получили Вы мое письмо <...> о том, к[а]к надо переживать происходящее и восходить от видимой реальности и видимого действия = театр (театр – от слова theos – богодействие!) к тому, что это символизирует и к[а]к для этого помогает книга <...> «Н[ебо] на з[емле]»? По-моему, участие

именно в этом, а всякое другое участие – петь в хоре или прислуживать скорее отвлекает от существа, идет по своим законам (хор) <...>»

«7/II 76

Эллечка, дорогая!

<...> Когда вылезает из «маразма», то надо помнить, что совсем не необходимо вернуться в то сост[яние], в котор[ом] была, когда маразм «увел», а всегда к[а]к-то неожиданно по-новому, по-иному – так идет жизнь... «И дух дышит, где хочет, и голос его слышим и не знаем откуда приходит и куда уходит...» <...>

Вчера дети соседей принесли ко мне подбитую горlinkу, не птенчика (им еще рано), но и не очень-то взрослую, пока она у меня в комнате, немного ходит, но летать не может, хотя пытается. Все больше забивается в угол. Немного сегодня уже поклевала, а то вчера ничего не хотела. Не знаю, как с ней быть дальше».

«19/II 76

Дорогая моя Эллечка!

<...> Очень радуюсь за Вас – очень интересное предложение (участие в трехтомной ист[ории] иск[усств]. Так Вы remerciez Dieu за эту предстоящую Вам работу! C'est lui qui vous l'a envoyé! А у нас всегда так – Dieu d'un côté, а интересная работа, которая нам послана – d'un autre! И мы забываем, что «дух дышит, где хочет, и голос его слышим, и не знаем откуда он приходит и куда уходит»... И мы не узнаем его в событиях и фактах нашей жизни... И не соединяем. <...> А насчет Алика – так ведь это же Баламут (слышали о нем?) [*не о. Александр – Баламут, а то, что отвращает от поездок к нему в Новую Деревню – Н. Б.*] всегда, всегда сопротивление против того, что может нас поднять. Потому и не тянет. А Вы вовсе не обязаны его (т.е. Алика) любить, просто он тот, который может помочь. А с моей к нему «любовью» Вы не равняйтесь, это совсем особое, и отношения наши – это почти «исторический факт». А Вы себя не корите, что не можете его полюбить так, как я – Ваше дело совсем другое, и все же надо Вам

держаться одного, а на личные отношения и не сводить, Вам это только помешало бы. Так и держитесь, на высшем уровне. <...>

Бедная Наташа!²⁴ Ну, что же это такое? Только и утешение, что вспоминаю к[а]к одна крестьянка говор[ила]: «у меня все хорошо, Бог меня забыл», те. что испытания посылаются избранным.

P.S. Еще хочется добавить неск[олько] слов. Что значит «не тянет»? Ведь разве Вы не заметили, что наше естество всегда противится всему дух[овно]му. Ведь даже чтоб помол[иться], надо часто себя заставить это сделать. Мы все время катимся по накл[онной] плоск[ости], по течению, и все дух[овное] – усилие против. А при чем тут Алик? Ведь не к нему же В[ы] едете и не из-за него. А что у В[ас] нет с ним личных отношений – постольку, поскольку – то благо Вам! Было бы хуже, если бы сюда еще впутались личн[ые] отн[ошения] и переживания. Думайте о том, для чего и к Кому Вы едете. А что Вы в маразме – не преувеличивайте (или по мере возможности – к[а]к можно меньше! – о себе, мол[итес]ь об Нат., о баб[ушке], о маме, обо мне, об Ел. Як. И об Алике! Да! Да! Обязательно о нем побольше – понимаете ли Вы, какой огромный труд он несет?! А свой «маразм» не преувеличивайте, самое Ваше в нем «покаяние» – уже есть крупница дух[овно]го, а ведь только крупницами мы и держимся и обогащаемся! Вам ли говорить, что «напитать себя конечно(?) ничем не можете»? Вы окружены – только не замечаете! А мы все, все очень слабы и, к[а]к о. А[лександр] Ельч[анинов] в своих прекрасных «Записях» (читали? у А[натолия] В[асильевича] есть!) гов[орил], что наша дух[овная] жизнь не выдерживает t 40°, вот у нас все время такие испытания, кот[орых] не выдерживает наша дух[овная] жизнь. Но малейшее усилие – не пропадает зря. Пожалейте себя. Найдите, чем можете себя утешить – даже душевно. И с этого трамплина – пойдете дальше».

²⁴ Наталья Александровна Иофан (1924–2003) часто болела и переживала разные несчастья. – Н. Б

«7/IV 76

Дорогая Эллочка! Покоя мне не дает тема наших с Вами последних писем. Впрочем у Вас так часто меняются настроения и состояния, что мб. для В[ас] это уже не актуально. А я тем временем все ищу выходы из того, которое Вы описали в последнем письме. т.к. это очень важно и характерно – невозможность пребывания все время на высоком уровне. Хотя ведь нас так мало, и мы за столько-ких, за столько-ких... и имеем ли мы право снижать?! Уж писала вам главное свое «возражение» и «выход» – к Нему, подобный же – и к[а]к бы его распространенное добавление – искать выхода в «пан энтеизме». Ведь все в В[ашей] жизни – а не только молитва, не только «имя», названность... каждая встреча с людьми, работа, все все – есть встреча с Ним... пусть будет порой без напряжения, без усилия... Не бойтесь! Но ведь как же иначе жить?..»

Из Москвы в Мисхор. 24.05.76 – дата на московском штемпеле.

«<...> с Кр[ымом] много связано: жила я в Саяни, под деревней Бьюк-Ламбат (теперь наверное новое название) «у самого моря», это между Ялтой и Алуштой. А около Алупки – под Кореизом – там о. С[ергий] и в Гаспре служил, первая моя у него литур[гия]. Все было так замечательно... В Гаспре же отпев[али] его сынишку, у него об этом в его воспомин[аниях] есть замеч[ательные] строчки (это еще до моего с ним знакомства). А в Ялт[инском] соб[оре] одно время, до своего отъезда, он тоже служ[ил]. А я в Ялт[инском] соб[оре] купила тогда эту ик[ону] Б[ожией] М[атери], что у меня на всю жизнь, когда шла из Кореиза домой после перв[ого] св[оего] у него гов[ения]. <...> А моя сестра училась в Ялте в гимназии целый год, когда мы жили в Саяни. Кажется, там сейчас какой-то дом для детей, что ли. <...>»

«27/VI 76

Дорогая Эллочка!

Очень тронута В[ашим] письмом, но Вы напрасно себя упрекаете – наши отношения уже такие, что бóльшее или меньшее выражение своих чувств и теплоты – не имеет значения. Это совсем

не важно! Ведь мы с Вами общаемся не только словами, но «между строк». М.б. и я несколько изменилась за этот год, все больше ценю молчание, а в нем ведь очень много выражается... Где-то было сказано, что «молчание – язык будущего века». А ведь я уже на краю земного пути...

Очень буду Вам благодарна за книгу об Исламе. Боюсь, что Коран Вам тяжело нести, а я его вряд ли буду читать, только немного просмотрю, уж очень любопытно взглянуть, и такого случая не хочется пропустить, но времени все же на чтение его у меня не будет». <...>

«28/VII 76

Дорогая Эллочка!

<...> Часто вспоминаю В[аши] слова о том, что «никогда не было чувства Хр[иста]». Мне кажется, все это – как у кого, и когда у кого. Мб. еще будет в жизни какой-то момент, когда промелькнет желаемое озарение, форсировать это нельзя. А кроме того – мне кажется, что притча (также отчасти, к[а]к чудесный рассказ Л. Толстого «Где любовь там и Бог») о том, что «сделали это одному из братьев моих меньших» гораздо реальнее, чем мы думаем. Подумайте об этом. Так мне кажется».

«4/VIII 76

<...> Все думаю – почему нам надо идти не от Рублева, а от более ранних: мне кажется, что в Рублеве поставлена точка какого-то законченного дух[овного] пути, и подражание ему, даже и у Дионисия чуть-чуть сбивается на эстетизм, берется у него что-то внешнее, для него выражавшее его духовность, но для нас сбивается на стилизацию. Вообще-то ведь «Троица» совсем не характерна, как «икона» – ведь икона – это «лик» Хр[иста], Б[ожией] М[атери], святых, а Троица более отвлеченная тема. <...>

Что касается Круга – я не видела его оригиналов, а по репрод[укциям] судить нельзя. Но 1) он начинал (у меня) иначе, и то мне было ближе, а потом Успенский его увел в другую сторону. Но кроме того 2) он-то сам не видел оригиналов, а работал только

при помощи репродукций, это – сказывается, по-моему, насколько я могу судить!»_

«26/IX 76

<...> когда Вам очень плохо, – сейчас же думайте о других, молитесь за них, и тогда и к молитве о себе продеретесь, и старайтесь все же во всяком положении, какое бы оно ни было плохое, найти что-то хорошее, за что благодарите Тв[орца]! <...> Учат, как подыматься в гору – нельзя противиться подъему, а надо шагать как бы навстречу – тогда подъем не утомляет. Тот же закон – и в духовной жизни, но с гораздо большим смыслом и результатом, т.к. ведь «верх» – это Он!...»

«19/XII 76

Дорогая моя Элечка!

<...> Елена у меня вышла такая, потому что когда Ал. Вл. мне ее попросил, он быстро набросал ее фигуру, держащую крест – и я скисла от ассоциации с какими-то лубками, верней даже олеографиями. А потом вдруг меня осенило – реализм нашего времени должен искать себе отклика в реализме первых веков. (Это моя постоянная идея!) И я пошла – от мозаики! ея времени!»

«5/I 77

<...> Спасибо большое за все, что пишете о себе. Отлично это понимаю! У меня был период, когда мне было очень плохо с нервом – я боялась молиться, т.к. боялась (именно так, к[а]к Вы пишете, совсем так!) Его. Боялась креста, боялась страдания, еще большего! Меня от этого «лечил» Ал. Вл. <...> Он меня уговаривал, уговаривал и ... уговорил – отдаться Ему с доверием... Попробуйте, дорогая моя! Ведь подумать только – что Он распялся за нас, а мы все еще Его боимся и не доверяем. Ваше бегство от Него (я его отлично понимаю!) только уводит Вас в темные пласты бытия – и ничего не дает. Вот я Вам выпишу те замечательные строчки, кот. мне так много дали – и я уверена, что и Вам помогут: «...будем вверять себя всецело и уповать, и это откроет тот уди-

вительный мир, который заставляет утихать волны души, поднимаемые жизненными ветрами... Господь сильнее всех... но нам не дано знать, что добро и что зло. Как только мы «смирямся» в том смысле, что готовы принять все, меняются и обстоятельства (подчеркнуто мною!). В доверии – открытость к Богу, которая нас с Ним связывает...»²⁵

Эллечка, дорогая, я прожила почти 80 лет, столько ошибок, столько непонимания, теперь так много понимаешь, хочется, чтоб за нами идущие не повторяли наших ошибок, т.к. хочется, чтоб они были счастливые, и хочется и указать этот путь к счастью, который так поздно поняла сама! <...>

А картинка, кот[орую] вы прислали, это Брейгель? Я его очень вообще люблю, особенно его «Сенокос» – он в Пражской галерее, да и Рож[дест]во очень тоже хорошо. Но я тягочусь лишними вещами и понемногу раздаю. Поэтому не стоит на меня тратиться! <...>

Жаль Олечку, что она так переживает болезни тети, но ведь это так естественно, что старики болеют и умирают, и надо к[а]к-то и с этим примиряться в Духе! Конечно, понимаю, что трудно! <...> По-моему, самое тяжелое, что нет веры. И я когда молюсь о людях – больше всего об этом думаю! Но верующих гораздо больше, чем мы себе представляем!..

Поверьте, что не Вы одна Его не хотите, Ему противитесь. Мы все, уверяю Вас! Только у Вас это к[а]к-то острее выражено, и Вы в этом сознаетесь, а мы часто не сознаем и не сознаемся <...> и обвиняем обст[оятельст]ва, уводящие нас от Него, между тем, к[а]к все дело в нашей воле. И так – все: все время и всю жизнь – самообманы и самообманы. То жена бросает мужа, потому что якобы у нее «first real love» (= самообман!!), то муж – якобы какие-то особенные переживания, и замучивает жену страданиями, кот. впоследствии являются причиной болезнью <...> Вот от самообманов и хочется нам, старикам, уберечь Вас, молодежь! А вот к[а]к раз от самообманов и есть единственное средство – обращенность к Нему, искание Его воли... Но мы хотим по своей воле! Нам скучна

²⁵ Из письма о. А. Меня Юлии Николаевне. (Прим. ред.)

«добродетель». Мы забываем, что в Нем и от Него-то и есть все богатство жизни. А сделали все это таким скучным – люди и людишки... <...>

Простите за сумбурность письма! <...> Еще неск[олько] слов. Главное – Вы зря и неверно считаете, что все, что Вы описываете о себе (еще раз спасибо за откровенность вашу! Я очень ее оценила!) присуще только Вам – мы все страдаем той же гордыней, теми же сомнениями, той же нерегулярностью и беспорядочностью нашей внутр[енней] жизни и т.д. И все мы непрерывно делаем себе кумиров и обращаемся к ним и прячемся, а не от Истинного Бога, которого не знаем, и непрерывно должны узнавать. Вот и книги нам все время помогают исправлять наше идолопоклонство. Вот попробуйте сесть на 5 м[инут] и подумать только об одном, непрерывно повторяя про себя – что Он за вас распялся, или страдал и т.д., но только одну мысль – и только тот Бог, о котором Вы будете думать – и есть тот Б[ог], кот[орый] Вас любит. И от него не спрячетесь, как раб неверный: «я знал, что ты собираешься, где не сеял» и т.д. <...>»

«30/I 77

<...> Что касается Вашего «колебательного» состояния, то ведь «с'est la vie» в этом вся жизнь наша. Только мещане тешат себя устроенностью, которая у них в моменты катастроф отнимается, или еще «homo sovieticus» – тоже «устроены» – а какая цена этой устроенности, и не всегда ли она накануне землетрясения? Жизнь трагична, это ее природа, хотя есть и островки, и радости, и конечные ее итоги – радость. Та, о которой Бетховен «пел» в 9-ой симфонии, та, о которой Карамазов стихи декламирует... и та, о которой гов[орит] преп. Серафим, встречая каждого приветствием: «радость моя». И которая так светится у Ал. Вл. в его легкости и отданности беспрдельно Богу... Ну, пошла проповедовать! Ох, ох!!! <...>

Вы часто гов[орите], что молитва не идет. Но ведь во-перв[ых] – это у всех. Во-вторых – по ком Вы себя равняете и что от нее требуете? Я тоже не мистик, и у кажд[ого] свой путь и свой стиль.

Сожалею даже, что дала Вам читать свой дневн[ик] 35 года, т.к. сейчас все иначе. А ведь дела Ваши тоже сила. Помните этого отшельн[ика], кот. писал на одной стене то, чего не сделал, а на другой – что сделал. <...>

Думаю еще о Вас: почему же «прятаться» от Него, если трудно и нужна помощь? Тут уж не думаешь о том – любит ли Он меня или нет, а только – «помоги, помоги...» и вера, что поможет!! «Кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан, подобно мытарю» (из поучения Св. Иоанна Златоуста). А еще митр. Антоний где-то говорит, что наша беда в том, что мы не испытываем нужды в помощи, а на самом деле мы все нуждаемся в ней, но не сознаем этого».

«20/II 77

Моя дорогая Эллочка!

<...> Бедная мама! Думаю о ней ежедневно! Как и о бабушке!²⁶ Вот плоды («я ничего не понимаю в жизни» – ея слова) современ[ной] культуры... А ведь знают же все люди и всегда, и единственное, что решительно все, без исключения, люди знают, что они умрут, и что все люди умрут. А как приближается этот конец к кому-либо из близких или к себе – так это к[а]к какая-то неожиданная новость и «недоразумение» жизни! Боже! Хоть бы Господь помог маме!.. Как? Ему видней!.. <...>

Мы все время бросаемся в жизнь к[а]к бы не «вооруженные», и многое тогда перегораживает, не дав плодов <...>

Очень интересно то, что пишете о выставке <...> Очень рада за Вас за это переживание красоты и значительности – это всегда так обогащает! В Пар[иже] я очень жила такими переживаниями. Очень есть хорошие строчки в «Св[ете] Невеч[ернем]» у о. С[ергия] о терпимости – которая делается силой, когда она к[а]к-то «включает» в себя то, к чему терпима. У Ал. Вл. в его книгах очень сильно чувствуется тоже это его отношение ко всем разным рел[игиям] и культурам, и к[а]к он во всех них видит главное».

²⁶ Тогда умирала бабушка Эллы. – Н. Б.

«27/II77

<...> Как Вы знаете, поста в строгом смысле я не соблюдаю. В рожд[ественский] пост даже и мясо приходилось есть, т.к. соседки угощали <...> Но в этот В[еликий] П[ост] решила просить их мяса не давать, ну, а сама я его ведь никогда не приготowl[яю], кроме колбасы, от кот. значит тоже отказалась, и еще от шоколада и всего шокол[ад]наго (какао и т.д.). И вдруг на перв[ой] неделе вызывает меня к себе одна моя очень хор[ошая] знакомая <...>, а наши встречи всегда бывают связаны с вкусным завтраком, кот. она чудесно приготowl[ивает]. Надежда была – не будет мяса... И вдруг – «я купила для Вас курочку»!!! И она ее чудесно приготowl[ила]. Отказаться невозможно! Накладывает целую гору (с особенно приготowl[енным] рисом. Я: снимите пожал[уйста] немного риса, т.к. я его ем очень редко, и он меня запирает. Снимает – и ставит передо мной тарелку. И я... вот где мой грех!! Лопая всю положенную куру, вместо того, чтоб сказать – не так много и она бы сняла! Со-знаю это только потом! И вот я поняла: даже и с шоколадом мб. было бы правильнее минимальную дозу – и остановиться. И в этом было бы – воздержание. Этот момент воздержания – самый главный. А мы именно его не соблюдаем! Знаю по опыту, что иногда бывает – ну решительно не можешь остановиться – (в перв[ый] момент даже думаешь, что невозможно, «надо еще») – то потом такое удовлетворение, и такая сытость откуда-то. Вот я хотела Вам «исповедоваться» (к[а]к у ап. Павла – «исповеда[йтесь] др[уг] др[угу]», т.к. у нас ведь не исповедуют, такая толпа – что все только общее, еле успевает «отпустить» (конечно, это В[еликий] П[ост], в году в будни – иначе, и возможность всегда есть, но я не всегда ею пользуюсь, к[а]к придется. Но, конечно, я вполне осознала свой грех»).

«9/IV 77

<...> Я откинула одну занавеску на раму открытого окна – не успела оглянуться, к[а]к горlinks на ней стали вить гнездо! Буквально через несколько минут – через час я посмотрела, и там уже много веток!!! <...>

Анют[ины] глазки цветут во всю, весь ящик, занавески холщовые, уютно, горlinka сидит! (а то на ночь улетала, вот уже 2-ую ночь не улетаёт), окна открыты, тепло, светит солнце, благодать!»

Записочка:

«Петрушевский. Ислам в Иране. Е. Э. Бертольс. Суфизм. Спросите в библиотеке] к моему приезду».

«13/XI 77

Дорогая моя Элечка!

<...>Ну, вот, слава Богу, Вы дома, и полны еще впечатлениями В[аших] поездок к[а]к в Гр[ецию], так и на Кавказ. <...> Дай-то Бог, чтоб и душевное состояние не отставало, верней – духовное, т.к. иногда бывает, что и радость не в радость, если дух чelов. попадает в какие-то темные планы, а иногда и наоборот – если дух – в светлых планах, то какие бы ни были внешние впечатления – они как-то «укладываются» – в «здоровом духе»... Думаю, что на это и направлены все наши духовные усилия, и это и есть то Ц[арствие] Б[ожие], к которому мы можем приобщиться уже и в этой жизни, и это и «нудится» всей нашей духовной жизнью, однако от нас что-то не зависит, верней – в конечном счете все – благодать, но, конечно, употребляющий усилие восхищает его (= Ц[арствие] Н[ебесное]), и безблагодатность иногда посылается нам, к[а]к испытание, которое надо перетерпеть и – взывать...

Что касается Ваших греческих впечатлений – то Вы неверно ставите вопрос: дело не в том, что меня интересует, а в том, что Вас интересует, т.к. мой интерес неразрывно связан с Вами, с интересом к Вам, а не с туристическими данными. А «что у кого болит – тот о том и говорит», так что пишите, когда сможете, что придет первое в голову. Но есть один вопрос: недавно читала у Буйе, где он говорит об античных, именно греч[еских], оракулах в связи с иудейскими пророками, что якобы в Дельфах он ощутил священность места, и что его друг – Daniel Rops поведал ему то же самое о себе. Но мб. для этого надо было там быть в одиночестве. К счастью знаю о Вас не только из В[ашего] письма, т.к. оно дов[ольно] скудно передает ваше актуальное состояние, и в том числе знаю о

вышедшей Вашей статье – меня она очень интересует, и если Вам не трудно – очень бы хотелось мне ее прочесть, и я верну.<...>

Здоровье мое в смысле ног – слава Богу, хорошо. В остальном – к[а]к-то «на границе», т.к. что только молитвы меня держат... Но слава Богу, пока рисую и уже собираюсь послать 1-вую посылку, в ней не много, т.к. 3 вещи за это время я сделала для здешних. Так что к[а]к видите (а 2 небольшие собираюсь послать с одним случаем, которого жду в ближайшие 2 недели, и это к[а]к раз Ал. Вл., т.к. что Вам голову не буду морочить!) всего –7 вещей, это не мало за не такой уж большой срок, что прошел с моего приезда! (3 – здешним, 2 – Ал. Вл. и 2 в посылке).

Благодаря тому, что в посылке только 2 (не считая рисунка храма в Н[овой] Д[еревне] в цвете – мне сказали, что Ал. Вл. об этом мечтает, и я, по имевшейся у меня фотогр[афии], его сделала) вкладываю туда некоторые вещи из одежды. <...> Там – башмаки, которые, я надеюсь, подойдут Кире!?. С остальным – распорядитесь сами – если что подойдет Кире – то буду рада, если нет – при случае очень прошу отвезти Светл. для Тани Машковой. Беднягу так жаль: матери очень опять плохо, мальчик только начал ходить в шк[олу] – и попал в нервн[ый] санат[орий]! Таня разывается (у нее еще 2-ой). Но, конечно, вещи им велики, т.к. что если только Кире подойдут – лучше дайте ей. <...>»

Отдельно:

«Инструкция.

I Лоскутн. мешок (в нем – Сер[афим] Сар[овский] с медв[едем] и «сапожки» для будущ. Кати внука или внучки А[натолия] В[асильевича].

II Храм в цвете (2 варианта для передачи Ал. Вл.)

III Предт[еча] – Мишке

IV Башмаки и все что подойдет Кире из остального

V Пиджак и что не подойдет Тане Кире Машк. через Св.»

«P.S. Насчет композиции репродукции, кот. вы прислали – очень интересно, и пожалуй Вы правы, что это на тему: «Ныне силы небесные». Хр[истос] одновременно и Великий Архиерей и (в плащан[ице], которую ангелы несут слева) жертва. А в середине то,

что называется по греч. «итимасия» – те. «уготование престола» – пустой престол с Евангелием. Этот мотив иногда изображается и совершенно отдельно, не в связи с совершающейся евхаристией. Что касается темы «Ныне силы небесные», видела репродук[цию] с такой иконы в каком-то старом изд[ании] (Кондаков?) давно, и она меня и вдохнов[ила] на ту, что теперь у Кати.

Прилагаю очень старое фото – 1914 года. На руках у меня двоюродный племянник».

«8/II78

Дорогая Эллочка!

<...> Насчет м[олитвы], по-моему, Вы немного мудрите, и слишком «презрительно» относитесь к так Вами называемой «казенщине», а на творческую м[олитву] не всегда – а скорее очень редко! – можно рассчитывать! К тому же – если она у Вас бывает, то Вы обязательно должны записывать ее, эти записанные слова Вам помогут, когда «м[олитвы] нет», к[а]к Вы говорите.

А еще мне пришло в голову, что мб. Вам не хватает чуть-чуть суеверия – ведь м[олитва] нас ограждает от зл[ых] духов, ведь у апост[олов] есть такое место: «наша брань не плоти и крови, а духам злобы поднебесн[ой]». Какая бы не была м[олитва], она ограждает и ведет нас в иные планы бытия. Ведь я отлично понимаю все трудности м[олитвы], но ищу выхода к[а]к для Вас, т.к. и для себя всегда же. <...>»

«26/II 78

Моя дорогая Эллочка!

<...> Где-то я читала очень одного умного католика, кот. гов[орит], что главное в мол[ит]ве это акт веры. Что многие даже благочестивые люди молятся, но не производят этого акта веры – а в этом все. Поэтому-то – будь-то «вздых», к[а]к Вы любите говорить, или «акафист» (любимый Ел. Як.) – безразлично, а важно это. <...>

Ничего, что спите много! Сон – тоже от Бога! Ал. Вл. гов[орит] – есть благодать духовная, есть – душевная, а есть физическая. По-

думайте об этом. Бывает – я тоже нежусь в своем чудном одеяле и пододеяльн[ике] – и благодарю за них Б[ога]. <...> А спать Вам надо, побольше, это реакция на прошл[ый] год и запас вперед! Спите, пока спится!»

«17/III 78

Моя дорогая Элечка!

<...> О молитве: мне кажется, что мы все имеем полное право, да и делаем это, вкладывать во все слова существующих молитв свое содержание, если нет способности своими словами молиться. А если есть – то тем лучше. Но тогда нет костыка на случаи, когда нет «вдохновения». Кроме того, Ал. Вл. всегда повторяет, что каждая молитва, даже произнесенная невнимательно, все же оставляет след в подсознании. Что хотел сказать о. А[лександр?] – думаю все же, что тут никакой загадки нет – просто стараться понять – что́ значат такие слова, а главное – применительно к себе. Очень помогает «понять» способ, рекомендуемый Ал. Вл., – медитативный – повторять слова, напр[имер] «Господи и Владыка жив[ота] моего» – углубляться в смысл, что это значит, или Отче наш («зри» рук[оводств]во <...> 4 глава назыв[аемая] «духовн[ые] размышл[ения]» парагр[аф] 5. <...>

А вот меня гвоздит вопрос о Вашей еде. Вы мне возразили на мой совет – воздерживаться от мяса, что мол для полноты и худобы – это еще хуже, но ведь вопрос не в том, а в каких-то движениях внутр[енних] страстей, ведь всеми признано, что вегетарианство успокаивает их, а Вы от них страдаете! Подумайте еще! Да и в столовках вовсе не одно лишь мясо. А мб. попробовать хотя бы на время поста? Все же о. С[ергий] так считал, и сам, и я с ним – не ели мяса, только уже в старости. Целую. Ю. Р.»

«12/XI 78

Дорогая Элечка!

Писала Вам сразу после выписки из больницы или оттуда – перед выпиской, не помню! А дома меня ждало В. письмоце! Спасибо! Помог ли маме папин приезд? Спит ли, наконец, она?

Мне подумалось – что это случай, когда к[а]к раз надо было бы обратиться к тому, что теперь наз. «парамедицина» (внушение, гипноз и проч.). Нет ли у вас знакомых, кот. это знают? А если нет – не обратиться ли Вам к Тане (это новая знакомая Ел. Як.), если только ей муж ей не приказал (чудовищно!!) больше этим не заниматься?! У нее дар, и она его соединяет с мол[итво]й! Это чудо! И тут речь шла бы не вообще о маминой болезни, но только вот о том, чтоб ей наладить сон, поскольку ей нельзя принимать никаких лекарств. Поговорите с Ел. Як.!

Мои глаза – все более или менее по-прежнему, милостью Б[о]жией! Была бы Его милость – мне умереть пока есть глаза. Но на все Его воля!²⁷

Ваш «дяденька»²⁸ меня беспокоит – при царящем (не культурном, грубом!) в М[оскве] – а мб. и во всем мире? – и[удео]-фоб[изм]е, свободен ли он от него? Этого я бы боялась <...>

Говорите ли Вы с Бр[оней] хотя бы по телеф[ону]? Очень прошу: пусть она мне напишет фамил[ию] хотя бы (а по возможности – и адрес!) того Миши, с которым мы с ней познакомились в посл. нашу поездку в деревню [*имеется в виду Новая деревня – Н. Б.*] Ему я сделала подарок, кот обещала, и пошлю его вместе с другими, Ал. Вл. Но я не знаю фамил[ии] этого Миши (молоденький, весь горячий), а ведь «Миш» много, а я не хочу морочить голову Ал. Вл-чу, и попрошу его оставить у себя, пока этот Миша сам его не спросит, а для этого я ему должна написать. Пусть Бронечка мне поможет! А получила ли она Оранту?

«9/X 80

Элечка, дорогая <...> Все, что Вы говорите о моей работе – меня, конечно, очень поддерживает и не дает возможности потерять веру в себя – впрочем, для меня это понятие к[а]к-то иначе воспринимается – т.к. по моему надо верить не в себя, а в Бога! И

²⁷ Но благодаря этому обслед[ованию] я наладилась у них, когда надо, лечиться. (Ю. Н.)

²⁸ Так Элла называла В. М. Полевого, крупного искусствоведа, оппонента ее диссертации – Н. Б.

вот во всем чуде моей работы я именно утверждаю, что это чудо – есть великая милость Божия! Биографически я потеряла в своей жизни очень много времени, и вот, по милости Б[ожией], теперь переживаю «отсрочку», данную мне по милосердию Его, и незаслуженно, в возмещение упущенного времени. Так я это воспринимаю. Но не исключено, что отсрочке скоро конец. <...> Еще о другом: мне бы лучше было, чтоб Вы мне назвали конкретные просьбы, а не так – «впрок» – какие-то неопред[еленные] и темы и люди и количество и размеры и т.д. Уже достаточно мне, что для А. В. надо делать №-ное кол-во Спасов «впрок». А я люблю больше индивидуализировать просьбу. Постарайтесь, пожалуйста! Дайте, например, мб. у Вас лично есть какие-то желания. А ведь вы потом можете это подарить кому хотите! Вот так и будем делать! Согласны? Вы «просите» сделать Вам такую-то тему, такой-то (примерный) размер. Делаю Вам – и потом Вы можете кому-то подарить, когда случай. Очень прошу перейти на такую систему!»

19.10.81 – на ташкентском штемпеле

«Дорогая Элечка!

<...> Помните, мы с Вами давно к[а]к-то говорили о мещанстве, я утверждала, что это почти «смертный грех», а Вы мне возражали, что есть вещи похуже – простит. в школе и т.д. А я опять вижу, к чему может привести мещанство. А кроме того часто думаю о том, почему люди так легко забывают сказки, котор[ые] им рассказывали в детстве, а они могли бы все время в жизни учиться на этих сказках. Чего стоит одна даже сказка о рыбаке и рыбке?

[И далее о семье племянника – Н. Б.] Получили коттедж, у каждого своя комната, просторно, и т.д. Так нет же – затеяли (это наша Св. у кого-то из соседей увидела) паркет в гостиной делать. Мастеров нет, времени нет, так отпуск вместо отдыха ухлопывается на кладку – чудовищная работа – паркета, оклейка обоев, покраска дверей и окон и т.д. А мира – нет. <...>

Должна Вас огорчить: вряд ли я буду делать огромные работы, о котор[ых] Вы мечтаете! Я раскатилась деткам сделать Сош[ест-вие] Св. Духа и поняла почему врачи (все, не сговариваясь!) мне

говорили, что на таком расстоянии (а размер ведь требует расстояния!) не надо работать! И я не найдя окончательного решения – дело не в отделке, а именно в решении! Бросила работу, а тут подвернулась оказия послать – и все это сейчас, наверное, уже у декток!! <...>

Катенька абсолютно замолчала – а я ей послала курагу! Ради Бога – спросите – получила ли она, иначе надо требовать на почте! Расписка у меня! <...>»

«9/I 82

Моя дорогая Эллочка!

<...> получаю я пенсию через с/к [сберкасса – Н. Б.], это дает мне возможность уезжая не возиться с доверенностями и их заверением у нотариуса. Поэтому я сама должна ходить в с/к получать свою пенсию. Хотя сестра ко мне приезжала все эти 4 месяца на week-end'ы, но такая слабая, измученная, что мне не хотелось ее просить идти со мной в с/к. Она даже сама сказала: я лучше тебе одолжу на 2 месяца, чем идти с тобой в кассу. А тут еще у меня соображение – чем больше у меня там лежит, тем больше будут % за 81 год. Все вышло правильно – я попросила пойти со мной одну хор. знакомую <...> и вот заработала 13 р. %! Прямо капиталист! А тут еще и Ваши 5 р. получила – богач, да и все!<...>»

[Далее просьба присылать доски для икон – Н. Б.] «а размеры – не меньше 20 см высоты и не больше 45».

«12/I 82

Дорогая Эллочка!

<...> я сейчас обеспечена работой – уже вчера залевкасила и сегодня компоновала – для меня залевкашенная доска к[а]к для Микель-Анджело глыба мрамора – сразу дает идею. <...>»

«20/I 82

Эллочка моя дорогая!

<...> В этом году я особенно все вр[емя] мысленно с Вами, но Вы, по-моему, к[а]к-то отошли, ушли в свою скорлупу, это плохо,

не надо так! Тут недавно у нас был такой случай, когда особенно вспоминала Вас: одна девушка, рьяно занимавшаяся химией, отвергла 2-х хороших женихов, и все занималась своей химией. <...> В октябре блестяще защитила диссертацию. И вот недавно <...> общие знакомые сообщили мне, что ... у нее на днях родилась дочь!! Вот это да! Подумала – наверное многие девушки ей завидуют, и вспомнила, к[а]к неск[олько] лет назад мы с Вами обсуждали эту проблему, к[а]к Ваша мама говорила: «заведем ребеночка!», к[а]к Ал. Вл. Вам ответил (если я верно поняла – Вы его спрашивали?) что так нельзя. И я подумала: ясно, что он благословить это не может, но если бы Вы это сделали без его разрешения – он первый будет защищать и Вас и ребенка! <...>»

«21/І 82

Моя дорогая Элечка, родная моя!

<...> сообщение о смерти Ел. Як. я получила через 9 дней по отправке авиа (Кати и детки).²⁹ На днях Вам писала – дала вчера опустить. Совсем не выхожу – холодно, гололед, снега, хоть и не так много, но даже днем не растаивает весь, т.к. что Вас догоняем. Боюсь, к[а]к бы Вы не простудились на похоронах. Спасибо огромное за все, что написали и о похоронах (о чудной службе, о слове и т.д.) и о моих работах. Понимаю то, что Вы говорите о моих Сп[асителях], это продолжение того, что Вы сказали про того – из Триптиха (и мы тогда спорили – и многие соглашались со мной, что для нашего времени психологизм в ик[оне] – возможен, и даже нужен. Неужели лучше, зачастую совсем бездушные, или порой – жестокие многие старые изображ[ения] Сп[асителя]? Мне они ничего не говорят. Единствен[ый], котор[ый] мне близок, – это рублевский из Звенигородского чина – к сожалению всегда только лик, наверное, Вы его хор[ошо] знаете? Моя сестра – очень строгий мой критик, когда, посмотрев мои вещи, берет книги с репрод[укциями] – то говорит, что мои лучше. Это я гов[орю] не в смысле самодовольства, а в том, что старые Сп[асители] ничего не выражают. <...>

²⁹ Елена Яковлевна Ведерникова умерла 9 января 1982 г. – Н. Б.

Поверьте, я в этой работе вовсе не надумываю, а пишу так, к[а]к душа подсказывает, и очень трудно найти в старых, на что опереться. Кроме того, посл. время я даже немного сожалею, что работала всю жизнь слишком традиционно, по-моему «шаг» можно было сделать больше, чем я сделала. Нат[аша] И.³⁰ все мои вещи считает каноничными, несмотря на их некот[орую] свободу. Интересно – что она гов[орит] об этих Сп[асителях] последних – по-моему, она их видела тоже? Мб. даже вместе с Вами? <...>

Теперь <...> я предлагаю Вам лично, если, даст Бог, не будет хуже с глазами, дов[ольно] большую – предел того, что я могу в смысле размера – т.е. около 45 высоты – и тему – Хр[истос] идет по морю и апост[олы] в лодке. Хотите ли Вы? Или все-таки хотите Сош[ествие] во ад? Боюсь – не смогу повторить! Но выбирайте откровенно – я умею иногда, с Бож[ией] пом[ощью], вдохновиться тем, ч~~ь~~го хочет друг! Но если Вас вдохновляет не меньше, чем Сош[ествие] – то, что я Вам предлагаю – я буду делать это! (те. Хр[истос] на волнах) – в этой теме не меньше смысла для нашей жизни!

Очень рада, что видели Срет[ение], и понравилось и рада, что и то, что у деток – тоже понр[авилось] – все же значит что-то вышло, хоть и не додумано! Сейчас я больше пишу письма (целыми днями!), чем рисую – темно! <...>

P.S. <...> Что касается праздников – то Воскр[есение] в Правосл[авии] не пишут – вместо него Сош[ествие] во ад. Значит жду Вашего решения – либо Сош[ествие] во ад, либо Хр[истос] по волнам. Если Вам последнее по душе – то была бы очень рада, меня эта тема давно гвоздит. <...>»

16 июня 1983 г. Элла Семенцова вышла замуж за Владимира Лаевского и вскоре попала в больницу.

Ю. Н. к тому времени стала почти беспомощна из-за ухудшения зрения, и ее перевезли в дом сына сестры, в коттедж на све-

³⁰ Наталия Александровна Иофан (1924–2003), искусствовед, специалист по культуре древней Японии. – Н. Б.

жем воздухе в пригороде Ташкента. Следующее письмо написано неровным почерком, широко.

«16/VII 83

Эллечка дорогая!

Душой с Вами... Господь поможет – все будет хорошо. Не волнуйтесь, не напрягайтесь, у Вас все правильно программировано. В больнице отдохнете.

Поздравляю Вас и Володю!

Большой привет!

Что до меня – спасает сестра, так внимательна. А ей самой очень трудно. Но я в стороне, весь день сижу на воздухе – это лучшее лекарство!

Если увидите (по почте – не надо!) Ал. Вл. – дайте ему мой адрес, я сто лет не имею от него ни строчки! <...>»

«4/VIII 83

Эллечка, дорогая! Ну зачем же, «страшно»? Это – грех! Значит что-то не во Христе! Отдайтесь Ему – и все будет хорошо! Он Вам все устроил, Вы не для себя только этого хотели, а для другого, и так и будет продолжаться... Понимаю, что нам иногда хорошее трудней переживать, чем плохое. А почему? Мы все боимся, что хорошее кончится, и будет плохое, а надо только благодарить за все ... Все у Вас очень хорошо сложилось – Вы сейчас имеете возможность спокойно вернуться к работе, Вы с родными, на природе, все чудно. И все будет хорошо. Страх прогоняйте благодарностью, как грех, это от лукавого, ему всегда завидно, что хорошо и что не по его планам все идет

Это чистое искушение!<...>»

09.12.83 – дата на ташкентском штемпеле

«Дорогая Эллечка!

<...> А сейчас хочу Вас просить мне помочь! Вы знаете, что Женья с Нат[ашей] развелись, что его отец умер у нее на руках, что она с трудом искала работу (2 детей!) и ничего, кроме экскур-

совода ей не могли предложить – ввиду сокращения, и даже не знаю начала ли она эту работу, как тяжело заболела (я уверена, что это все на нервной почве, последствия всех переживаний), лежала в 2-х больницах, и должна была лечь в 3-тью, и с тех пор я ничего о ней не знаю, на письма не отвечает, т.к. они очевидно лежат в почт[овом] ящике, просила деток (они от нее недалеко) что-ниб[удь] узнать, но знаете как они заняты и к[а]к у них каждая минута рассчитана. Решила обратиться к Вам! Сделайте что можете! Позвоните деткам. Мы хотим ей кое-что послать, но ведь если никого нет в квартире – кто получит?.. Куда и на какое имя ей писать, чтоб ей передали? Мб. Вы что-нибудь придумаете, знаю, что и Вам трудно, и всем трудно, но мы в безвыходном положении. Жду от Вас писем все время! До Вас и от Вас все приходит к[а]к-то скорей чем ото всех!

Целую крепко! С нетерпением жду вестей о Ваших делах!

Целую. ЮН.»

У мужа Эллы началась депрессия.

02.02.84 – дата ташкентского штемпеля:

«Дорогая моя Эллочка!

<...> Испытание, конечно, огромное. Даже и при нормальных условиях, привыкнув к жизни в одиночестве, совместную жизнь очень трудно принять и к ней привыкнуть. И обнаруживается, что в нашем одиночестве мы находили лишь 50% духовного комфорта, т.е. благоприятных условий для молитвы и общения с Богом, а 50% был наш эгоизм. Постараемся принять все, к[а]к волю Б[ожию] <...>»

Ю. Н. в это время сама тоже живет уже не одна, а в семье сестры, т.к. почти ослепла.

«11/І 85

Дорогая Эллочка!

Не помню, ответила ли я Вам на Ваше последнее письмо, извещавшее меня о том, что было хорошо, потом опять плохо, потом

опять лучше!! Бедняга Вы, измучились! Одно утешение, что у Вас есть Ал. Вл., который, вероятно, к Вам, конечно, очень внимателен.

Не помню также [писала ли], что у нашего дорогого внука (23 года ему уже! Вот время-то бежит!) родился сын, мы все, а главное он сам, очень переживали, прямо к[а]к чудо. Его жена Алла – я Вам, по-моему, писала об их свадьбе в прошлом году, – очень хороша и очень любит Андр[юшу].

Очень беспокоимся за малыша, т.к. у нас холодно и почему-то почти не топят, весь город мерзнет и болеет, а мы с сестрой готовы весь день спать.

Еще забыла, писала ли о том, что 3 года назад дала читать одну фр[анцузскую] книгу Люсе Фудель, а теперь хочу ее подарить Ал. Вл. Он уже ждет ее, а Люся ее обещала дать Оле для передачи Вам, возьмите у нее поскорее, пока не засунула куда-нибудь и не сможет найти, и передайте от меня Ал. Вл. в подарок, когда у него будете.

Целую, писать трудно
Ваша ЮН.»

Последнее письмо, написанное самой Ю. Н., строчки неровные.

«2/VI 85

Дорогая Элла!

Спасибо за письмо. Вижу очень плохо, писать трудно. Имейте в виду, что мы 15/VI переедем на летний адрес, но писать туда не надо, а можно на дом, если соседка нас навестит – она привезет почту, но за сроки ее получения уже нельзя отвечать.

Дошли ли до Вас коврики?

Сама я тоже вряд ли буду писать.

Знаете ли Вы, что наша Катюша [внучка сестры – Н. Б.] вышла замуж? Мужу ее, к[а]к и ей, осталось еще 2 года учиться в худ[ожественном] училище. Это всех немного беспокоит, но он всем нравится и, даст Бог, все будет хорошо. Они живут дома.

У нас небывало свежее лето.

Андрюшиному [внук сестры – Н. Б.] сынку Алексею 5 месяцев (правнук моей сестры). Господи! Избавь нас от войны!!!!

Целую. Ю. Н.»

Письмо, написанное сестрой Ю. Н. Екатериной Николаевной под диктовку Ю. Н.:

«16/V 86

Дорогая Элла!

Мы были рады и тронуты визитом Володи в нашу больницу, тем более, что я не смогла его ни видеть, ни слышать. И даже несмотря на это я почувствовала его тепло и как-то по-живому и хорошему его восприняла. Это было настоящее свидание. <...>»

«От К[атерины] Н[иколаевны]: дорогая моя Элла, трудно приходится Ю. Н., но она стойчески держится и верит, что ее не забывают ее московские друзья в своих молитвах. Всегда верит, что о. А[лександр] ее не забывает. <...>»

Письмо от Е. Н. Кист.

7/VI 87

Дорогая Элла (и Володя)!

Мы сейчас находимся в нашем акад[емическом] стационаре (сын устроил), но сестра настолько сдала, что без слез смотреть на нее больно, хотя делает героические усилия преодолеть свою мученическую жизнь. <...>

Сестра моя, разбирая рельефные буквы, могла хоть немного разговаривать со мной, но сейчас и это становится ей трудно и назревает катастрофическое состояние невозможности никак с ней общаться. А по старости кожа на пальцах нечувствительна.

*Примечания и подготовка писем к публикации –
Натальи Белевцевой*

В МИРЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

КНИГА ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

Один из «больших пророков», Иезекииль родился в Иудее около 622 г. до Р. Х. и был священником. С первым караваном пленных в 597 г. до Р. Х. Иезекииль был уведен в Вавилон и жил в поселке Тель-Авив близ Ниппура, одного из религиозных центров Вавилонии. Здесь, у реки Ховар, пророку были явлены от Бога несколько видений, с которых в 592 г. началось его пророческое служение. В это время Иезекиилю было около 30 лет. Дом пророка в Тель-Авиве, как и дома многих священников в плену, стал местом, где собирались депортированные иудеи (именно из таких домов собраний в эпоху Плена и родилась синагога). К приходившим к нему людям, вероятно, и обращал пророк свои пламенные проповеди. Время, когда он записал их в книгу, неизвестно. Около 571 г. до Р. Х. пророк скончался.

1

Первая глава книги пророка Иезекииля содержит описание первого видения, ставшего одновременно и призванием пророка на его служение. Вероятно, наиболее жгучим вопросом духовной жизни пророка, как и всего Израиля в начале эпохи Плена, был вопрос: «Почему?». Почему это произошло? Как стало возможным, что город Давида, казалось бы, навеки защищенный обетованием Божиим, подвергся разорению? И почему Израиль, избранный Богом народ, не услышал грозных предостережений и призывов к покаянию, которые Всемогуший обращал к нему через пророков конца 7-го – начала 6-го веков? Что произошло? И вот Иезекиилю является неопишемое видение, и слава Божия открывается ему как ответ на все мучительные вопросы.

Сияние надмирной славы Божией, которую пытается описать Иезекииль, – только начало откровения. Дальше Господь будет

говорить слово, которое пророк возвестит своим соплеменникам и грядущим поколениям. Но важно, что он начинает с описания невероятного зрелища. В шуме северного ветра, который всегда был для Израиля символом гнева Божия, молча созерцает пророк некое таинственное движение.

Само по себе описание видения пророка Иезекииля навеки определит все зрительное представление небесных сил в умах верующих. Вся христианская иконография их так или иначе базируется на словах Иезекииля. Но для его времени это описание абсолютно уникально. Пророки прежних времен – Моисей, Илия, Исайя, – которых Бог удостоил созерцать Славу Свою, ограничивались лишь смутными образами. В Пятикнижии Моисеевом явления Божии происходят во мраке, сквозь который не проникает взгляд человека. Илия присутствие Вседержителя ощущает как веяние тихого ветра. Исайя, по собственному выражению, видит лишь края риз Его и слышит голоса бесплотных существ. Зримым образом славы Божией до Иезекииля был лишь столп огненный и облачный, шествовавший перед Израилем при исходе из Египта. Иезекииль впервые пытается подобиями земных реалий описать, точнее – изобразить словами, как на иконе, то, что ему открылось.

Видению славы Божией, описанному Иезекиилем в первой главе, едва ли можно дать детальное истолкование. Характерная особенность этого описания – его приблизительность. Сам пророк называет эти образы «подобиями», чтобы у нас не возникало соблазна думать, что мы точно знаем и видели всю полноту Славы. И все же можно выделить несколько содержательных аспектов видения.

В первую очередь, это таинственное движение, совершающееся сразу «на четыре стороны». Иконографически неуловимое, это движение подчеркивает, что пророк видит нечто живое, Славу Живого Бога. Одновременно это непрестанное движение является ему как смысл и движущая сила всей человеческой истории. Он видит Бога, приходящего к Своему народу, как Он обещал через пророков.

Во-вторых, характерной чертой видения Иезекииля является свет, сияние Божества. В этом и продолжение традиции Ветхого Завета, и предвосхищение Христа, Который будет Светом миру.

Далее, пророк многократно повторяет в описании число 4. На языке библейской числовой символики это число в первую очередь обозначает все стороны света, весь мир. Слава, которую созерцает пророк, объемлет весь мир, и он видится пророку как подножие ног Всемогушего.

Наконец, странные крылатые и многоликие существа, при всем их различии, объединяет то, что все они отличаются от человека. Однако в центре видения – таинственная человекоподобная фигура, которую пророк описывает в последних строках первой главы. Можно сказать, что не столько видение подобно человеку, сколько человек подобен Тому, Чья Слава открылась Иезекиилю. Отчасти на этом видении основано употребление пророком Иезекиилем (и его преемниками) выражения «Сын Человеческий», которым Господь Иисус Христос называет Себя чаще всего.

2–3

После видения подобия славы Божией пророк Иезекииль слышит голос Бога, призывающего его пойти и возвестить Израилью Его слово. Важным отличием, на которое обращает пророк внимание читателя, является то, что дело пророка – только произнести слово, которое Бог вкладывает в его сердце и которое сладко, как мед, в устах пророка. Бог говорит Иезекиилю: «Пойди и скажи им, будут они слушать или не будут». Не важно, примут ли сыны Израиля весть пророка. Более того, Бог Сам говорит, что сердце сынов Израиля огрубело и они не послушают пророка. «Но пусть знают, что был пророк среди них», – говорит Господь.

В известной степени повеление Божие Иезекиилю может быть отнесено и ко всем библейским пророчествам. Бог посылает Своих служителей к нам независимо от того, будем мы слушать или не будем. Несмотря ни на что это слово должно быть сказано ради

верности Божией и ради того, чтобы у нас была возможность услышать его.

«Но пусть знают, что был пророк среди них», — ведь люди часто упрекают Бога, говоря: «Ах, если бы знать!» Если бы мы знали, чего хочет от нас Бог, если бы мы видели, что мы на самом деле творим... Господь отвергает эти упреки, потому что все, что нам необходимо знать для спасения, нам сказано.

И далее, в 3-й главе пророк записывает слово Божие об ответственности. Это такая важная тема, что несколько раз на протяжении своей книги Иезекииль возвращается к ней. Можно сказать, что он стал пророком личной ответственности людей. В самом же начале книги он говорит об ответственности пророка как служителя Божьего: если пророк вразумлял беззаконного, то ответственность на беззаконном, но если пророк уклонился от этого служения, то ответственность за гибель беззаконного падет на самого пророка. Таким образом, служение его можно назвать служением вразумления.

4

Ветхозаветные пророки иногда совершали странные, шокировавшие их современников вещи. Такие пророческие действия можно сопоставить с притчами, которые произносил Господь Иисус Христос, но притчи пророков были зримыми. В чем-то они напоминают поступки юридивых.

Так, пророк Иезекииль в 4-й главе повествует о пророческом действии, которое Бог повелел ему совершить для того, чтобы сказать нечто важное о грядущем разрушении Иерусалима. Для нас сегодня язык этой притчи-«пантомимы» малопонятен. Вряд ли он был понятен без комментариев и современникам пророка. Однако смысл откровения достаточно прозрачен.

Господь говорит о мере беззаконий Израиля, которой неким таинственным образом соответствуют сроки пленения народа. Основная же часть пророческого действия посвящена тому, что вместо безмерных даров милости Божией Израиль, отвернувший-

ся от своего Создателя, будет по очень скудной мере получать нечистую пищу в плену. Бытовавший тогда способ выпекания лепешек отличался тем, что они пропитывались дымом того, на чем их пекли (дымом используемого топлива). Бог повелевает пророку печь лепешки на нечистотах, ибо эти лепешки должны символизировать хлеб рабства, горький и гадкий.

И еще в этой притче есть два важных аспекта. В контексте того, что Иезекииль скажет об ответственности людей за свои поступки, Бог говорит пророку: «ты будешь нести беззаконие дома Израилева» и определяет для этого очень мучительный способ. Так пророк, еще прежде откровения о Новом Завете, становится образом Христа, Который был мучим за беззакония наши.

Кроме того, поражает какой-то детский способ изображения осады Иерусалима: «возьми кирпич, и начертай на нем город Иерусалим». Сразу вспоминается песочница и игрушечные солдатики... Но при этом здесь выражена разница масштабов жизни Творца и Его действий в мире и предающих Бога людей. Следует сопоставить с этим символом Иерусалима диалог Бога с пророком Иеремией о гибели Иерусалима, происходивший за 5-6 лет до этого, около 598 г. Повелев Иеремии пойти в дом горшечника, Бог показал ему, как горшечник сминает неудавшийся сосуд, чтобы вылепить из кома глины нечто новое. «Не могу ли Я так поступить с вами, дом Израилев?», спрашивает пророка Господь (Иер 18:1–11).

Этот маленький кирпичик, изображающий Иерусалим, в контексте книги пророка Иезекииля соотносится с двумя мерами. С одной стороны, описанное пророком в первой главе видение всеенской славы и всемогущества Творца – и как мал и беззащитен оказывается перед этой славой беззаконный народ. С другой стороны, ничтожность Иерусалима и его смешную гордыню пророк соотносит с помилованием Божиим, о котором он будет говорить во второй половине книги. И это помилование, снисхождение Бога к жалкому «кирпичику», открывается пророку как ничем не объяснимый и незаслуженный дар.

5

Ужас охватывает пророка Иезекииля, когда Бог дает ему увидеть историю Израиля в перспективе правды Божией. Каждое слово пророка, которое мы читаем в 5-й главе, проникнуто страхом и болью. Грехи Израиля оказываются в глазах пророка гораздо большим, чем нарушение установленных норм и правил: он видит в них противление Самому Вседержителю.

Время, когда жил пророк Иезекииль, было наполнено борьбой возникавших и распадавшихся империй с малыми странами и народами. Сам Израиль в силу своего географического положения постоянно оказывался в водовороте этой борьбы. Еще живы были в памяти избранного народа времена Ассирии: крушение ее под ударами Вавилона произошло всего лет за 30 до призвания Иезекииля. Ребенком он мог слышать, как говорил тогда о гибели Ассирии пророк Наум: «Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» (Наум 3:19). Так что вполне естественно, что в апокалиптической картине, которую пророк Иезекииль описывает в 5-й главе, заметны отзвуки карательных экспедиций Ассирии против взбунтовавшихся народов. В те времена это было обычным делом: так же поступали и Вавилон, и Египет.

Беззаконие Израиля, проникающее во все сферы жизни, предательство Синайского завета Иезекииль видит как такой бунт маленького народа против великого властелина – бунт, за который последует суровая кара. Правда Божия не может потерпеть идолопоклонства, жестокости и насилия, воцарившихся в жизни Израиля. Противление властителю не может быть терпимо, потому что иначе властитель покажет себя слабым. Это было абсолютно очевидно всем на Востоке в то время. Логика событий, о которой говорит пророк, неумолима: Израиль, призванный к святости, вместо этого умножил беззакония свои и стал хуже язычников – в ответ на это и Бог восстал на суд против Иерусалима.

Лет за 5–6 до этого пророчества нечто подобное происходило в Иерусалиме при царе Седекии и пророке Иеремии, и тогда Бог

говорил царю через Иеремию: «Ты отказался дать свободу твоим единоплеменникам – тогда Я объявляю тебе свободу... подвергнуться мечу, моровой язве и разорению». Видимо, одним из самых пронзительных откровений этой эпохи была мысль о том, что Бог поступит с Израилем так, как Израиль поступает с Богом.

Современному человеку это может показаться несправедливым: слабых и малых нельзя обижать, скажем мы. Но в противостоянии святости Божией и греха этого мира дело идет не о чем меньшем, чем жизнь и смерть. Поэтому требовательность Божия в данном случае не более несправедлива, чем в словах «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40) или «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме» (1 Ин 2:9). Любовь, даруемая Духом Божиим, не может быть односторонней или частичной. Либо мы живем, водимые Духом, – и тогда мы верны и милостивы и к Богу, и к ближнему, либо мы против Того и другого.

И никакими обильными жертвами и формальным поклонением невозможно купить снисхождение Всемогущего, если попираются нравственные принципы, положенные Им в основание мира, и предается верность Его любви. Что еще может ждать Иерусалим, взбунтовавшийся против своего Владыки? Вот поэтому так ужасна картина разорения и гибели Иерусалима, которую описывает пророк Иезекииль в 5-й главе. Вот поэтому текст этой главы так напоминает повеления древневосточных властителей о карательных походах против бунтовщиков. Читая эти слова, однако, важно помнить, что они не объемлют собою всей полноты воли Божией: дальше, в следующих главах, Бог дополнит это откровение правды откровением милости.

6

Первые главы книги пророка Иезекииля поражают душу читателя окончательностью сурового приговора, вынесенного Иерусалиму и избранному народу. Пророк говорит о чудовищности греха и об ответственности людей за него, и убедительности его слов

нечего противопоставить. Правда Божия такова, что всякое сознательное, преднамеренное противление воле Творца губительно. Нельзя умолчать об этом, и нельзя никуда скрыться от руки Всемогущего. Как бы ни был силен и неумолим Его гнев, события истории показывают, что Он – единственный Владыка Израиля и всей вселенной.

В начале 6-й главы пророчество о воздаянии за грех находит свое логическое завершение. Господь обращается через пророка уже не только к жителям Иерусалима и Иудеи, но и к самой природе Святой земли. Он повелевает Иезекиилю изречь пророчество на горы и холмы, долины и лощины о том, что все они будут разорены за идолопоклонство своих жителей. Сразу вспоминаются страшные слова Творца согрешившему Адаму, записанные в книге Бытия: «проклята земля за тебя» (Быт 3:17). Шестью столетиями позже апостол Павел дополнит эту мысль, говоря: «тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее ... вся тварь совокупно стенает и мучится донныне...» (Рим 8:20–22). Весь тварный мир несет на себе плоды человеческого греха и разделяет с человеком ответственность за его поступки. Такова оборотная сторона владычества человека в мире, порученном ему Богом. Нравственное разложение человека, распространяясь, в конечном итоге приводит и к физическому разложению тварного мира; несомненной иллюстрацией этому могут быть экологические катастрофы современности.

Но... после пророчества об опустошении земли в горькой речи пророка появляется нечто новое. Все, что было сказано о возмездии, – правда, но не вся правда о Боге. Он не таков, чтобы удовольствоваться одним только возмездием. С 8-го стиха 6-й главы рядом с обличением и приговором появляется слово удивительной надежды.

Господь вновь, как Он говорил и другим пророкам, возвещает об остатке Израиля, о тех, кто уцелеет и будет спасен. В три стиха вкладывается все содержание библейской аскетики и науки покаяния. Остаток, по слову пророка, это те, чье сердце будет сокрушено, кто почувствует отвращение к самим себе за сделанное ими

зло и, в результате, вспомнит о Боге. Неверно было бы утверждать, что одним заранее предопределено войти в этот остаток, а другим – погибнуть. Большой вопрос, найдутся ли те, кто в покаянии обратятся к Богу. Лет за тридцать до этого пророк Иеремия с горечью говорил о неспособности народа к покаянию: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?» (Иер 13:23). И великое и неожиданное откровение – то, что Бог, видящий будущее, с уверенностью говорит о том, что остаток найдется и будет сохранен.

Только это, строго говоря, и придает смысл разрушению Иерусалима и, шире, всем катастрофам духовной истории человечества: то, что «будут у вас среди народов уцелевшие от меча... и вспомнят о Мне уцелевшие ваши среди народов» (Иез 6:8–9). Плененному Израилю Господь говорит через Иезекииля, что его отношение к Богу изменится, и это послужит к обновлению и спасению людей. Слова «и узнаете, что Я – Господь», дважды повторенные в конце 6-й главы, мы воспринимаем как впитанную с детства угрозу: «я тебе покажу... будешь знать, как безобразничать». Но Сам Бог и пророк Иезекииль вкладывают в них совершенно иной смысл. Чтобы понять это, необходимо сопоставить их со словами пророков 8-го века до Р. Х. Пророк Осия говорит о судьбе народа: «суд у Господа с жителями сей земли, потому что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле... Истреблен будет народ Мой за недостаток ведения» (Ос 4:1–6). Тот же пророк Осия возвещает о Боге исключительно важное откровение, которое вспомнит впоследствии Господь Иисус Христос: «Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (Ос 6:6, Мф 9:13), а пророк Исайя говорит о Христе, отрасли от корня Иессеева: «почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия...» (Ис 11:2). Итак, в конце 6-й главы пророк Иезекииль говорит о том, что остаток Израиля в покаянии обратится к Богу и будет знать Его так, как этого хочет Сам Бог.

7

Почти вся седьмая глава книги пророка Иезекииля содержит плач, слезные восклицания, которые пророк произносит от лица Господа. «Вот день! вот пришла, наступила напасть!» – вот, пришло то, о чем на протяжении веков предупреждал Господь через пророков. Вдумаемся: не раз и не два, не в последние дни перед катастрофой – почти за двести лет предупреждает Господь. Он долготерпит, Он говорит о том, как ужасно и губительно идолопоклонство Израиля, Он объясняет практически все... Самое главное – Бог постоянно напоминает о том, что спасение есть, и нужно только обратиться к Нему.

Трагическая интонация этого пророчества близка к молитве в Гефсиманском саду и к плачу Христа об Иерусалиме. Даже текстуально слова этой главы совпадают со словами Христа: «вот, оставляется вам дом ваш пуст». Скорбь Господа об Иерусалиме звучит как голос человека, бессильного предотвратить беду. Это, конечно, иллюзия, ибо Бог всесилен. Но невозможно отвести бедствие, свободно избранное самим людьми, – в этом трагическая сторона парадоксального дара свободы. Как бы Он Сам хотел, чтобы этот день не настал! Но вот он, этот день, пришла напасть, и она, как стихия, не разбирает правых и виноватых, хороших и плохих. Подробное перечисление бедствий пророк приводит не ради литературной выразительности, но ради того, чтобы показать их слепой и безжалостный характер.

Этот момент древней истории избранного народа важен для всех, если смотреть на него с точки зрения Нового Завета. В сущности, беззакония всех народов и каждого человека так же неотвратимо влекут за собой гибель, как и беззакония Израиля. Именно от того, о чем плачет Господь в 7-й главе книги пророка Иезекииля, Он и придет избавить нас. Это самое жуткое бедствие, плод нашего выбора, Он возьмет на себя, как напишет об этом несколькими десятилетиями позже автор второй половины книги Исайи: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис 53:5).

В последнем стихе главы Бог Сам объясняет, почему предреченное бедствие стало неотвратимым. От Его имени пророк восклицает: «Поступлю с ними по путям их, и по судам их буду судить их». На протяжении всей седьмой главы Господь говорит о бесчеловечности человеческого общества, о том, что «земля эта наполнена кровавыми злодеяниями, и город полон насилий». Вот что, в конечном итоге, становится главной причиной гибели Иерусалима. Рядом с этим нельзя не вспомнить слова Христа: «Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф 7:2), сказанные уже не только Израилю, но всем людям.

8–10

Начиная с 8-й главы, пророк Иезекииль описывает содержание второго видения и сказанных в нем слов Господних. В отличие от первого, данного Иезекиилю на берегу Ховара, второе видение случилось в церковном собрании (прообразе синагоги) в доме пророка. Второе видение – это своеобразный инсайт, озарение, которое осеняет разум пророка по воле Святого Духа. Бог дает пророку новую точку зрения и показывает ему то, что пророк и так знает, но не вполне осознает. По сравнению с первым видением, второе, пожалуй, можно отнести к гораздо более распространенному в Церкви типу. Здесь Бог не столько сообщает человеку что-то новое, сколько открывает глаза на известную ему реальность. Нельзя сказать, что Бог наделяет пророка способностью взглянуть со Своей точки зрения; скорее, Он дарует ему некоторую отстраненность, позволяющую по-новому увидеть жизнь.

Пророк описывает свои субъективные переживания так: «Бог привел меня... и я увидел...» Итак, Господь показывает Иезекиилю все беззакония Иерусалима. Но если раньше речь шла о жестокости и насилии, переполнявших жизнь народа, то теперь Бог обращает внимание пророка на прямые проявления идолопоклонства Израиля. Не где-нибудь, а непосредственно в Храме видит пророк поклонение наиболее популярным идолам Древнего Вос-

тока. Здесь и статуя Астарты, поставленная, вероятно, полвека назад при царе Манассии; культ ее был широко распространен по всему Ближнему Востоку и носил весьма неприличный характер. Здесь «плач по Фаммузу» – почитание умирающего и воскресающего сельскохозяйственного бога восточных народов, и поклонение солнцу и всякой живности, свойственное Египту и Вавилонии, культурнейшим странам, походить на которые так тщится Израиль... Все это было известно и пророку, и старейшинам Иудейским, собравшимся в его доме. Но в видении Бог называет вещи своими именами, и картина окончательного отпадения Израиля становится пугающе очевидной.

Вывод о том, что будет с народом, предавшим Бога ради идолов, напрашивается сам собой. Последствия идолопоклонства пророк изображает в 9-й главе, и слова его напоминают о египетских казнях, обрушившихся на противящегося Богу фараона. Картина запечатления невинных, «скорбящих о мерзостях Израиля», живо напоминает ночь Исхода. Но теперь Израиль сам оказался в положении богопротивника, обреченного на уничтожение: «только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши», как почти за двести лет до Иезекииля говорил Бог пророку Амосу (Ам 3:2). Самому пророку Иезекиилю кажется, что гибель суждена всему Израилю, и в трепете он восклицает Богу: «неужели Ты погубишь всех?»

Отвечая Иезекиилю, Господь снова говорит о беззаконии и насилии. Идолопоклонство отходит на второй план, и Бог говорит: «земля сия полна крови и город исполнен неправды... обращаю поведение их на их голову». Нельзя не заметить, что это судьба всех обществ, в которых насилие становится основной чертой жизни людей, причем Бог явно имеет в виду не столько «государственное» насилие, сколько «бытовое», отравляющее частную жизнь людей.

Однако это еще не все: Бог открывает пророку правду до самого предела, до самого страшного, что не могло и привидеться никому из израильтян. Израильтяне эпохи Ветхого Завета мыслили о присутствии Божиим как о Славе Его, наполняющей Иерусалим-

ский храм (ср. 6-ю главу книги пророка Исайи). Эта Слава, Шехина или Шекина, была не просто сиянием, исходящим от Бога, но Его собственным присутствием. Израильтяне были уверены, что пока Слава Божия пребывает в Храме, с ними ничего плохого не произойдет и не может произойти. В этом был смысл поговорки «здесь Храм Господень», обличаемой пророком Иеремией (Иер 7:4). А само присутствие Славы Божией в Храме считалось непоколебимым и безусловным, в соответствии с обетованием Давиду и Соломону.

Но присутствие Творца несовместимо ни с каким грехом. Когда же люди окончательно избирают грех, присутствие Славы Господней становится невозможным. И пророк Иезекииль видит, что из-за грехов Израиля, почитающего идолов, плодящего беззакония и относящегося к Самому Всемогущему как к идолу, Слава Божия будет отнята. Центральная и главная часть видения – описание в 10-й главе того, как на огненной колеснице Слава Господня покидает Храм.

Пророк объясняет, что увиденное им не поддается описанию человеческим языком, и он создает своеобразную словесную икону. Отсюда странные образы колес, исполненных очей, невероятных существ, движущихся сразу в четыре стороны, и т. д. Возможно, на это описание, записанное в Вавилонии, повлияли увиденные там пророком изображения. Суть 10-й главы составляют, конечно, не эти детали, а содержание Откровения.

Для пророка важно, что увиденное им подчеркивает вселенский характер власти и присутствия Божия (отсюда упоминания о четырех сторонах света). Ему открывается вся безмерная разница масштабов Всемогущего и человечества. За века, прошедшие после Исхода, израильтяне стали относиться к Богу как к своему местному национальному божку – и вот Иезекииль увидел отблеск подлинного величия Творца. Именно в этой перспективе видит он и нравственное убожество своего народа.

Страшный нерв этих глав – неумолимая логика происходящего. События разворачиваются перед глазами пророка, последовательно вытекая одно из другого, и эта причинно-следственная связь

выглядит естественной в деталях и жуткой в целом. Так мелкие, но понятные человеческие подлости приводят к катастрофе несопоставимого с ними масштаба.

11

Являя пророку Иезекиилю, как Слава Господня окончательно покидает Иерусалимский Храм, и даже прежде этого, Бог произносит исключительно важные слова, записанные пророком в 11-й главе. В начале главы речь идет о странном для нас представлении иерусалимлян: о своем городе они говорят «он – котел, а мы – мясо». Скорее всего, эти слова были распространенной поговоркой, означавшей, что люди составляют главное в Иерусалиме и защищены его стенами, как содержимое котла. Но Бог вновь говорит о том, что ничто не сможет защитить народ от последствий его же собственного греха.

Далее, начиная с 14-го стиха, Бог отвечает на вновь заданный Ему пророком вопрос о судьбе остатка Израилева: «неужели Ты хочешь до конца истребить его?» Пророк получает повеление обратиться к сынам Израилевым, живущим в изгнании (то есть именно к тем, кто собрался в этот момент в доме пророка). Эти люди, по праву считающиеся цветом народа, были уведены вавилонянами в плен для того, чтобы некому было не только возглавить сопротивление, но даже и помыслить о нем. Среди них – князья и старейшины народа, священники и члены царской фамилии – потомки Давида; среди них книжники – исследователи Писания, мудрецы и ученые; среди них – знатоки языков и обычаев многих народов, в считанные годы создавшие в Вавилоне первые «транснациональные корпорации» и международные банки. На современном языке мы называем их элитой общества. Многие из них, судя по словам пророка, не запятнали себя идолопоклонством и скорбели о «мерзостях Израия».

Оставшаяся в Иерусалиме политически, религиозно и нравственно безликая публика быстро оценила открывшуюся возможность властвовать в отсутствии лучших людей. Их разнузданная

гордыня привела к тому, что они вычеркнули уведенных в плен из жизни Израиля. Скорее всего, изгнанникам было отказано в праве «заочно» участвовать в религиозной и политической жизни родины. Именно на это указывают слова, которые Господь приводит в 15-м стихе. Фактически они лишены не только родины: они лишены возможности общения с Богом, ибо поклонение Ему возможно только в Иерусалимском Храме. И вот к изгнанникам, отвергнутым и своим собственным народом, обращается Господь.

Лишенным всего людям, оторванным от всякой почвы, дается удивительное обетование, которое делает их богаче кого бы то ни было. «Я Сам, – говорит Господь, – буду для них некоторым святилищем». В качестве параллельного места к этим словам следует привести слова Христа: «наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине...» (Ин 4:21,23). «Я Сам буду для них некоторым святилищем» – это пророческое предчувствие поклонения «в Духе и истине».

И далее Господь отвечает на невысказанный вопрос, один из главных для пророков той эпохи. Это проблема неспособности людей быть праведными перед Богом, о которой подробно говорил пророк Иеремия. Спасительное действие Божие, о котором говорится в Иез 11:16–21, принесет обновление тем, кто прошел по пути страдания и очищения. «Дух новый вложу в них», говорит Господь, и обещает дать верным новое, по-настоящему живое сердце. Так в момент катастрофы, на фоне трагического духовного одичания, звучит пророчество о Пятидесятнице и обожении человека.

12

Ключевые слова в 12-й главе: «земля ... будет лишена всего изобилия своего за неправды всех живущих на ней» (Иез 12:19). Именно потому, что мы не верим этим словам, нам и бывает трудно принять заповедь Нового Завета о том, что спасение мира – в на-

шей любви друг к другу. Но, оказывается, мир держится только на том, что люди иногда способны миловать друг друга.

И чем ближе к Богу, тем сильнее эта связь между жизнью и милосердием. Жизнь Израиля времен пророка Иезекииля была непривлекательна, но достаточно обычна, если может вообще быть обычным насилие и беззаконие. Не знающие Бога народы вытворяли еще и не такое...

Но если ты призван Богом и ответил на Его призыв, если ты хочешь быть Его уделом на земле, то даже «обычная» бесчеловечность губительна. Чем ближе к Богу, тем сильнее пламя Его любви, в котором сгорает всякий грех, если пользоваться образом апостола Павла.

13

В 13-й главе Бог обличает через пророка Иезекииля одно из самых опасных явлений в религиозной жизни человечества: лжепророчество. Среди народа Божьего есть люди, говорящие от имени Бога то, что думают они сами. Они водимы духом своим, а не Духом Святым, и в лучшем случае выдают за слово Божие свои мнения. Чаще же лжепророки говорят то, что их соплеменникам было бы приятно услышать.

Господь специально обращает внимание на такие «оптимистические прогнозы» лжепророков, когда они предвещают мир, а мира нет. Такие «пророчества», в сущности, не относятся к сфере религии, а являются политической пропагандой. Среди вождей Израиля существовало в тот момент несколько соперничающих партий, предлагавших опереться в борьбе с Вавилоном на те или иные внешние силы. Обещания мира, которые в изобилии изливают лжепророки, упоминаются также и у пророка Иеремии, действовавшего в тот же период. Они были на руку определенным политическим силам, но Бог обличает их как греховный отказ от повиновения Ему.

Суть этих лжепророчеств о мире заключается в утверждении, что «с нами Бог, потому что мы очень хорошие, мы – народ-богоно-

сец, независимо от нашего нравственного облика». Обмазывание грязью стен Иерусалима здесь – пародия на пророческое действие, пытающаяся изобразить чудесную нерушимость этих стен. Вероятно, пророк Иезекииль имеет в виду вполне определенное событие современной ему истории, когда в Иерусалиме было совершено нечто вроде торжественного обряда при строительстве стен: в нем-то и участвовали, скорее всего, лжепророки. Возможно, речь идет о попытке «ура-патриотов» восстать против Вавилона после убийства наместника Годолии – в контексте этого бунта и надо понимать строительство (или восстановление) стен Иерусалима. Господь через Иезекииля не только опровергает лжепророчества, но и использует этот пример как образ истинного служения пророков. Они призваны «входить в проломы и ограждать стенами» – не Иерусалим, но дом Израилев: речь идет об обличении греха и призыве к исправлению.

Нужно сказать, что в истории пророческой эпохи мы сталкиваемся с лжепророками неоднократно, начиная с Амоса – первого из пророков-писателей и далее в течение нескольких столетий. В сущности, кульминацией лжепророчества станут крики первосвященников и фарисеев: «Возьми, возьми, распни Его». Важно понимать, что это явление достаточно глубоко коренится в психологии падшего человека и опасность столкнуться с ним не чужда и христианам. Не только в эпоху Плена, но и много позже мы видим «пророчества», обусловленные политической ангажированностью. Именно поэтому апостол Иоанн призывает «не всякому духу верить, но испытывать духов, от Бога ли они» (1 Ин 4:1).

Вторая половина 13-й главы посвящена явлению близкому, но не тождественному «политическому» лжепророчеству. Для различения между ними пророк говорит здесь не о лжепророках, как в первой половине главы, а о лжепророчицах. Судя по всему, эта вторая форма лжи и в самом деле больше практиковалась женщинами. Речь идет о чародействе, о разных волшебных и магических обрядах, цель которых – узнать будущее и даже повлиять на него. Эта форма лжепророчества много примитивнее первой, и руководствуются лжепророчицы не ложно понятием, но все же возвы-

шенным патриотизмом, а жадной наживы. «За горсть ячменя и за кусок хлеба» они, окутанные мистическим ореолом, предсказывают судьбу, заговаривают беды и так далее. В наших рекламных газетах сегодня пруд пруди объявлений вроде «Приворот с гарантией», так что нет нужды объяснять, что это такое. Как наши нынешние колдуны и маги используют иконы, святую воду и прочие атрибуты христианства, так в эпоху пророка Иезекииля они использовали атрибуты веры в Единого Бога. Их самовольное пророчество претендует на то, чтобы низвести божественную санкцию на заказчика, в то время как истинная воля Божия их не интересует. Об этом особенно ярко говорится в 22-м стихе: «...Вы ложью печаливаете сердце праведника, которое Я не хотел печаливать, и поддерживаете руки беззаконника, чтобы он не обратился от порочного пути своего и не сохранил жизни своей».

Обратим внимание на еще один аспект этого важного стиха — мысль о воле Божьей об обращении и спасении беззаконника. Здесь она высказана почти вскользь, однако далее пророк не раз будет возвращаться к ней, и она станет одной из центральных в его книге.

14

В очередной раз несколько человек из старейшин Израилевых пришли к пророку Иезекиилю и, вероятно, просили его дать им слово от Господа, чтобы им уразуметь происходящее, увидеть смысл постигшей их катастрофы и найти возможность жить дальше. Насколько можно судить, пророк спросил Господа, и Господь дал ему слово, но не то, которого от Него ждали.

Только что в предыдущих главах Бог говорил пророку именно о причинах краха Иерусалимского царства, почему же Он отказывается отвечать сейчас? То было слово ко всему народу, здесь же Бог впервые с почти новозаветной ясностью говорит о личных отношениях каждого человека с Ним. Потому Я не отвечаю им, говорит Господь, что они осквернили сердце свое идолопоклонством: через идолов они сделались чужими для Меня. Не Израиль

вообще, а вот эти конкретные люди. И понять это необходимо каждому.

Окончено время воспитания, когда Израиль предстоял Богу как народ, как целое. Отныне Бог отказывается от этого и избирает диалог с каждым человеком в отдельности. Это поворотный момент не только в библейской истории, но и вообще во всей духовной истории человечества, ведь и среди язычников преобладает коллективная, племенная религиозность. Нельзя сказать, чтобы это произошло неожиданно: уже Моисеевы уставы об индивидуальных жертвоприношениях готовили израильтян к таким личным отношениям. Но именно Иезекииль был призван возвестить об этом ясно.

Коллективная ответственность и племенные отношения с Богом удобны людям, потому что можно спрятаться за ними. Кто-то другой будет праведным, а я буду получать благодаря ему милости Божии. Нет, говорит Господь, праведностью своей каждый человек может спасти только свою душу, каждый пожинает плоды своих и только своих поступков и отвечает только за себя. С одной стороны, это освобождает людей от ответственности за грехи других, с другой стороны, личную ответственность нужно нести, ее невозможно избежать.

И далее Господь говорит об очевидном следствии из этого факта личных отношений и личной ответственности: дети уже не будут гибнуть за грехи родителей. Последние стихи 14-й главы являются необходимым дополнением к словам Десяти заповедей о том, что Бог наказывает потомство грешников до третьего рода и милует любящих Его до тысячи родов. С учетом того, что говорит нам Бог через пророка Иезекииля, в Декалоге применен определенный литературный прием – для того, чтобы показать несопоставимость масштаба последствий греха и праведности. Во всяком случае, когда люди в состоянии отвечать каждый сам за себя, – эта свобода нам даруется.

Но есть еще один неявный аспект этих слов. Если ни один из людей, даже самый праведный, своей праведностью не может спасти никого, кроме себя, то кто может спасти нас? Кто спасет тех,

кто не способен вырваться из рабства греху? Кто избавит нас от этого тела смерти, как выражается апостол Павел (Рим 7:24)? На Тайной вечере Господь Иисус Христос говорит ученикам, что Его Пречистая Кровь изливается за них и за многих. Именно Он – Тот, кто Своей Кровью и Своей праведностью спасает не одного Себя, но многих. Слыша эти слова, мы обычно думаем: многих, но не всех. А Господь Иисус говорит в логике 14-й главы Иезекииля: не одного Себя, а многих, потому что Он не просто человек, а Бого-человек. Таким образом, вторая половина главы оказывается своеобразным пророчеством о Богочеловечестве Христа, параллельным удивительным словам других пророков.

15

Еще со времен первых пророков виноградная лоза была символом народа Божьего: этим символом пользовались и Исайя, и Осия, и Иеремия, и другие пророки. Этот образ стал настолько привычным, что когда Господь Иисус Христос обращается к нему, слушатели Его сразу понимают, о чем идет речь. Не обходит этот образ и пророк Иезекииль. Краткая притча в 15-й главе его книги содержит одну очень важную мысль, которая сразу обращает на себя внимание.

Господь говорит, что виноградная лоза не годится ни на что, кроме того, чтобы давать виноград. Она отличается от иных пород дерева тем, что из нее ничего нельзя сделать. Следовательно, избранный народ «не годится» ни на что, кроме как жить в заключенном завете. Тем отличаются участники завета от остальных народов, что весь смысл их существования – в завете с Богом. Создание мировых империй и накопление неисчислимых богатств, сокровища мудрости и взлет технологий – все это может принадлежать им, но не может быть целью и смыслом жизни. Вне завета, нарушая его, люди завета становятся ненужными, неуместными в этом мире. И Господь говорит, что выйти из завета в «обычную» жизнь невозможно, можно только погибнуть в огне, что и происходит с допленным Израилем.

Надо ли подчеркивать, что это относится к Новому Завету и его участникам гораздо больше, чем к Ветхому?

16

Брачный союз – один из типичнейших библейских образов отношений Бога с людьми; обращается к нему Господь и в Своем слове пророку Иезекиилю. Огромная по сравнению с другими 16-я глава его книги содержит подробную и очень важную притчу об истории избранного народа. Содержание и характер притчи, впрочем, таковы, что она приложима ко всем, кого призывает Бог.

Господь говорит о Своем народе как о младенце, который был обречен погибнуть потому, что никому не был нужен, – эта мысль продолжает записанное пророком в предыдущей главе. В сущности, каждый из нас подобным же образом получает ни за что милости Божии. Самый дар жизни и все, необходимое для нее, пища и кров, силы и таланты, работа и семья – все, что у нас есть, является даром милосердия Божьего – ведь всего этого могло и не быть...

И далее Господь говорит об идолопоклонстве Израиля (и вообще людей) в таких выражениях, что трудно читать это, не краснея. И вместе с тем невозможно спорить с этими словами, потому что образ блудницы, при всей своей неприглядности, как нельзя более подходит к сути дела. С какой-то порочной ненасытностью гоняется Израиль за идолами и волшебством, отдавая этому даже то, что по праву принадлежит Единственному. Более того, все это делается не ради каких-то мелких, но осязаемых выгод, а ради самого греха, его зловещей притягательности. Увы, нельзя считать, что эти слова описывают то, что осталось в прошлом. Безудержное распространение в мире всякого волшебства в последние десятилетия ничем не отличается от того, что происходило в Израиле накануне Плена, и потому заслуживает той же нравственной оценки. Не менее важно, что поклонение силе, богатству и наслаждениям во всем – от международной политики до частной жизни людей – явление того же сорта.

Во второй половине главы Господь говорит о том, что плод такой жизни ужасен: Я буду судить тебя судом прелюбодейц и проливающих кровь. Освободиться от идолов самостоятельно невозможно, и то, что поначалу так увлекательно, оказывается в конечном итоге губительно. Как Бог влечет поклоняющихся Ему к жизни, так тленная материя влечет поклоняющихся ей к своей судьбе – тлению и распаду. В качестве параллельного к этой главе места нелишне привести притчу Христа о богаче, которому Бог сказал: «безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк 12:16-21).

Однако все это – только долгое введение к тому главному, что говорит Господь в данной главе. Мы нарушаем верность завету, мы нарушаем ту единственную заповедь, которую дает нам Бог при вступлении в этот мир, мы оказываемся неверны в малом и в большом. Но Бог остается верен союзу с нами несмотря ни на что – этому-то великому Откровению и посвящена вся 16-я глава.

Очень важно обратить внимание на последние слова главы. Господь говорит о стыде, который вызывает дарованное прощение. В контексте этой главы, да и всей Библии, это неявный намек на отвержение спасения и Спасителя. Мы так не любим стыдиться, что готовы отказаться от прощения, даваемого нам как дар.

17

17-я глава книги Иезекииля посвящена хорошо известным политическим событиям начала эпохи Плена. Они служат отправной точкой для откровения пророку и его слушателям очень важных вещей о замысле Божьем. Но прежде того Господь подвергает анализу собственно события. Язык этой притчи непривычен для нас, так как отличается от нашего способа выражения, но смысл слова Божия, тем не менее, совершенно ясен.

В первую очередь важно, что Господь дает политическим событиям нравственную и духовную оценку. Мы привыкли избегать этого, потому что слишком многое в нашей политической жизни следовало бы, с нравственной точки зрения, оценить резко

отрицательно. Тем важнее для нас этот пример. Правители Иерусалима, назначенные Навуходоносором вместо уведенного в плен царя Седекии, нарушили клятву царю Вавилонскому, стали искать военного союза с Египтом, чтобы избавиться от вавилонской зависимости. Господь говорит, что из этого ничего не выйдет, и приводит тому два основания. Во-первых, на обмане ничего не может быть построено. 14-й псалом называет непорочным того, кто «клянется, хотя бы злему, и не изменяет». Значимость обещания не в том, насколько хорош тот, кому мы что-то обещаем, а в нашей собственной верности. Во-вторых, воля Божия была в том, чтобы Иерусалиму «предаться в руки царя Вавилонского», как говорил Бог через пророка Иеремию. Следовательно, вероломная политика иудейских вождей не только лжива, но и противна ясно выраженной воле Вседержителя.

Но, как и в других случаях, это только вступление к главному. В конце главы Господь открывает пророку, что Он поставит Своему народу иного Главу. Кедр, самое могучее и долговечное растение Ближнего Востока, становится символом Христа, который будет царем от рода Давидова. Не следует пренебрегать в толковании и изобразительным контрастом виноградных лоз, стелющихся по земле, и, с другой стороны, высокого кедра, тянущегося к Небу.

18

В 18-й главе Господь устами пророка Иезекииля вновь восстает против человеческого представления о наследовании вины и наказания за грех. Эта идея, такая распространенная и понятная людям, уподобляет Бога нам самим, потому что это мы не различаем людей, но судим их по категориям. Бог же говорит о том, что Он строит Свои отношения лично с каждым из нас, каждый в своей отдельности судится по своим поступкам. Это Откровение предваряет Новый Завет, в который люди будут вступать не целыми народами, но каждый поодиночке.

Господь очень подробно говорит об этом, разбирая конкретные случаи. Если отец праведен, а сын нечестив, то отец обрел благо-

воление у Бога, а сын погибнет в грехах, – как не хочется слышать это иудеям! Когда о том же самом говорят другие пророки, когда Иоанн Креститель говорит: «...Не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам» (Лк 3:8), когда Сам Христос с горечью восклицает: «...Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня...» (Ин 8:39–40), – это вызывает у иудеев приступы ярости. Вот, у нас были такие замечательные святые предки, а нас самих будут судить по делам нашим, без скидки на наследственность... За это ненавидели и пророка Иеремию, и Иоанна Крестителя, и Самого Господа Иисуса. Нужно признать, что нередко в эту логику укладываются и наши судорожные восклицания про Святую Русь...

Гораздо важнее, что Господь обещает Свое благоволение праведнику, даже если его предки были нечестивы: это актуальнее для нас, живущих на постсоветском пространстве, в куда большей степени, чем ностальгия по Святой Руси.

Но Господь не ограничивается этими генеалогическими определениями. Во второй половине главы Он возвещает великое Откровение милости к кающимся. Кающийся грешник будет принят Богом, и все преступления его, говорит Господь, не припомнятся ему. И вот, впервые здесь звучат великие слова: «Разве Я хочу смерти беззаконника? ... Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» Это говорится о каждом из людей, потому что, как не раз повторяет слово Божие, все мы так или иначе виновны перед любовью Творца. Но Он хочет спасения каждого, даже самого закоренелого грешника. Одновременно Господь говорит и об обратной стороне принципа ответственности людей за свои поступки: за зло придется отвечать, и каяться в нем необходимо для спасения. Никакие заслуги не покроют злодеяний, но только сокрушенное сердце может приблизить избавление человека.

Завершается 18-я глава скорбным восклицанием о том, что дом Израилев не соглашается на такую милость Божию, потому что не хочет нести ответственность и каяться в своих преступлениях, рассчитывая именно на прошлые заслуги. В последних стихах, вновь повторяя слова о том, что Он не хочет гибели людей,

но чтобы они обрели спасение, Господь обращает к народу призыв: «сотворите себе новое сердце и новый дух... зачем вам умирать?»

С одной стороны, это призыв к изменению жизни, к тому самому покаянию, о котором Бог сказал, что оно изгладит все преступления, это призыв к тому, чтобы всеми силами приблизиться к Богу сердцем. И в то же время этот призыв звучит крайне неоднозначно, потому что исполнить его едва ли возможно. Практически то же самое, хотя и несколько иными словами, Господь чуть раньше говорил через пророка Иеремию, и пророк с горечью восклицал: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?» (Иер 13:23). Кто может сотворить себе новое сердце и новый дух? Даже если сердце человека ищет покаяния, как может сам человек выкорчевать грех из самого себя? Эти слова отражают трагическую безысходность эпохи и ставят самый главный вопрос: «Что делать, если человеку это невозможно?» Во второй половине книги пророк Иезекииль даст ответ на этот вопрос, говоря о приходе Христа и заключении Нового Завета, когда Бог Сам даст кающемуся новое сердце и новый дух.

19

Плач об избранном народе, который пророк Иезекииль облакает в 19-й главе в форму своеобразной притчи, очень важен, если так можно выразиться, в эмоциональном контексте его книги. На протяжении почти всей первой половины книги пророк приводит слова Всемогущего, с горечью и скорбью обличающего грех, призывающего к исправлению и предрекающего бедствия. И если мы не слишком хорошо знаем Его, то в этих словах нам могут послышаться оттенки мстительности и какого-то странного садизма. Ничего подобного там нет, просто мы не умеем воспринимать суть пророческих слов. Но этот плач ставит все на свои места. Невозможно точно сказать – это плач от лица Иерусалима, скорбящего о своих грехах, или от лица Бога, плачущего о них же.

Важно, однако, что в предыдущей главе Господь напрямую говорит о том, что Он не хочет гибели грешника, но чтобы он был жив. И плач делает понятным: гибель человека в грехах своих – это не торжество высокой справедливости, а трагедия. Трагедия и для нас, и, что самое главное, для Бога. Он Сам будет совершать великое и нами не постижимое для нашего спасения и плакать об Иерусалиме потому, что «повернулось во Мне сердце Мое от жалости к тебе, народ Мой» (см. Ос 11:8). Нам порой кажется, что Богу не могут быть присущи такие «переживания», как скорбь. Это трудно себе представить. Но плач Иезекииля говорит о том, что жалость и скорбь – проявления любви Творца.

20

Вновь приходят к пророку Иезекиилю старейшины Израилевы для того, чтобы спросить Господа, и вновь Он отказывает им в ответе. Господь через пророка перечисляет все предательства избранного народа, от египетского до вавилонского плена. Страшный и поучительный список, потому что нечто подобное повторяется в истории очень многих, если не всех народов, вступивших в завет с Богом. Нельзя не заметить, насколько то, о чем Бог говорит в 20-й главе книги пророка Иезекииля, похоже на двоеверие ранней эпохи русского или европейского христианства, которое так мучительно и трудно преодолевала Церковь. Поэтому так важно и для нас то, что Господь говорит в этой связи.

Дело в том, что в Израиле предпленной эпохи начала распространяться идея о том, что нарушенный завет с Богом лучше вовсе забыть. Пусть мы не смогли быть верными и исполнить его... Теперь мы будем «как все», лишённые благодетей Божиих, но и свободные от обязательств перед Ним. Вот об этом Господь говорит: «что приходит вам на ум, совсем не сбудется». Пусть народ отступил от завета, но Бог не отступит от него. «Я проведу вас под жезлом и введу вас в узы завета», – говорит Господь. Он говорит об очистительном бедствии, в котором каждому человеку в отдельности будет предоставлена возможность пожать плоды сво-

его выбора, но Израиль как народ будет восстановлен Богом из остатка именно как народ завета.

Снова Господь возвещает, что неверность людей, пагубная для них самих, не превосходит верности Бога. В связи с этим вспоминаются слова преп. Симеона Нового Богослова из его молитвы перед Причащением: «ни величина прегрешений, ни количество грехов не превосходят Бога моего многого долготерпения и человеколюбия крайнего». Замысел Божий охватывает не только спасение Израиля, но и спасение всех людей, поэтому он не может быть остановлен. И Бог обещает, что истинная милость Его будет узнана нами, когда Он поступит со Своим народом не по **их** грехам, а ради славы имени Своего. И это грядущее действие Божие «ради славы имени Его» сравнивается в последних стихах главы со всепоглощающим лесным пожаром. Сам Господь Иисус Христос обращается к этому образу, говоря: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк 12:49).

21

Снова и снова провозглашает пророк слова Господа о приближающемся разрушении Иерусалима, и с каждым разом пророчество становится все более детальным, потому что приближается его исполнение. Сам ли пророк, или его ученики собрали его слова в единую книгу, доподлинно неизвестно, однако фактически она стала хроникой приближающейся беды.

Пророчество о царе Вавилонском как о наостренном мече, которое мы читаем в 21-й главе, много дает для понимания библейского взгляда на историю. Подобные мысли встречаются и у других пророков, но особенно близки к ним пророчества Второисайи о царе Кире, которые прозвучали несколькими десятилетиями позже. Обоих царей, Навуходоносора Вавилонского и Кира Персидского, пророки называют избранными орудиями Божиими. Первый из них – меч гнева Божьего, второй – орудие избавления. Важно, что каждый из них действует из своих собственных по-

буждений, и оба они – язычники, хотя Навуходоносор враждебен вере Израиля, а Кир – напротив, благоволит ей. Но они не знают Бога и действуют самостоятельно. Тем не менее в их действиях проявляется воля Всемогущего, Который не зря называется в Библии Царем царствующих и Господом господствующих.

Для этих царей то, что они исполняют волю Бога Израилева, помимо своей воли и неосознанно, ничего не меняет – они и не думают об этом. Но для избранного народа, для всех, верующих Богу, этот факт меняет все. Судьбы Израиля определяются не волей царей, и не к ним следует взывать об избавлении. Все, происходящее с народом, происходит в отношениях между ним и Богом – и других самостоятельных участников в этой истории нет.

22

Еще одно перечисление беззаконий Израиля предлагает нам пророк Иезекииль в 22-й главе, и в нем, как и в других, обнаруживаются несколько характерных моментов. В первую очередь бросается в глаза то, что в списке «мерзостей Израиля» совершенно наравне и вперемешку пророк перечисляет нравственные грехи (точнее, безнравственные) и грехи религиозные, преступления против Бога и против человека. Они не только не отделяются друг от друга по природе и последствиям, но подчеркнуто соединяются. Сам по себе этот факт – величайшее откровение, непостижимое для так называемой «естественной религиозности» и одно из самых важных в Ветхом Завете.

Далее, предлагая выплавку серебра как образ очищения и праведности, Господь говорит, что в переплавке, которой подвергается человек с момента заключения Синайского завета, народ Израилев сделался шлаком (в Синодальном переводе – изгарью, в Септуагинте – примесью). Синодальный перевод избирает здесь очень точное слово, потому что изгарь – не просто примесь, но примесь, которая выгорает при переплавке. Важно, что переплавка необходима для того, чтобы выделить очищенное драгоценное серебро, – и потому неизбежно сгорание изгари. Господь говорит о пламени,

которое охватит всех, весь Израиль, – и только те, кто были чистым серебром, уцелеют в нем и выйдут из него очищенными. Впервые в Библии мы встречаемся с этим образом испытывающей веру и очищающей переплавки; потом к нему будут обращаться в своих посланиях апостолы Петр и Павел (1 Пет 1:6–7, 4:12; 1 Кор 3:12–15), встретится он и в Апокалипсисе (Откр 3:18).

Наконец, в последней части главы Господь вновь говорит об отвратительной картине соращения политических и духовных вождей народа, и здесь Он произносит удивительные слова: «Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел». Стоящий в проломе, которого искал Господь, – кто это? Ведь совсем недавно Он говорил, что даже великие праведники Ной, Даниил и Иов не смогут спасти ничьей души, кроме своей. Кто может быть заступником, защитником погибающих? По контексту понятно, что речь идет о Праведнике, который противостоял бы всем перечисляемым беззакониям Израиля. Вспомним в связи с этим диалог Авраама с Богом, где Бог говорит о том, что если бы нашлось в Содоме малое число праведников, город бы не погиб (Быт 18:22–33). Здесь слова о Том, кто стал бы в проломе, предваряют пророчества, которым будет посвящена вторая половина книги пророка Иезекииля.

23

Вероятно, пророку Иезекиилю очень много раз, быть может – постоянно, приходилось говорить приходящим к нему иудеям о том, почему с Иерусалимом произошло то, что произошло. Многие, хотя, наверное, не все его проповеди были включены в книгу; каждая из них произносилась в Духе Святом и содержит слово Всемогущего. В 23-й главе пророк снова обращается к образу брака для обозначения союза между Богом и Израилем. После того как в 722 году до Р. Х. ассирийцы уничтожили Северное Царство и разрушили его столицу Самарию, в Иудее распространилось представление о том, что северяне были плохие, отделились от

Иудеи, идолопоклонствовали и не участвовали в Иерусалимском культе – потому и постигла их катастрофа.

Но пророк Иезекииль говорит, что разницы между Севером и Югом нет: обе части народа ведут себя по отношению к Богу одинаково. Описываемый здесь образ двух блудниц вызывает ощущение гадливости, несмотря на тщательно сглаженную лексику современных переводов. С гневом и возмущением говорит пророк об участии старой шлюхи, обреченной подыхать под забором, но для нас не то что слова, самый смысл их воспринимается как «ненормативный», и потому вся глава вызывает некоторое смущение. Можно представить себе, какой ужас вызывали эти слова у слушателей Иезекииля, ведь речь шла о них и их народе!

В ясной и логичной структуре проповеди Иезекииля важно выделить одну существенную мысль. Об уничтожении Самарии ассирийцами и разрушении Иерусалима вавилонянами (халдеями) пророк говорит как о результате собственных поступков двух блудливых сестер. Гнев Божий проявляется в том, что на отступников обращены последствия их собственных беззаконий. Но не в этом видит пророк суд Божий, он различает в этой главе суд и гнев. На это важно обратить внимание, потому что мы, напротив, не умеем ясно различать их. Пророк говорит, что судом для распутной страны будут мужи праведные, которые осудят ее преступления.

Речь идет о традиционном для библейского богословия понятии остатка – это мужи, не преклонившие колена пред идолами, как назвал их Сам Бог в откровении пророку Илии (3 Цар 19:18). Именно они станут серебром, очищенным в пламенеющем горниле вавилонского плена, о котором шла речь в предыдущей главе. И именно их праведность станет судом, который осудит преступление Израиля. Одновременно эти слова обращены к пленникам, призванным очистить свои сердца и возродиться в вере, и продолжают тему Праведника, того единственного, кто «стал бы в проломе» за народ. Ведь остаток, о котором идет речь, – невидим, ему еще только предстоит проявиться в истории. И в этой связи образу распутных сестер противопоставляется в общебиблейском кон-

тексте образ Пренепорочной Девы, Матери Праведного: в книге пророка Иезекииля мы еще встретим мысль о Ней, хотя очень и очень прикровенную. В сущности же, весь ход истории очищения и спасения мира, как объясняет его пророк Иезекииль, направлен на то, чтобы в горниле очищения род праведных Израиля породил именно Ее – Ту, Чья чистота достойна Всемогущего.

24

Ровно за год до разрушения Иерусалима Навуходоносором, в конце декабря 589 – начале января 588 гг. до Р. Х. пророк Иезекииль записывает последнее пророчество, впервые звучащее с такой точностью. День, когда совершится все, предреченное пророком ранее, назначен, и оповещение пророка о нем становится своего рода печатью, которая запечатывает все предыдущие пророчества. Исполнение его в срок, в свою очередь, станет подтверждением и подлинности обличений, произнесенных пророком Иезекиилем, и утверждением возведенной им невероятной надежды.

Призывая пророка совершить еще одно пророческое действие, предложить Израилю еще одну зримую притчу, Господь говорит именно о неотменимости участи, уготованной Израилю. Никакие удары судьбы, даже вавилонское завоевание, не смогли очистить мерзости насилия и идолопоклонства избранного народа. Уже окончательно становится ясно, что народ сделал свой нравственный выбор и не изменит его, не обратится к Богу. Поэтому из потенциальных грядущие бедствия становятся реальными, неотвратимыми, как движение планет.

После этого пророчества умирает жена Иезекииля, и Бог повелевает ему совершить новое знамение, запрещая исполнить траурные обычаи. Все, что перечисляется в 16–18 стихах, было в Израиле таким же выражением траура, каким у нас являются черная одежда, завешанные в доме зеркала и накрытый куском хлеба стакан на поминках. Вместо всего этого Бог повелевает пророку молчать, в безмолвии переносить свою скорбь. Это станет для иудеев знаком того, что они будут изгнаны из Иерусалима, от поруганно-

го Храма, и не с кем будет им разделить это горе – ведь именно такова цель траурных обрядов. Снова мы видим в книге пророка Иезекииля взгляд на историю, в которой нет иных участников, кроме человека и Бога.

Но безмолвие пророка – гораздо более глубокий символ. Дело в том, что люди становятся свидетелями тайны – исполнения спасительного замысла Вседержителя. «Да молчит всякая плоть пред лицом Господа!», – восклицает пророк Захария (Зах 2:13) и повторяет за ним Литургия Великой Субботы. Что, кроме молчания, могут люди принести очистительному страданию? И молчание пророка подобно немоте, охватившей свидетелей Крестной Жертвы Спасителя. Разрешится это безмолвие, говорит Господь, когда пророк получит из Иерусалима весть о том, что все предреченное совершилось.

25

История Израиля и его отношений с Богом занимает центральное место в Библии вообще и в Ветхом Завете в особенности. Обращаясь к Своему народу, Господь все время говорит о том, что Он – единственный Господь, и судьба каждого человека и народа в целом определяются только отношениями с Ним, верностью Его завету. Но это не значит, что в истории мира нет иных участников, кроме Бога и Израиля. Начиная с 25-й главы пророк Иезекииль включает в свою книгу суровые слова о целом ряде окрестных народов, осмысливая тем самым их место в единой истории человечества.

Отношения Израиля с соседями всегда были, мягко говоря, напряженными. Во многом родственные ему, эти племена на протяжении веков служили для израильтян соблазном, иногда культурным, но главным образом – религиозным. Именно опасность вовлечения в идолопоклонство обусловила многочисленные запреты на общение с иноплеменниками. По понятным психологическим причинам это привело к тому, что израильтяне привыкли смотреть на иноплеменников как на людей нечистых, чем-то плохих. Нетрудно догадаться, что эти народы отвечали Израилю тем

же, потому что людям вообще свойственно с легкостью впадать в состояние взаимных претензий и взаимного презрения. В ходе истории народы Ханаана порой были подчинены израильским царям, порой становились самостоятельными, а иногда и вступали с израильянами в военно-политические союзы. Но эти отношения всегда строились на фоне отделения в религиозной области и никогда не были искренними.

Когда Израиль, нарушивший завет со своим Создателем, подвергался ударам сначала со стороны Ассирии, а потом и Вавилона, соседние племена относились к этому с изрядным злорадством. Это выражалось отнюдь не только в презрительных словах об Израиле и его Боге: многие племена и царьки Палестины стремились заодно с вавилонянами поучаствовать в разграблении Святой земли. Нередко полуразрушенные и беззащитные селения израильян подвергались опустошительным нападениям соседних народов, уничтожавших то, что осталось после вавилонян. Как шакалы, они доедали то, что осталось после кровавой трапезы льва. Для Израиля это было едва ли не большим бедствием, потому что после этих ударов подняться было уже невозможно: соседние народы превращали страну в пустыню.

Особенно мучительно было то, что эти племена были родственны Израилю и в течение долгого времени жили с ним в единой стране.

Действия соседних народов не могли встретить сопротивления разрушенного Израиля, но не могли и не получить нравственной оценки. Еще пророк Амос говорил в начале своей проповеди о том, что требования элементарной человечности предъявляются Богом ко всем народам без исключения. Пророк Наум меньше чем за полвека до гибели Иерусалима говорил о судьбе Ассирии, подвергая ее именно такой нравственной оценке. Во второй половине 6-го века набегам эдомитян на разоренную Иудею будет посвящена небольшая книга пророка Авдия. Не обходит этой темы и пророк Иезекииль.

Суть его пророчеств об окрестных народах в первую очередь заключается в том, что те ответственны перед Богом за свои дей-

ствия, даже если сами они этого не осознают. Господь говорит пророку, что эти народы, пытающиеся пинать поверженный Иерусалим, не избегнут той же участи, потому что и на них распространяется золотое правило: «не делай другому того, чего не хочешь себе». В контексте книги пророка это очень важно. Бог говорит о том, что вавилонское нашествие – это меч Божий, служащий не для уничтожения, но для очищения Израиля. И потому все, пытающиеся нажиться за счет страдающего народа Божьего, не останутся безнаказанными. Их незаконная жестокость по отношению к Израилю падет на них, и сами они подвергнутся той же участи.

26

Продолжая возвещать определения Творца о судьбе соседних с Израилем народов, пророк Иезекииль говорит в 26-й главе о судьбе Тира, одного из самых богатых и славных городов той эпохи. Тир был крупнейшим и знаменитейшим центром морской торговли, укрепления которого могли поспорить разве что с иерусалимскими. Тирские цари держали в своих руках торговлю пурпуром и металлами, а самое главное – торговлю лесом, исключительно ценным для древнего Ближнего Востока. На заре Израильского царства, при Давиде и Соломоне, цари Тира были союзниками израильтян; царь Хирам поставлял кедровое дерево для постройки Иерусалимского Храма и дворца Соломона.

Впоследствии отношения этих государств и народов осложнились, и в начале 6-го века жители Тира рассчитывали поучаствовать в разграблении Иерусалима. Едва ли хоть кому-нибудь из них удалось это; скорее всего, дело ограничилось заявлениями. Но, как скажет потом Господь Иисус, «от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф 12:37). Злорадство, даже просто отсутствие сострадания становятся причиной того, что Тир постигает точно та же участь, что и Иерусалим.

Поражает, сколь подробно говорит пророк: его слова о Тире во много раз пространнее, чем о других народах. Лишь отчасти мож-

но объяснить это поэтическим настроем, потому что пророк вовсе не ставит перед собой литературных задач. Скорее, он подразумевает задачу духовную. Детально говоря иудеям о трагической судьбе Тира, пророк, во-первых, дает им возможность убедиться в истинности пророчества. Кроме того, говоря о сходстве участи Иерусалима и Тира, он подчеркивает единство нравственных требований, предъявляемых Израилю и всем остальным народам. Самое же главное – пророк неявно призывает иудеев не уподобиться жителям Тира и иным народам, но научиться состраданию. Именно пожалев о страшной судьбе тирян, иудеи могут обрести сострадание Вседержителя.

27

Пророк Иезекииль в плаче о гибели Тира дает такое подробное описание его величия, что эти слова стали важным историческим источником. Помимо прочего, это еще одно подтверждение ценности Библии как исторического свидетельства, что в последние столетия не раз оспаривалось. Но для пророка, конечно, главное не это.

Прислушаемся к его словам: все было у Тира. Металлы и дерево, и всякая торговля буквально со всей обитаемой землей. Но ничто из этого не помогло Тиру в день бедствия, ничто не защитило этот город, величину которого уже не суждено было возродиться. Не было главного, что придает смысл всему земному бытию, не было Бога. А без этого все величие Тира – суета сует и погоня за ветром. Так пророк Иезекииль выражает важную для Библии мысль, особенно ярко сформулированную потом автором книги Екклесиаста.

В контексте пророчества также важно, что Иезекииль говорит о сетовании и плаче. С одной стороны, пророк перебрасывает мост от печальных размышлений в духе Екклесиаста к словам Господа Иисуса Христа: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). С другой стороны, сострадание подвергшимся мечу и разорению тирянам – одновременно

признак и пример духовного здоровья. Пророк говорит не только без злорадства, но с состраданием, достойным его Владыки.

28

Слово пророка Иезекииля о судьбе тирского царя исполнено неприкрытого сарказма по отношению к язычеству вообще и языческому государству в частности. Дело в том, что в язычестве не было ясного различия между божеством и людьми. Только Откровение, данное Моисею, говорит о том, что природа Бога непостижима для людей и бесконечно превосходит все, что доступно нашему познанию. Язычники, напротив, любили возводить генеалогию выдающихся деятелей к тем или иным богам: мы видим это и в титуловании египетских фараонов, и в античном культе героев, и в мифологиях множества древних и современных языческих народов. Быть может, происхождение героев от браков божества и человека — единственный для язычника способ помыслить о той близости к Богу, которую открывает только Новый Завет... Так или иначе, жители Тира не составляли здесь исключения.

Еще один важный аспект этого языческого человекобожия и культа героев — то, что он очень часто использовался для обоснования феномена государственной власти. В нашем современном круге понятий мы говорим о легитимности власти и стараемся пропагандировать эту легитимность для того, чтобы объяснить, почему эту власть надо слушаться. Для нас, как и в древности, очень труден оказывается тот сугубо функциональный подход к земной власти, который свойственен Новому Завету, в частности — посланиям ап. Павла. Именно поэтому мы порождаем разнообразные мифы о величии государств. Обожествление царей или их предков в древности было своеобразной пиар-акцией, тоже призванной объяснить подданным, почему этого царя надо слушаться.

Но радикальное отличие мифа от Божественного Откровения заключается в том, что при соприкосновении с реальностью миф рушится, а Откровение утверждается и становится внятным. Когда смотришь на реальную политику Нерона — становится ясно, что

он никакой не гений и не земной бог, а просто мелкий и злобный тиран. Когда тирский царь, как говорит пророк Иезекииль, оказывается перед лицом чужеземных войск – становится ясно, что никакой он не бог, а просто человек, который слишком много о себе возомнил.

Так вскользь, в контексте разговора о судьбах народов, пророк касается темы обожествления государственной власти и ее носителей – и не оставляет от этой идеи камня на камне. И выявленная им смехотворность претензий тирских царей на божественный авторитет становится фоном для пророчества о том, что Истинный Бог соберет Свой народ и восстановит его.

29

Возвещая близкую гибель Египта, Господь говорит через пророка Иезекииля в первую очередь о неверности фараонов, на военно-политические союзы с которыми так надеялись иудейские политики. На самом деле Египет в течение многих веков стремился использовать и Израиль, и другие народы Палестины то как плацдарм, то как буфер между собой и последовательно сменявшимися друг друга агрессивными ближневосточными империями – хеттами, ассирийцами и вавилонянами.

Вожди Израиля, полагавшиеся на военную мощь Египта больше, чем на милость Бога, уже получили свое – об их судьбе уже все сказали и Иезекииль, и его предшественники в пророческом служении. Духовная, да и политическая пагубность этих упований ярко прослеживается у многих пророков. Но то, что Израиль не должен был полагаться на Египет, еще не отменяет обязанность фараонов быть порядочными людьми и избегать вероломства. Это один из важнейших аспектов слова пророка, обращенного к фараону.

Кроме того, Господь говорит о том, что фараон не признает никого выше себя, как и царь Тира, о котором шла речь в предыдущей главе. Фараон, что называется, «царь и бог и воинский начальник» – и не знает ни политической, ни нравственной ответственности ни

перед кем. Поэтому поступки фараона становятся ярким примером того, как вырождается нравственный облик человека без веры, без почитания Единого Бога, Владыки неба и земли.

Для иудеев, слушавших в вавилонском плену пророчество Иезекииля, было также чрезвычайно важно услышать, что Бог говорит о предстоящем восстановлении Египта. Оказывается, не только избранный народ будет восстановлен и спасен Богом – Его замыслы простираются и на тех, кого иудеи привыкли считать боготпротивниками. Этот универсалистский аспект Откровения только начинает обозначаться в Ветхом Завете; в полноте замысел Божий о спасении всех людей будет открыт только в пришествии Христа. Замечательно, что как гибель и восстановление Иерусалима совершаются ради очищения избранного народа от греха, так и восстановление Египта будет избавлением от его наиболее существенного греха – гордыни.

Наконец, пророчество о том, что богатство Египта будет вознаграждением Навуходоносору, также очень важно для понимания библейского представления об истории. Навуходоносор получает вознаграждение, так как деятельность его служит, помимо его воли, исполнению замыслов Творца. Но это вознаграждение – сугубо земное, и именно потому, что Навуходоносор служит этим замыслам невольно и неосознанно.

30

В той части пророчества о судьбе Египта, которая входит в 30-ю главу, выделяются два важных момента. Во-первых, Господь говорит об истреблении ложных богов и идолов, которым поклоняются египтяне. Речь об этом идет в общем контексте пророчества о духовном и нравственном очищении Египта, и этот факт имеет непреходящее значение в духовной истории. Дело в том, что среди верующих иудеев было распространено представление, что Бог предназначил для спасения лишь немногих избранных, и им Он открыл Себя. Остальные же, не просвещенные светом Божиим и пребывающие во мраке язычества, обречены погибнуть навек

как богопротивники. В меньшей степени это проявлялось в эпоху Первого Храма, но во времена Второго Храма, за полвека до строительства которого произносится это пророчество, такое представление стало основой религиозной идеологии иудеев. Именно поэтому, в частности, такой гнев вызвали в Назаретской синагоге слова Господа Иисуса Христа об исцелении Неемана Сириянина (Лк 4:21–30). Нередко возрождается эта идея и в новозаветные времена. Однако замысел Божий не таков.

Господь открыто и ясно говорит, что Он сокрушит ложных богов и очистит Египет. Здесь пророчество Иезекииля соприкасается с пророчествами Второисаи, Захарии и Иоилия об обращении язычников. Иезекииль указывает не просто на некие народы, ранее не знавшие света Истины, но на конкретный народ Египта, некогда бывший врагом Бога и избранного народа, но впоследствии ставший одним из значительных центров христианства.

И второй важный момент – это слова об исцелении Египта. Снова и снова повторяет пророк эту мысль, чтобы слушатели его увидели свою судьбу в контексте всего спасительного замысла Божия об очищении мира.

31

Пророчество Иезекииля о судьбе Египта завершает притча о высоком кедре, в иносказательной форме повторяющая главную мысль пророчества. В начале притчи высокий и превознесенный кедр – символ Ассирии, жестокой державы, возвысившейся за счет угнетения ближневосточных народов. Меньше чем за полвека до пророчества Иезекииля Ассирия пала под ударами вавилонян, и это падение в корне изменило всю стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке.

Вторая половина притчи использует тот же образ высокого кедра для обозначения Египта, соперничавшего с Ассирией в военной мощи и влиянии. Говоря о падении высокого кедра, пророк сопоставляет гибель Египетского государства с гибелью Ассирии, основываясь на общих для обеих держав беззакониях: идолопо-

клонстве и жестокости. Для библейского отношения к истории эта притча очень характерна: наблюдающие историю в течение многих столетий авторы и редакторы Священного Писания находят в ней подтверждения тому, что всякая мощь без служения Богу обречена на исчезновение.

Весьма возможно, что в словах жившего в Вавилонии Иезекииля есть и политический подтекст, который он вынужден облачать в форму притчи. Дело в том, что вавилонская империя практически ничем не отличается ни от Ассирии, ни от Египта, ни от других древних империй. Говоря об их общей судьбе, пророк, возможно, намекает на то, что не уйдет от нее и Вавилон. Уже следующее после Иезекииля поколение станет свидетелем падения Вавилона под ударами персов.

Таким образом, пророк видит в истории два накладывающихся друг на друга процесса. С одной стороны, одна за другой сменяются империи, похожие, как две капли воды. Каждая из них грабит, переселяет и уничтожает все, что попадает на ее пути, и каждая гибнет, разрушенная следующей. Надо сказать, что в этот ряд, кроме упомянутых пророком Ассирии и Египта, укладываются и Вавилон, и Персия, и империя Александра Македонского, и Рим, и далее... вплоть до Третьего рейха и советского блока. Но в этой последовательной смене принципиально ничего не меняется, и ничего принципиально нового не возникает. Поэтому эти события для пророка – не суть истории, но лишь фон (или покров) для того, что совершает в ней Господь. Главное – именно это, Его замысел, направленный на спасение мира. При всей тяжести обвинений Израилю, он нужен Богу для этой великой цели и потому, подвергаясь очищению, не разделяет общей участи человеческих государств.

Пророк говорит в притче о деревьях Едемских, о насаждении Божьем. Вовлекаемые в водоворот политической истории, они тем не менее остаются иноприродными ей, потому что смысл их существования – не в их величии, но в Боге. Далее пророк скажет еще одно слово о Египте, а потом перейдет к действиям Бога в судьбе Израиля и всего мира. Он будет говорить о спасении, о Новом Завете и приходе Мессии – и какой мелочью покажется по

сравнению с этим весь этот круговорот империй... Нельзя не отметить, насколько поучительна оказывается эта притча в контексте наших поисков «национальной идеологии». Не только отдельный человек, но и страны и народы, чтобы не разделить судьбу Ассирии и Египта, должны искать того, что достойно вечности. А это – только Завет с Богом.

32

Подводя итог пророчеству о судьбах народов, пророк Иезекииль еще раз подчеркивает единство их участи. Все они «сойдут в преисподнюю» и будут «лежать с необрезанными». Речь идет о пребывании в удалении от Бога и от жизни. Однако это не вполне соответствует мрачному Аиду древних греков; греческий перевод говорит здесь о «глубинах земли». Здесь не идет речь о мучениях, которые должны стать возмездием за беззакония, сделанные в земной жизни. Глубины преисподней в представлении Иезекииля скорее напоминают какой-то жуткий склад, в котором находятся люди, лишившиеся жизни. Его главные черты – мрак и непроницаемое молчание. Никакие события или действия не прерывают ледящего покоя этого безжизненного места, и люди в нем, даже помещенные вместе, все же пребывают в одиночестве. Многие древние народы видели посмертную судьбу человека как заключение в земле, как в темнице.

Иудеи называли преисподнюю, о которой говорит пророк, словом «Шеол». Как и из греческого Ада (Аида) или подземных вместилищ других индоевропейских мифологий, из Шеола нет возврата; но нет в нем и справедливого воздаяния. Он уготован равно добрым и злым, нечестивым и праведникам. Побежденные смертью, лежат они здесь, отравленные ядовитым жалом смерти. Об этом жале с ужасом и надеждой писал во второй половине 8-го века до Р. Х. пророк Осия (Ос 13:14).

Пророк Иезекииль говорит, довольно неожиданно, что в Шеоле отделены «лежащие с необрезанными»; следовательно, должны быть отделены и «лежащие с обрезанными». Зачем? Ведь участь

тех и других одинакова... Здесь мы сталкиваемся с некоторой еще не вполне оформленной верой в то, что Шеол – это еще не все. Умершие пребывают здесь не окончательно, но лишь до некоего последнего дня, который, конечно, идентифицировали с пришествием Господним. Возврат, освобождение из Шеола – возможно ли это? Ответ на этот вопрос Бог даст пророку Иезекиилю в следующих главах.

33

Вновь пророк обращается к судьбе избранного народа, и, начиная с 33-й главы, произносит целый ряд исключительно важных пророчеств. Первое пророчество в этой части книги, как и изложенные пророком выше, говорит о воле и промысле Божиим и об ответственности человека. Кроме того, в словах пророка появляется важнейшая тема веры и доверия Богу. Но, кроме содержательной стороны Откровения, в его словах мы слышим отзвук событий и духовной атмосферы тех дней.

Насколько можно судить по тому, что Бог говорит Иезекиилю, пророчество Иезекииля стало для его соплеменников жутковатой забавой. В исполненных горечи словах пророка они находят некое странное удовольствие, ради которого и приходят слушать Иезекииля. Однако воспринять его слова как Слово Божие, обращенное лично к ним, его слушатели не хотят. Проповедь пророка стала для них тем, чем для наших современников бывают концерты духовной музыки, когда мы услаждаем свой слух, отмахиваясь от содержания.

Можно представить себе, как горько было для пророка такое отношение и как оскорбительно оно для Всемогущего Бога. Для Иезекииля, как и для любого человека, это серьезное духовное испытание, всю тяжесть которого можно оценить, только пройдя через него. Никаких человеческих сил не хватит, чтобы выдержать это, и в начале главы пророк говорит о том, как Бог укрепляет его. Положение и духовные задачи Иезекииля не таковы, как у его предшественников и современников. Господь не повелевает ему, как

Иеремии, «губить и разрушать, созидать и насаждать». Иезекииль должен только произнести то, что скажет ему Бог, «будут они слушать, или не будут». И снова Господь повторяет то, что Иезекииль уже записывал во 2-й главе: «...Но пусть знают, что был пророк среди них».

Если пророк промолчит, неважно, из страха или ощущения бесполезности своих усилий, то ответственность за гибель людей будет на нем. Если же пророк произнес то, что повелел ему Бог, то говорит ему Господь, каждый человек сам отвечает за то, как он реагирует на слова пророка. Каждый волен услышать или не услышать их, поверить или не поверить. В чем же суть возвещаемого Откровения?

Центральная в содержательном отношении часть главы – стихи с 10-го по 20-й. Среди изгнанных израильтян в это время распространился пессимистический взгляд на свою участь. Мы согрешили, говорили они, и нет нам спасения. «Ну и ладно, – подразумевает эта позиция, – теперь уже все равно... будем, как все народы...» Израильтяне думают, что Богу была нужна от них праведность, и, не добившись ее, Он бросит их на произвол судьбы. За этим безразличием и пессимизмом стоит неверие в благость Божию, неверие в то, что Бог хочет спасения. Против этого и направлены великие слова 11-го стиха, где Бог открывает Свою волю о нас: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был». Бог хочет не возмездия и даже не праведности по закону, Он хочет, чтобы сердце человека было направлено к Нему и чтобы человек жил. Это грандиозное Откровение – основа всей нашей надежды.

И далее Господь говорит о том, что у любого человека есть шанс. Иудеи думают, что прежней праведностью можно искупить беззаконие. Нет, говорит Господь, нельзя. И иудеи не верят, что обратившийся беззаконник может обрести благоволение в очах Божьих. Господь говорит, что если беззаконник обратится, то он будет спасен. Суть дела, таким образом, именно в направлении сердца. Правда Божья не такова, как ожидают люди, но именно такая благая воля Творца и есть правда. И Господь призывает слушате-

лей пророка поверить и обратиться. «Для чего вам умирать?» – говорит Он. Смысл этих слов практически совпадает с последним призывом Христа к Иерусалиму: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!» Покаяние, к которому призывает Бог свой народ, состоит, таким образом, не просто в признании своих грехов (это раскаяние, а не покаяние). Подлинное покаяние заключается в деятельном доверии к тому, что Бог хочет нашего спасения. Отвратиться от злых дел своих, обратиться к Богу, доверяя Его воле о нашем спасении, доверяя Его словам о том, что прощение возможно для смиренных сердцем – вот смысл подлинного покаяния.

34

34-я глава занимает центральное место в книге, потому что именно здесь Господь говорит пророку о грядущем приходе Мессии, Пастыря Израиля. Целый ряд замечательных библейских текстов параллельны этой главе, главный среди них – слова Самого Господа Иисуса Христа о том, что Он – Пастырь Добрый (10-я глава Евангелия от Иоанна). Кроме того, Господь направляет апостолов «к погибшим овцам дома Израилева», а обращение грешника изображает как обретение пастырем заблудившейся овцы.

Начинается же это пророчество с обличения тех, кто должны были бы быть пастырями народа Божьего, но не стали таковыми. Господь говорит страшные вещи о пастырях, пасущих самих себя и не заботящихся о состоянии народа. Внимательный взгляд не может не заметить, насколько точно приложимы слова пророка не только к современным ему священнослужителям, но в еще большей степени – к первосвященникам и книжникам времени земного служения Господа Иисуса Христа.

В первую очередь для нас важно само по себе уподобление народа Божьего овечьему стаду. Характерное для целого ряда псалмов, например 22-го, 79-го, 94-го и 99-го, оно происходит из глубокой древности, когда Господь, как Пастырь, вывел народ Свой из Египта. В псалмах понятие паствы Господней противопостав-

ляется уклонению в идолопоклонство. В дальнейшем Новый Завет неоднократно обращается к этому образу. Когда Господь говорит о Себе: «Аз есмь Пастырь Добрый», эти слова указывают на то, что Он и есть Тот Самый предреченный пророками Пастырь Израиля. И далее, поставляя апостола Петра на его служение, Господь повелевает ему: «Паси овец Моих». Сам Петр в своем Первом соборном послании передает это поручение своим собратьям: «Пасите Божье стадо, которое у вас», и его слова тоже отсылают нас к 34-й главе Иезекииля.

То, что Библия говорит о Церкви, о народе Божьем (ветхо- и новозаветном) как о пастве, всегда подразумевает, что Сам Господь, как во дни Исхода, будет вести народ Свой и заботиться о нем. Но в каждую эпоху есть люди, кому Он поручает исполнять это. В большой степени это поручение связано с той ответственностью, о которой говорил Бог пророку Иезекиилю в предыдущей главе. Воля Господа – не в смерти, но в обращении и спасении грешников, а ответственность пророков и пастырей – открыть правду Божью каждому человеку. Но, в отличие от самого Иезекииля, современные ему пастыри народа Божьего не принимают на себя эту ответственность...

Поставленная перед пастырями задача описана пророком в 4-м стихе, и она остается неизменной для всех служителей Единого Бога, как в Ветхом, так и в Новом завете. Господь говорит, что пастыри должны были заботиться о духовном (и физическом) состоянии стада: укреплять слабых, врачевать больных и израненных, заботиться об обращении заблудших. Вместо этого они заботятся о собственном благополучии и почете, о благолепии Храма, о чем угодно – кроме того, что нужно. Каждому человеку, а особенно – пастырю, поручается отдавать другим Божью любовь и милость. Понятно, что никто из людей не способен делать это в совершенстве, однако тайна присутствия Божия там, где мы собраны во имя Его, наполняет нашу несовершенную милость Его полнотой и исцеляющей силой. «Вы правили ими с насилием и жестокостью», говорит Господь, значит, пастыри Израиля перекрывают важную возможность для распространения милости Божьей в мире.

В сущности, пастыри Израиля подменили служение, которое поручил им Господь, заботой о поддержании правильного культа (и собственном благополучии), являвшейся единственной функцией языческих жрецов у соседних с Израилем народов. Они забыли главное в законе: суд, милость и веру, в то время как, говоря словами Господа Иисуса, «того следовало держаться и этого не оставлять». И Господь говорит, что так больше не будет.

О том, как отныне будет пасти народ Свой Господь, Он говорит: «Я Сам отыщу овец Моих», «Я буду их Пастырем», «буду пасти их по правде». В сочетании со словами о том, что Мессия будет новым и истинным Пастырем народа, эти слова, как и у других пророков, являются неявным пророчеством о Богочеловечестве Христа. С одной стороны, пасти народ будет Мессия, потомок Давида, и, с другой стороны, – «Я Сам», говорит об этом Бог.

Совершенно поразителен в сопоставлении с Евангелием отрывок с 17-го по 22-й стих, где Господь говорит о том, что Он будет судить между овцами: «И рассужу между овцою и овцою». Отношения (в том числе и конфликты) между людьми становятся местом присутствия и действия Самого Бога. Другими словами Он говорит то же самое в 25-й главе Евангелия от Матфея: «Что вы сделали одному из малых сих, то Мне сделали». С приходом Мессии уже невозможны нравственно и духовно безразличные отношения между людьми – в любое такое отношение включается Господь. И эта евангельская мысль тоже, оказывается, предречена пророкom.

Затем Господь обещает приход Мессии, потомка Давида, который и будет Пастырем народа Божьего. Немаловажно в этом обетовании, что Господь говорит: «И поставлю над ними одного пастыря... раба Моего Давида». Служение пастырей Нового Завета, таким образом, не полностью тождественно служению ветхозаветного левитского священства, потому что ответственность за судьбу овец Бог оставляет за Мессией. Отвлекаясь от контекста, нельзя не поразиться, как грандиозно это Обетование. Сам Бог будет нашим Пастырем, Он Сам будет вести каждого из нас к жизни, Он Сам будет врачевать наши раны и укреплять наши немощи.

Он Сам, а никто иной! Это невероятная степень близости Божьей впервые открывается в книге пророка Иезекииля.

Завершается 34-я глава Откровением о Новом Завете. Пророк, как это было принято, изображает его в апокалиптических образах преображенного мира. Главное в его словах то, что с приходом Мессии будет заключен Новый Завет, и этот завет будет заветом мира, примирения нас с Богом. В нем будет даровано благословение Божье на всю жизнь людей, и нам будут дарованы мир, свобода и безопасность. Бог, как Пастырь, будет вести нас, и будет «нашим Богом». Повторяющее первые слова Десяти заповедей («Я Господь, Бог твой»), это обетование подчеркивает, что Новый Завет по своему масштабу будет не меньше Синайского и в то же время будет его продолжением и исполнением. А слова «и узнают, что Я, Господь Бог их, с ними» связывают это пророчество с пророчеством Исаяи о рождении от Девы Младенца, имя которому «Еммануил, что значит: с нами Бог», и повествованием первой главы Евангелия от Матфея об исполнении этого пророчества.

35

Казалось бы, в 32-й главе книги пророка Иезекииля пророчество о соседних с Израилем народах закончилось, почему же пророк вновь возвращается к судьбе Эдома в 35-й главе? Или, может быть, вопрос нужно поставить так: почему это пророчество находится не в средней части книги, а помещено именно здесь, когда речь идет о Новом Завете? Однако ответ довольно очевиден, если обратиться к тому, как принято говорить о приходе Мессии и о Новом Завете у пророков, и взглянуть на следующую, 36-ю главу.

Все пророки, говоря об осуществлении замысла Божия, так или иначе иллюстрируют это символами, по большей части используя апокалиптические образы. В этом ряду знаменитое «лев ляжет рядом с ягненком» Исаяи, здесь «кровь, и огонь и курение дыма» Иоили, и многое, многое другое. Для пророков важен смысл, который выражают приводимые ими образы. Такого же рода и помещенное в 35-ю главу пророчество Иезекииля о гибели Эдома.

Дело в том, что эдомитяне, родственный Израилю народ, причинили избранному народу неисчислимые страдания. С алчностью совершали они набеги на разоренные ассирийцами и особенно вавилонянами поселения Иудеи и оставляли после себя настоящую «выжженную землю». Жестокость эдомитян стала своего рода символом страданий избранного народа.

И потому пророчество о гибели Эдома продолжает слова 34-й главы о том, что в Новом «завете мира» Бог дарует Своем народу избавление и безопасность, а раны и страдания его будут исцелены. Продолжает оно и обещание исцелить больных и перевязать пораненных овец. Эдом, в сущности, является для пророка Иезекииля символом смерти: именно она, в конечном счете, будет побеждена Богом в Новом Завете. Но, кроме того, конечно, это и символ несправедливости, вероломства и жестокости, которым также не будет места на преображенной Воскресением Христовым земле. Глобальность этого обетования подчеркивается тем, что в начале 36-й главы Господь распространяет его на всех притеснителей.

36

В первой части 36-й главы пророк Иезекииль продолжает слово о гибели врагов избранного народа, о прекращении всякой жестокости и несправедливости. Он говорит удивительные слова о благословении Божьем на землю Израилеву, которая не будет уже землей страдания, не будет проклята за грехи живущих на ней людей. Конечно, это место нужно рассматривать параллельно со словами 3-й главы книги Бытия, где Бог говорит Адаму: «Проклята земля за тебя». Отмена этого проклятия происходит в результате избавления Израиля, в результате прихода Мессии. Предреченное пророком благословение только начинает исполняться во дни Господа Иисуса Христа, окончательно же оно исполнится в конце времен. Так пророк соединяет спасительное действие Божье воедино: то, что будет происходить при возвращении Израиля из плена, со бытия, связанные с приходом Мессии, и конец времен. Это типич-

но для пророков, потому что они всегда говорят не столько о последовательности событий, сколько об их сути.

Далее Господь говорит о грехе Израиля нечто новое. С одной стороны, повторяя сказанное в первой части книги, Он вновь вспоминает о вине народа: «кровь, которую они проливали на этой земле и... они оскверняли ее идолами». Но, кроме того, Господь говорит, что тем самым израильтяне обеславили имя Божье, то есть не были верными свидетелями Его святости. Это повторение возвращает нас к главной проблеме: каким может быть избавление и как люди могут быть избавлены от своего греха и его последствий? Этот вопрос мучил Иеремию и Аввакума, и многих других пророков. Есть ли какая-нибудь надежда после всего, что произошло?

Слово надежды – самое главное в 36-й главе. Господь говорит о Своей верности, о том, что избавление и спасение будут совершаться не ради вероломных людей, но ради Самого Бога. Пусть народ отрекся от Завета – но Бог не отрекся, хотя и имел к тому все основания. Эти слова – яркое свидетельство того, что побудительным мотивом спасения для Бога служит только Его любовь к нам. И поскольку Израиль обесславил имя Божие, теперь Сам Бог явит на них святость Свою, чтобы все народы узнали ее.

Объясняя, как именно будет явлена святость Божия на народе Его, Господь дает Иезекиилю пророчество о Пятидесятнице, о том, что людям будет дан дух новый, Дух Божий: «Вложу внутрь вас Дух Мой». Сердце плотяное вместо сердца каменного – знаменитейшие слова этой главы – это образ новой жизни, по сравнению с которой все, что мы знали раньше, – безжизненный камень. И эта новая жизнь – плод Духа, о котором потом будет говорить апостол Павел (Гал 5:22–23). Словно предвосхищая слова Павла о законе и благодати в Послании к Римлянам, пророк Иезекииль записывает пророчество о том, что по даровании Духа народ Божий будет исполнять закон не из страха или верности, но потому, что дух, который в человеке, будет вести его по пути закона. Собственно, в контексте книги пророка Иезекииля это и есть спасение, потому что обратившийся от греха будет жить. Итак, Бог

обещает совершить это спасение ради Себя Самого, «силой, действием и наитием» Святого Духа.

37

Великое обетование Божье о том, что спасение принесет духовное обновление человека, что Дух Божий будет дан людям, для пророка Иезекииля в первую очередь означает новую, иную жизнь. Вся книга его свидетельствовала о том, как губителен грех Израиля. Он говорил, что жестокость и идолопоклонство, от которых не способен отвратиться народ Божий, являются непосредственной причиной его рассеяния и гибели Иерусалима. Теперь же, обновленные Духом, люди обретают благоденствие. Контраст между оккупацией и разорением, с одной стороны, и благоденствием – с другой, выражает несопоставимую разницу ветхой и новой жизни. Но понимает ли сам пророк свои слова буквально? И еще более важный вопрос: кто воспользуется этим благоденствием, даруемым Богом в обновленной жизни? Справедливо ли, что одни – согрешили, другие были угнаны в плен, чтобы послужить основой очищения и обновления, а третьи будут жить на благословенной земле? Соседи и друзья Иезекииля говорили о себе и своем народе как о груде сухих костей, оставленных в пустыне и не нужных никому, кроме шакалов. Что им обетование об избавлении, ведь их жизнь разрушена и они страдают под гнетом вавилонян?

Ответом на все эти вопросы становится пророчество, которое Иезекииль помещает в 37-ю главу. Здесь он рассказывает о видении, которое Бог дал ему. Бог повелевает Иезекиилю обратиться именно к погибшим в страдании, уничтоженным собственным грехом людям со словами: «Кости сухие, слушайте слово Господне!» И, по велению Божию, сухие кости одеваются плотью и снова становятся человеческими телами. Пророк произносит слово от Господа, и Дух Божий входит в эти тела, и они оживают. То, что увидел пророк, мы называем воскресением мертвых, и надежда на него составляет неотъемлемую часть нашей веры. Но тогда, во

времена пророка, не было даже термина, чтобы обозначить это, настолько невероятным было такое обетование Божье.

Пусть дом Израилев отчаялся и утратил надежду – верен Бог, Который воскресит его, и он будет жить. Вот, оказывается, как далеко простирается смысл слов «Не хочу смерти... но чтобы обратился и жив был»! Над самым страшным и неумолимым врагом людей, над самой смертью Бог обещает одержать победу. Благодарение, о котором говорил Иезекииль в предыдущей главе, оказывается уже ничем не ограниченным, потому что даже смерть побеждена. Не какие-то отдаленные потомки, но все мы сами обретаем эту новую жизнь, и завет мира выведет нас из гробов.

Пророк в первой части своей книги много говорил о личной ответственности людей, и пророчество о воскресении мертвых существенно дополняет его слова. Коль скоро каждый сам отвечает за себя, то каждый сам и получает воздаяние. Если проклятие не падает на потомков, то и благословение должно быть обретено верными Богу людьми. И уже не имеет значения то, что множество их побеждено смертью, – ведь Бог побеждает саму смерть.

Далее пророк говорит о еще одном важнейшем следствии избавления – о соединении разделенных людей. Две части народа Божьего, разошедшиеся в истории и едва ли не враждебные друг другу, будут собраны воедино, и это для пророка символ воссоединения всех людей.

В конце главы пророк повторяет самое главное из того, что было сказано о грядущем избавлении выше. Он говорит о Царстве раба Божия Давида (имеется в виду, конечно, Мессия, потомок Давида), о Его Пастырстве над всеми людьми, и о вечном завете мира. Но это не простое повторение. Заключение Нового завета, завета мира, включает в себя и воскрешенных Богом людей, тех, кто не мог бы иначе участвовать в нем. Таким образом, спасение возвещается не только тем, кому суждено будет жить во дни прихода Мессии, но всем, кто жил и живет для Бога. И это придает смысл жизни, вере и надежде страдающих сынов Израиля, рассеянных среди народов. Сам Господь скажет об этом: «Наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и

изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин 5:28–29).

И, наконец, как венец всего спасительного действия Божьего, как кульминация обетования звучат слова Господа об этой новой жизни в воскресении: «Святилище Мое будет среди них во веки». Это обетование о вечном пребывании Творца среди людей, о новом Храме и его устроении, то есть, в сущности, о Церкви Нового Завета, будет главной темой заключительной части книги пророка Иезекииля.

38

Через Иезекииля и других пророков Бог не раз обличал лжепророков, предрекавших благоденствие в угоду желаниям слушателей. Можно сказать, что отличительной чертой подлинного пророчества, исходящего от Духа Божия, является полнота правды и удивительное сочетание трагичности и надежды. Это сочетание основано на том, что реальная жизнь людей исполнена страданий, и только Крест Христов приносит в нее свет. И истинные пророки, вестники Всемогущего, никогда не сглаживают своих слов. Поэтому после обетования воскресения мертвых в Царствии Божием пророк Иезекииль не останавливается, но говорит всю правду до конца.

Увидев чудное видение сухих костей, вновь облекающихся плотью и наполняемых жизнью, мы вместе с пророком как бы отступаем вдаль и видим картину, изображающую смысл истории. Это битва, схватка Бога и Его людей с силами зла. Чтобы мы могли увидеть это и не умереть и не отчаяться в ужасе, Господь ясно говорит о победе и воскресении, и лишь потом показывает нам эту битву. Она происходит в истории всегда, и продолжается после того, когда победа Божия уже стала реальностью.

Избавленные Богом, люди не прячутся в уютные кущи райского сада – нет, спасенный народ Божий становится бастионом в битве со злом, и без этого не может открыться нам полнота замысла Божия. В качестве символа сил зла взяты древние властители се-

верных народов, чьи набегі вселяли ужас в тех, кто жил задолго до эпохи вавилонского плена. Безликая и страшная, эта сила приходит на землю Израиля, но в битве с ней все действия совершает Сам Бог. Народ Божий, собственно, участвует в битве своей верностью спасшему его Богу.

С апостольских времен Церковь называла принявших крещение воинами Христовыми. Это представление теснейшим образом связано с той глобальной битвой со злом, о которой говорит здесь пророк Иезекииль. Все мы призваны участвовать в ней, и это участие заключается в том, чтобы не сдаваться злу, хранить верность завету мира, которым Бог спас нас и даровал нам новую жизнь. Поле этой битвы – сердца людей, и Бог действует в наших сердцах, когда мы открываем их Ему.

«Без Меня не можете делать ничего», – сказал ученикам (и нам) Господь Иисус Христос (Ин 15:5). В первую очередь эти слова относятся к битве, описанной пророком Иезекиилем: никто из нас человеческими силами не может выстоять в ней. Но, пребывая во Христе, как ветви на лозе, мы даем Ему возможность побеждать в нас и через нас.

И по жанру, и по содержанию пророчество о нашествии Гога теснейшим образом связано с Откровением Иоанна Богослова. Оба свидетеля Божии, Иезекииль и Иоанн, говорят о том, что это – неизбежная, страшная и тяжелая битва, в которой наше страдание соединяется с Крестной мукой Сына Божьего. Именно в скорби и муке этой битвы обретает смысл наше страдание, именно здесь оно становится животворным, потому что мы рядом с Богом, вместе с Ним. И конечно, самое главное и для Иезекииля, и для Иоанна – благая весть о том, что Бог победил.

Говоря о вселенской битве против сил зла, которую ведет Господь, пророк Иезекииль возвещает нам самое главное, что необходимо для нашей надежды: Бог победит. Это будет полная и окончательная победа над злом, и о дне совершения ее пророк

говорит от лица Господа: «И явлю святое имя Мое». Эти слова сразу обращают нас к последним главам Евангелия от Иоанна, где в Первосвященнической молитве к Отцу Небесному Господь Иисус говорит: «Я открыл имя Твое человекам», а также: «Отче! прославь имя Твое». Эти два текста, пророчество и его исполнение, теснейшим образом связаны друг с другом, и понимание всей 39-й главы книги пророка Иезекииля возможно именно в связи с Тайной вечерей и последней беседой Христа с учениками. Апокалиптическая картина битвы соответствует не внешнему ходу событий Страстной седмицы, но ее внутреннему духовному напряжению. Поражение полчищ Гога, о котором говорит пророк, буквально исполняется, когда Господь Иисус произносит слова: «Ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон».

После слов о том, что весь народ Божий будет участвовать в погребении пораженных сил зла, пророк изрекает волю Божию о некой жертвенной трапезе, и смысл его слов не может не поражать. В первую очередь, эта жертвенная трапеза носит, как и битва со злом, вселенский характер. Вся тварь, включая птиц небесных и зверей полевых, приглашается к участию в ней. Это не просто храмовое жертвоприношение в соответствии с уставами Моисея и Соломона. Вся тварь участвует в нем, и на этой жертвенной трапезе в пищу идет плоть и кровь, употребление которой категорически запрещено. Кроме того, Господь говорит об этой жертве, что Он Сам заколает ее для нас, в то время как жертвы Ветхого Завета, напротив, заколаются людьми для Бога. Следовательно, речь идет о чем-то из ряда вон выходящем, не об одной из жертв, но об уникальной единственной Жертве.

Детали ее сокрыты от взгляда пророка. Это не удивительно, потому что Воплощение Сына Божьего – слишком невероятная вещь, чтобы даже духовно одаренные люди могли постичь и выразить его прежде, чем оно совершилось. Тем более невозможно ожидать, что пророк, видящий в Духе суть события, но мыслящий в категориях своего опыта, мог говорить о Плоти и Крови Сына Человеческого. Тем не менее он видит и возвещает Жертву Господню, которая совершается в связи с Его победой.

Итак, победа Божия и установление Царства Потомка Давида будут связаны, по слову пророка, с Жертвой, Которую принесет Сам Бог. Кроме того, установление этого Царства будет связано с трапезой, к участию в ней приглашается весь мир, все народы, которые увидят суд Божий, и вся тварь. Со временем трапеза станет одним из самых распространенных символов Царства Небесного в духовной традиции Израиля, следуя которой так часто будет обращаться к этому образу Господь Иисус Христос.

Завершается эта глава невероятными и неожиданными, но такими вожделенными для изгнанников словами о возвращении угнанных и рассеянных чад народа Божьего. За полвека до царя Кира и почти за шесть веков до Нового Завета пророк возвещает, что Бог, поразивший и очистивший Израиля, вновь соберет его на земле обетованной, и уже не оставит его. И здесь, как и во всей книге, вновь пророк возвращается к важнейшей для него теме человеческой индивидуальности и личной ответственности. В отличие от других пророков, которые также возвещают о том, что в последний день Бог более не оставит народ Свой, Иезекииль говорит точнее: «Уже не оставлю там ни одного из них... потому что Я изолью Дух Мой». Иными словами, обетованное излияние Духа приведет к тому, что ни один человек не будет удален от Бога, но Бог будет рядом с каждым человеком. Снова мы видим у пророка Иезекииля предвозвещение той невероятной близости Божьей, которая будет дарована в день Пятидесятницы.

40

Трудно сказать, сколько времени прошло после пророчества Иезекииля о победе Бога в битве со злом, когда пророк возвестил народу о грядущем возвращении, до следующего пророчества. Вероятно – несколько лет, в течение которых слушатели пророка ждали, скорее всего, когда же наступит исполнение обетования. Но, как говорит Своим ученикам Господь Иисус Христос, – не наше дело знать времена и сроки, которые положил в Своей власти Бог. Иезекииль ни словом, ни намеком не говорит об этом. Даже

в печальный юбилей – двадцатипятилетие плена, когда вопрос о сроках возникает сам собой, пророк не на это обращает свое внимание. В эти дни сердце пророка обращается к Господу, и Господь дает ему последнее масштабное видение.

Как и в начале книги, пророк старается описать то, что было ему явлено, и слова его представляют собой почти наглядное изображение. В этом видении Господь являет пророку грядущее Царство Божие, и в центре его – самое главное, что наполняет трепетом сердце самого пророка и всех его слушателей и читателей: новый Храм. С высокой горы, почти с высоты птичьего полета, видит пророк это чудо. Характерно, что абсолютное большинство людей всех поколений уверены, что именно такова «точка зрения» Бога на наш мир: с недостижимой высоты взирает Всемогущий на дела рук Своих. И вот Иезекииль как бы ставится на эту точку зрения, и оттуда может обозреть грядущее, сокрытое для смертных. И, как вперёдсмотрящий, заметивший на горизонте желанную землю, возвысив голос, сообщает о ней всему кораблю, так пророк в восхищении описывает увиденный им Храм.

Что ждет нас впереди – мучительный вопрос, и в ходе истории он не становится ни легче, ни яснее. Куда идет мир, исковерканный человеческой жестокостью и своекорыстием, есть ли надежда для погибающего человечества? Как и большинство пророков, Иезекииль духом постигает ответ на этот вопрос, и обетование победы Божьей и Царства будущего века само свидетельствует о своем божественном происхождении: подобный оптимизм не вытекает из опыта людей. Поэтому грандиозным событием духовной жизни пленных израильтян становится сам факт того, что будет новый Храм. С этого момента вся жизнь в плену приобретает смысл: изгнанникам есть чего ждать и есть на что надеяться. Без этого пророчества Иезекииля был бы невозможен и призыв к возвращению, который через несколько лет прозвучит из уст Второисайи.

В самом описании нового Храма, занимающем три главы, важно отметить несколько аспектов. Некий таинственный муж, сияющий, как медь, измеряет все детали Храма. В руках его льняная

вервь и трость измерения – обычные в древности орудия строителя, придающие повествованию глубокий смысл. Для Библии они, в первую очередь, символы Премудрости Божией, полагающей меру земле. В словах, обращенных к Иову, Господь восклицает из бури: «Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь?» (Иов 38:4–5), и те же мера и вервь присутствуют в видении Иезекииля. В отличие от Соломонова Храма, построенного по образцу древних хананейский святилищ, в отличие даже от Второго Храма, который Ездра, а потом Ирод старались устроить по указанной Иезекиилем мере, тот будущий Храм, который видит сам пророк, построен по мере Божественной Премудрости. Не человеческие усилия, но Премудрость Творца созидает его для людей. Именно это делает видение пророка не просто предвидением недалекого будущего, но откровением о конце времен и цели истории. Не удивительно поэтому, что будущий Храм оказывается гармоничнее Соломонова Храма, и многие особенности его конструкции проникнуты глубоким символизмом.

Кроме того, читателю бросается в глаза тесная связь видения Иезекииля с двумя жизненно важными библейскими текстами, с началом и концом Священной Истории. Описание Храма, составленное Иезекиилем, живо напоминает описание Скинии, в которой Бог обитал посреди Своего народа в пустыне. Это описание, занимающее значительное место в Пятикнижии, поражает обилием деталей и является существенной частью Моисеева завета. Как присутствие Божие в Скинии было смыслом Синайского завета, так и смысл нового Иезекиилева Храма – в присутствии Бога среди людей. Как Скиния в Пятикнижии, так и новый Храм в книге Иезекииля становятся знамением Завета с Богом. И, конечно, невозможно не вспомнить, что Новый Иерусалим описывает еще один пророк и тайновидец – евангелист Иоанн Богослов. В самом конце Апокалипсиса Иоанн говорит о городе и об Ангеле, который измеряет его тростью, в точности, как в видении Иезекииля. Характерно, что если Иезекииль видит, в сущности, только чертеж (так и хочется сказать – черно-белый), то описание Иоанна свер-

кает ярчайшими красками всех драгоценных камней. Прекрасно знавший текст Иезекииля евангелист Иоанн говорит о Новом Иерусалиме: «Храма же я не видел в нем; ибо Господь Бог Вседержитель – храм его», и эти слова выражают основной смысл обоих видений.

41–42

Смысл детального описания Храма, которое приводит пророк Иезекииль, в первую очередь заключается в самой этой детальности. Этим подчеркивается для самого пророка и особенно для его слушателей подлинность и реальность его видения. Оно настолько ясно, что можно измерить все помещения Храма, все его части. Однако это не просто гомилетический прием, призванный воздействовать на слушателей. Логика слов пророка состоит в том, что туманное и неопределенное будущее невозможно было бы описать в точности. Как о разрушении Храма Господь говорил, что оно сбудется непременно и ничто не в силах предотвратить его, так и слово о восстановлении есть предвидение того, что в какой-то незримой реальности, в ином измерении времени уже совершилось. Иезекииль говорит не о здании, которое может быть построено, но о том, что в ином, божественном плане бытия уже существует.

Кроме того, пророк полагает, что его слушателям или, в крайнем случае, их детям, предстоит собственными руками строить этот Храм, хотя в вавилонском плену еще нельзя об этом и помыслить. И в предвидении этого пророк стремится снабдить народ Божий возможно более точным описанием предстоящей постройки.

Самое важное для пророка в этом описании – Святое Святых, место пребывания ковчега Завета, жертвенник и все необходимые для культа помещения. Ведь их наличие в будущем Храме можно объяснить только тем, что в нем будет возобновлено поклонение Единому, и Храм снова станет местом Его присутствия. Значит, то обращение к Вседержителю, которое в Вавилоне силой обстоя-

тельств остается неполным, найдет в будущем Храме свое завершение в будущих жертвах и богослужениях.

В первой половине книги пророк записывает слова Всемогущего об изгнанниках: «Я Сам буду для них некоторым святилищем». И в течение четверти века это слово исполнялось день за днем. Только жертвы не приносились во вновь родившейся синагоге, потому что они должны приноситься только в Иерусалиме. И теперь, в видении грядущего Храма, времена и сроки смещаются и соединяются, давая людям почувствовать вкус вечности. Поклонение и молитва могут приноситься Богу иудеями в Вавилонии, потому что в божественном Замысле уже существует будущий Храм, который их детям еще предстоит построить!

Такое рассуждение антилогично, оно опрокидывает человеческие представления о причинах и следствиях, потому что коренится в ином представлении о причинности. Единственная ее основа – воля Творца, исполнению которой не может противостать ничто. Раз определенная, эта воля не меняется и не может не исполниться, потому что Бог – единственная реальность и единственная реальная сила в этом мире. Это отнюдь не частность; чаяние Царства будущего века и жизнь сегодня в Царстве, которому только предстоит явиться в полной славе, – характерная черта Нового Завета, вестником которого стал, в числе прочих пророков, и Иезекииль.

43

Иезекииль видел Славу Господню покидающей Храм, и теперь он видит Ее возвращение. Сам пророк подчеркивает одинаковость обоих видений. Только на малое время отходил Господь от Своего Дома и Своего народа – чтобы совершилось покаяние и очищение Израиля. Верность Его Завету с Авраамом, Моисеем и Давидом оказалась превыше всего, даже полное и окончательное падение избранного народа не превозмогло ее. Этим видением возвращения Присутствия Божия не отменяется все, что произошло с Иерусалимом, не отменяется трагичность его судьбы. Но во мраке

его истории появляется свет, на который люди не имели права и не смели надеяться. Видение возвращения Славы Господней совершенно меняет эмоциональную окраску всей книги пророка Иезекииля. Исполненная ужаса перед лицом опаляющей Святости Божией, она становится благовестием надежды.

Но Господь, как это бывает почти всегда, говорит о большем, чем просто восстановление попранного и расторгнутого завета. Если люди устыдятся своих поступков, повелевает Он пророку, — открой им грядущий Храм. Но место пребывания Божия, Святое Святых, уже не ограничивается в нем только малым помещением в глубине здания: все пространство его вокруг — Святое Святых. И в этом священном пространстве Присутствия Господь дает новый устав о жертвоприношениях. Здесь важны не столько сами по себе детали устава, сколько то, что речь идет об общении с Богом. Ведь жертва в Ветхом Завете в первую очередь является трапезой, на которую мы смиренно приглашаем Всемогущего, и Он снисходит к нашим скромным дарам. Едва ли случайно, что центром жизни возвещенного Иезекиилем Нового Завета станет именно священная трапеза, за которой мы становимся, по слову апостола Павла, своими Богу.

В 43-й главе есть небольшая, но важная деталь, не позволяющая считать увиденное пророком просто возобновлением того, что было до вавилонского плена. Господь говорит, что в обновленном Иерусалиме Храм уже не будет стена к стене соседствовать с домом царя. Тем самым царство мира сего, хотя и продолжающее существовать, отстраняется от Царства Божьего. Все еще важное и нужное, оно перестает быть сущностной частью духовной жизни народа. Свет Иерусалима, к которому немного позже призовет Второисайя все народы мира, сияет только из Храма, потому что это Свет Христа, и поклонение Ему совершается в духе и истине.

44

Ключевое слово для понимания всей 44-й главы книги пророка Иезекииля – благоговение. Уже произнесено пророком обетование об очищении, спасении и восстановлении Израиля. Господь обещал, что в завете мира, который Он заключит с народом, людям будет дарован Дух Божий, Который направит наши сердца к исполнению воли Вседержителя. Мессия будет Пастырем Израиля, Который поведет народ по пути жизни. Но пророк говорил и о том, что каждый человек сам отвечает за себя и свой нравственный выбор, значит, духовная свобода людей ничем не нарушается. Именно поэтому в пророчестве о новом Храме так важен призыв не повторять того, что привело к гибели Соломонова Храма. Завет мира и наитие Духа Божия, таким образом, не «зомбирование», в результате которого люди автоматически становятся праведными, но именно путь, который открывает Господь. Идти по нему можно только добровольно.

В новом Храме служение Богу возобновляется на основе того духовного опыта, который Израиль приобрел за годы плена, и этот опыт в первую очередь требует воспринимать святость Божию всерьез. Установления об удалении от греховной скверны и порядок богослужебной жизни в Храме не должны восприниматься как человеческое изобретение, которым можно и пренебречь. Пусть до Плена многие в Израиле думали, что Бог не замечает малосущественных нарушений («Бог не увидит»). Отныне все знают, что это не шутки: близость Божия явлена народу самым недвусмысленным образом. Израиль призван приближаться к Богу с радостью и трепетом потому, что он знает, что Бог Авраама, Исаака и Иакова – Бог живой и истинный.

Помилование, результатом и выражением которого стало пророчество о новом Храме, было даровано Израилю не за заслуги. Только ради имени Своего совершает Господь Свое спасительное вмешательство, только ради Своей милости. И поэтому Израилю предстоит научиться жить и предстоять Богу с этим опытом незаслуженного прощения, опытом спасения от добровольно выбранной им и заслуженной гибели. Это далеко не простая духовная за-

дача. Требуется огромное доверие к Богу, чтобы принять тот факт, что мы прощены не потому, что мы чем-то хороши, но только и исключительно потому, что Бог свят. Никакие подвиги не могут снискать нам милость Творца, Он спасает нас только потому, что Он благ. Благоговение к святыне, о котором говорит пророк в этой главе, – единственно возможное отношение к Богу, Который спасает людей ради Своей, а не их святости. Благоговение, непостижимая смесь поклонения, радости и страха, будет вести народ в отношениях с Богом.

Научиться этому трудно, потому что для этого нужно учиться смирению, доверию к Богу и любви к Нему. В сущности, та трепетная близость к Незримому, о которой говорят изложенные в 44-й главе богослужебные установления, только и возможна как плод любви к Богу. Кто может исполнить это?

С древности Церковь считала начало 44-й главы пророчеством о Деве Израиля, Единственной, на Чье смирение призрел Господь. О Деве, Матери Христа, говорят слова о закрытых вратах: «ворота сии будут затворены, не откроются, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены». Она обрела благодать у Бога, и Ее смирение и любовь к Нему прообразованы словами Иезекииля о том, как Израиль должен служить Богу. И к Ней же, наверное, можно отнести заключительные слова этой главы о том, что Сам Господь будет уделом Своих служителей, источником их жизни.

45–46

Жизнь спасенного Израиля, как ее описывает в последних главах своей книги пророк Иезекииль, сосредоточена вокруг Храма. В ней не может быть места повторению того, что стало причиной гибели страны. И поэтому пророк подробно передает слова Господа об устройстве страны, о месте и обязанностях князя и основах экономики. Сам по себе этот факт имеет определяющее значение, потому что здесь закладываются основания нравственного устройства общественной жизни.

Пророк подчеркнуто избегает говорить о царе и царстве в Иерусалиме: лет за тридцать до времени этого пророчества пророк Иеремия возвестил прекращение власти династии Давида. Не будет более в Израиле царей, доколе не придет Христос, Сын Давидов. Не исключено, что Иезекииль ясно видел, что в будущем не будет у Израиля и полной политической самостоятельности, но его духовная уникальность будет сохраняться в рамках мировых империй (Персидской, Александра Македонского, а потом Римской). Так или иначе, пророк говорит о князе, власть которого весьма ограничена.

И здесь как нечто само собой разумеющееся пророк возвещает совершенно удивительные вещи. Основные обязанности князя, о которых пророк считает нужным сказать, – религиозные. Он приносит жертвы за весь народ, представляет его перед Богом. Можно сказать, что князю поручается некоторая религиозная ответственность за народ. Для древнего Востока, да и для более поздних обществ, это нельзя назвать чем-то необычным; подобные религиозные функции правителя известны в истории многих народов. Однако обычно этим они не ограничивались; еще в Российской империи последний император в вопросе переписи населения о роде своих занятий писал «хозяин земли русской», тем более в этом духе мнили о себе государи древности. Но в книге пророка Иезекииля на князя не только возлагаются определенные обязанности, но и права его существенно ограничены.

В допленную эпоху цари и их приближенные нередко силой и неправым судом отбирали у своих подданных землю – основной источник пропитания людей. Весьма ярко рассказывают об этом главы 3-й книги Царств, посвященные пророку Илии. Обличают эти жестокие проявления власти и поздние пророки, включая Иеремию и самого Иезекииля. Кровь, которой Израиль обагрят Святую землю, как говорит об этом Иезекииль, проливалась в борьбе с князьями за земельные участки. В обновленном Иерусалиме князю запрещено покушаться на землю своих подданных. Земельная доля князя ясно определена, и пророк подчеркивает, что это делается для того, чтобы князья впредь не теснили народа Божьего.

Но требование справедливости, требование не причинять зла слабым и беззащитным, распространяется не только на князя. Все-му народу повелевает Господь содержать правильные меры веса. Обратим внимание, что в то время это одновременно подразумевало и честность в установлении валютных курсов. Специально определяет пророк и порядок передачи земель по наследству. Иными словами, у стен нового Храма не может быть экономических махинаций, торгового обмана. Тем самым пророк дерзает давать нравственную оценку и государству, и экономической жизни общества, на что мы далеко не всегда решаемся. Главный смысл его слов в том, что обман и ограбление бедных и беззащитных – грех перед лицом Вседержителя.

Точно так же приводимый Иезекиилем порядок жертвоприношений, которые должен совершать князь, лишает его власти в области духа. Многие допленные цари Северного и Южного Царств считали себя вправе приступать к жертвеннику по собственному разумению и устраивать религиозную жизнь по своему усмотрению. Большей частью это выражалось в том, что цари допускали, а порой и насаждали чужеземные языческие культы; это делали и Соломон, и большинство его потомков, вплоть до Манассии. Лишь изредка, как во времена Езекии и Иосии, голос веры и совести звучал в сердце и поступках царей. Но отныне участие князя в почитании Бога строго регламентировано, и тем самым подчеркивается, что перед Богом князь – такой же человек, как все. Пророк специально говорит, что когда весь народ приходит пред лицо Господне, князь «должен находиться среди них; когда они входят, входит и он; и когда они выходят, выходит и он». Для древнего мира, где государь нередко был не только верховным жрецом, но часто и земным богом, это абсолютно уникальная позиция. В словах пророка мы видим своего рода предзнаменование обличений, которые первые христиане бросали в лицо римской власти, принуждавшей их поклоняться императору.

Весьма важно, что пророк не только разграничивает светское и религиозное в жизни спасенного Израиля. Нравственная оценка светской жизни с точки зрения закона Божьего подразумевает,

что в жизни Божьего народа нет ничего, что было бы религиозно индифферентным: вся его жизнь должна быть служением Богу. Когда Господь скажет искушающим Его книжникам: «Отдавайте кесарю кесарево, а Божие – Богу», в Его словах отзовется пророчество Иезекииля о том, что Царство Божие несравненно выше царств мира сего.

47–48

В заключительных главах своей книги пророк Иезекииль описывает устройство Святой земли и распределение земли между коленами Израилевыми. Но в этом «техническом» тексте мы видим несколько исключительно важных деталей. Как и в предыдущих главах, эти детали подчеркивают, что пророк говорит о чем-то большем, чем просто земное устройство. В его словах звучат апокалиптические ноты, удивительным образом сочетающиеся с «проектом земельного кадастра» для обновленного народа Божия.

47-я глава начинается пророчеством о потоке, исходящем из-под порога Храма. В земном Иерусалиме на Храмовой горе ему нет реального соответствия, и потому описание пророка следует воспринимать как символ некоей духовной реальности. Иезекииль говорит, что этот поток, текущий из Дома Божия, напояет всю землю и животворит все, через что он протекает. По берегам потока все расцветает, воды его изобилуют рыбой, и даже воды моря, в которое он впадает, становятся «здоровыми», пригодными для питья. Такими красками пророки всегда изображают землю, преобразованную в день воцарения Всемогущего, в день Его победы над грехом и смертью.

Поток Иезекииля в общебиблейском контексте следует сопоставить с водой, которую дает Господь Иисус Христос и которая становится в нас «источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин 4:14). Иезекииль таинственным образом видит и возвещает нам те «реки воды живой», которые, по слову Христа, переполняют верующих в Него (Ин 7:38). В видении Иезекииля эта животворная вода истекает из Храма, где присутствует Бог; пророк За-

хария говорит о живых водах, которые в день Спасения потекут из Иерусалима на восток и на запад (Зах 14:8); в рамках Ветхого завета в целом эта живая вода воспринимается как символ животворящей благодати Божьей, символ того Духа, Которым сердца людей из каменных превращаются в плотные. В Новом завете евангелист Иоанн открывает нам, что речь идет не о символе: это та самая вода, что истекает из пронзенного сердца Сына Божьего (Ин 19:34). И тот же евангелист Иоанн свидетельствует в Откровении об этой «реке воды жизни», «исходящей от престола Бога и Ангца» (Откр 22:1).

Описывая далее разделение земли между коленами Израилевыми, Иезекииль соотносит его с тем, что должно было совершиться в рамках нарушенного Израилем Синайского завета. Таким образом, мы видим, что в спасенном и обновленном Иерусалиме Синайский завет находит свое исполнение. То, что не состоялось из-за неверности и греха людей, все же будет исполнено, когда Сам Бог придет спасти народ Свой и заключить Новый завет. И вновь нельзя не вспомнить о словах Господа Иисуса, пришедшего «не нарушить закон, но исполнить» (Мф 5:17). Господь говорит о законе, который по грехам нашим не мог быть нами исполнен без Христа и без излияния Духа Святого, и эти Его слова тоже тесно связаны с пророчеством Иезекииля.

В пророчествах о соседних с Израилем странах и народах Иезекииль говорил, что замысел Творца о спасении простирается и на них. Эта мысль находит поразительное для Ветхого завета продолжение в конце 47-й главы. Говоря о разделе земли, пророк возвещает волю Божию о том, чтобы иноземцы, живущие среди избранного народа, считались наравне с природными жителями Святой земли и тоже получали земельный надел. Эти слова резко контрастируют с зафиксированными после Плена повелениями Пятикнижия об отделении от иноплеменных. Это тоже деталь, несомненно относящаяся к чаемому нами Царству будущего века: даже при возвращении Израиля из вавилонского плена Ездра и Неемия продолжают, в духе Пятикнижия, добиваться отделения от иноземцев. Время единства всех людей перед Богом настанет

не по возвращении из плена, но в конце времен. Лишь тогда, с приходом Христа, в Церкви Нового завета исполнится то, о чем говорит здесь Иезекииль, а после него – Второисайя (Ис 60:3) и Захария (Зах 8:20–23).

В последней, 48-й главе, Иезекииль подробно повествует о том, как следует разделить землю Израиля. Принципиально для него, что это разделение земли основывается не на удачливости или силе колен, но на воле Владыки неба и земли. Речь идет не о немогущей человеческой «социальной справедливости», но о правде Божьей. Последняя так же животворна по сравнению с первой, как воды истекающего из Храма потока животворны по сравнению с горькими водами Мертвого моря. В центре всей земельной системы – земля Храма, земли князя выделяются наравне с землями колен Израилевых. Понятно, что тем самым решительно сужается сфера княжеской власти и возможности его произвола. Центральное положение Дома Божия, места присутствия Славы Господней в мире подчеркивается вновь в последних словах книги, где пророк говорит о вратах Иерусалима, открытых всем. Эта открытость и Присутствие обуславливают новый смысл существования народа Божия и Иерусалима, выраженный в его новом имени: «Господь там».

СОДЕРЖАНИЕ

Свет мира	5
-----------------	---

ОБЩЕНИЕ СВЯТЫХ

ИРИНА ЯЗЫКОВА

Святой как икона Бога.....	11
----------------------------	----

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

Памяти брата Роже	27
-------------------------	----

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

Реальность Преображения (проповедь).....	38
Как умирает Апостол (проповедь).....	39
«Господи, хорошо нам здесь быть!» (проповедь)	40

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Laudate Dominum	44
-----------------------	----

Брат ШАРЛЬ ИИСУСА (Шарль де Фуко)

Бог есть Любовь.....	52
----------------------	----

Миссия в пустыне наших дней. Беседа с кардиналом

ВАЛЬТЕРОМ КАСПЕРОМ о причислении брата Шарля к лику блаженных.....	74
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВЛАДИМИР ФРЕНКЕЛЬ

Церковь: традиция и «модернизм»	95
---------------------------------------	----

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

О едином на потребу	104
---------------------------	-----

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

О таинствах Церкви..... 125

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

Евангелие от Андрея и Церковь третьего тысячелетия 147

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

Семья в замысле Божьем 160

ВЕРА И ЖИЗНЬ

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

Таинство миротворения..... 177

ВЛАДИМИР ИЛЮШЕНКО

Отец Александр Мень: «Зло превратится в пыль» 190

Архимандрит ВИКТОР (МАМОНТОВ)

«Таков нам подобает архиерей...»

Памяти митр. Леонида (Полякова)..... 201

«Вступление в свет»

Из писем сестры Иоанны (*Ю. Н. РЕЙТЛИНГЕР*)

Элле Семенцовой.

Вступительная статья «О круговой поруке духа»,
примечания и подготовка писем к публикации –

Натали Белевцовой 218

В МИРЕ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

Книга пророка Иезекииля 277

SOMMAIRE

La lumière du monde	5
----------------------------------	---

LA COMMUNION DES SAINTS

<i>IRINA YAZYKOVA</i> Saint comme icône de Dieu	11
---	----

<i>Prêtre VLADIMIR LAPCHINE</i> <i>In memoriam Frère Roger</i>	27
---	----

<i>Prêtre VLADIMIR LAPCHINE</i> La réalité de la Transfiguration (sermons)	38
Comment meurt l'Apôtre	39

<i>Prêtre GEORGE TCHISTIAKOV</i> Laudate Dominum	44
--	----

La béatification du Frère Charles de Foucauld <i>Frère CHARLES DE JESUS (de Foucauld)</i> Dieu est Amour	52
---	----

PROBLEMES DE LA VIE DE L'EGLISE

<i>VLADIMIR FRENKEL</i> Eglise : tradition et «modernisme»	95
--	----

<i>Prêtre VLADIMIR LAPCHINE</i> De «la meilleure part» (Lc.10, 42)	104
--	-----

LA PAROLE DU PASTEUR

Archiprêtre ALEXANDRE MEN'

Sur les sacrements de l'Eglise..... 125

Prêtre VLADIMIR ZIELINSKY

L'Evangile selon St André et l'Eglise du Troisième millénaire 147

Prêtre ANTOINE LAKIREV

La famille dans la vision de Dieu 160

FOI ET VIE

Archimandrite VICTOR MAMONTOV

Le sacrement de l'œuvre de la paix..... 177

VLADIMIR ILIUCHENKO

Père Alexandre Men': «Le mal deviendra la poussière» 190

Archimandrite VICTOR MAMONTOV

«Un évêque qui nous convient» – In memoriam du
métropolite Léonide Poliakov 201

De la correspondance du Sœur *JEANNE (REITLINGER)*

à Ella Sementzova.

L'introduction «De la caution solidaire de l'esprit»,

Notes et préparation des textes par Natalia Belevtzeva..... 218

DANS LE MONDE DE L'ANCIEN TESTAMENT

Prêtre ANTOINE LAKIREV

Le livre du prophète Ezéchiel 277

SATURS

Pasaules gaismā	5
------------------------------	----------

SVĒTO SADRAUDZĪBA

<i>Irīna Jazikova</i>	
Svētais kā Dieva ikona.....	11

<i>Garīdznieks Vladimirs Lapšins</i>	
Brāļa Rožē piemiņai.....	27

<i>Garīdznieks Vladimirs Lapšins</i>	
Pārveidošanās realitāte (sprediķis).....	38
Kā mirst Apustulis (sprediķis).....	39

<i>Garīdznieks Georgs Čistjakovs</i>	
Laudate Dominum	44

Brāļa Šarla de Fuko pievienošana svētīgo kārtai	
<i>Brālis Šarls no Jēzus (Šarls de Fuko)</i>	
Dievs ir Mīlestība	52

MŪSDIENU BAZNĪCAS PROBLĒMAS

<i>Vladimirs Frenkels</i>	
Baznīca: tradīcija un «modernisms»	95

<i>Garīdznieks Vladimirs Lapšins</i>	
Par vienīgo un vajadzīgo.....	104

GANA VĀRDS

Virspriesteris Aleksandrs Meņs

Par Baznīcas sakramentiem..... 125

Garīdznieks Vladimirs Zeļinskis

Baznīca trešajā gadu tūkstošī un Andreja Evaņģēlijs 147

Garīdznieks Antonijs Lakirevs

Ģimene Dieva nodomā 160

TICĪBA UN DZĪVE

Arhimandriņš Viktors (Mamontovs)

Pasaules radīšanas noslēpums 177

Vladimirs Iļušenko

Tēvs Aleksandrs Meņs: «Ļaunums pārvērtīsies putekļos» 190

Arhimandriņš Viktors (Mamontovs)

«Tāds mums pienākas arhierejs...»

Metropolīta Leonīda (Poļakova) piemiņai 201

Ienākšana gaismā. No māsas *Joannas (J. N. Reitlingers)* vēstulēm
Ellai Semencovai.

Ievadraksts «Gara saistībā». Piezīmes un vēstuļu gatavošana
izdošanai – Natālija Beļevceva 218

VECĀS DERĪBAS PASAULĒ

Garīdznieks Antonijs Lakirevs

Pravieša Ecekiēla grāmata..... 277

**Международным Благотворительным Фондом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991–2006)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XV

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»

(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель.

Икона Пресвятой Троицы преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская

«Пастырь» (Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» – Учение Евагрия Понтийского
о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – Духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Fund
Kr. Valdemara 121 – 1
Riga LV1013
LATVIA

Phone/fax: +371 7361769

Phone: +371 7361909

E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv